

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий»

На правах рукописи

Валиева Дина Равилевна

**СПОСОБЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО
МАНИПУЛЯТИВНОГО ДИСКУРСА СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ
О COVID-19 ИЗ БРИТАНСКОГО НОВОСТНОГО ПОРТАЛА
THE GUARDIAN)**

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)
(филологические науки)

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор А.С. Самигуллина

Уфа – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МАНИПУЛЯТИВНОГО ДИСКУРСА.....	17
1.1. Манипуляция как междисциплинарный феномен.....	17
1.1.1. Подходы к определению понятия «манипуляция».....	21
1.1.2. Основные характеристики манипуляции.....	23
1.2. Манипуляция и дискурс.....	38
1.2.1. К вопросу определения понятия «дискурс».....	40
1.2.2. Специфика медиадискурса.....	42
1.2.3. Критерии идентификации манипулятивного дискурса.....	46
Выводы по Главе 1.....	48
ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МАНИПУЛЯЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА.....	50
2.1. Приемы манипуляции на разных уровнях языка.....	50
2.1.1. Приемы манипуляции на лексическом уровне.....	52
2.1.2. Приемы манипуляции на грамматическом (морфологическом) уровне.....	60
2.1.3. Приемы манипуляции на лексико-стилистическом уровне.....	63
2.2. Методы анализа англоязычного манипулятивного дискурса.....	69
2.2.1. Метод контент-анализа	73
2.2.2. Метод компонентного анализа.....	77

2.2.3. Метод дискурс-анализа.....	83
2.2.4. Метод критического мышления.....	97
Выводы по Главе 2	109
 ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МАНИПУЛЯТИВНОГО МЕДИАДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ О COVID-19 ИЗ БРИТАНСКОГО НОВОСТНОГО ПОРТАЛА THE GUARDIAN)	113
3.1. Методика анализа.....	113
3.2. Критерии отбора эмпирического материала.....	118
3.3. Анализ манипулятивных приемов на макроуровне.....	121
3.4. Анализ манипулятивных приемов на микроуровне.....	126
3.5. Анализ манипулятивных приемов на мезоуровне.....	140
3.6. Интерпретация результатов.....	151
Выводы по Главе 3	163
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	167
 СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	171
 СПИСОК СЛОВАРЕЙ.....	194
 СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА.....	195
 ИЛЛЮСТРАТИВНОГО	
 ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Статья «Can we now treat Covid like a cold and is UK still tracking numbers?».....	218
 ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Статья «‘A horrible winter lies ahead’: next PM will inherit an NHS on its knees».....	222
 ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Статья «Long Covid is the elephant in the room, but it seems invisible to Australian politicians».....	227
 ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Список примеров использования метафорических оборотов как средства выражения манипулятивных	

стратегий.....	231
ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Статья «As a new variant emerges, is Covid coming back to the UK?».....	235
ПРИЛОЖЕНИЕ 6. Статья «Coronavirus: nine reasons to be reassured».....	238
ПРИЛОЖЕНИЕ 7. Статья «Covid study finds millions have long-term smell or taste problems».....	241

ВВЕДЕНИЕ

Изучение манипулятивного дискурса в целом и манипулятивного медиадискурса в частности в настоящий момент является одной из наиболее актуальных областей исследования гуманитарных наук. Лингвистические дисциплины располагают достаточно большим арсеналом приемов, служащих для выявления манипулятивных техник в различных видах дискурсивных практик. Однако, до сих пор не выработана единая методологическая база, с помощью которой было бы возможно осуществлять максимально объективную интерпретацию манипулятивного компонента в дискурсе. Подобное обстоятельство во многом объясняется тем, что сегодня отсутствует единый подход к определению данного феномена: одни исследователи квалифицируют манипуляцию как процесс, другие – как результат воздействия на сознание человека, достигаемый определенной последовательностью шагов.

В настоящее время наиболее актуальным подходом к изучению манипуляции с лингвистической точки зрения является рассмотрение последней как характеристики дискурса или дискурсивной ситуации. Такой подход позволяет выявить и классифицировать различные лингвистические и экстралингвистические средства, используемые для реализации манипуляции в англоязычном дискурсе. Англоязычный манипулятивный медиадискурс является одной из форм дискурса, которой присуще использование идеосинкретичного арсенала вербальных и невербальных средств реализации манипуляции.

Теоретико-методологический фокус настоящего диссертационного исследования переносится на многофакторный анализ англоязычного медиадискурса, отличающегося как спецификой структурной организации, так и наличием «экстралингвистического ореола», возникающего в процессе его создания. Кроме того, содержательная составляющая англоязычного

медиадискурса, как правило, регламентируется определенным способом подачи информации в зависимости от целей и намерений автора материала, что само по себе подразумевает манипуляцию, которая оказывает воздействие на реципиента в плане восприятия предлагаемой информации. Наиболее эффективным способом изучения англоязычного медиадискурса представляется его анализ на трех уровнях: макро-, микро- и мезоуровнях актуализации манипулятивных эффектов. На макроуровне происходит описание содержательной и внешней сторон публикации: основные освещаемые темы, характерные параметры, например, размер статьи, расположение, использование визуальной составляющей. На микроуровне фиксируются лексические, грамматические (морфологические) и лексико-стилистические модели, способствующие созданию манипулятивного эффекта. Мезоуровень анализа предполагает исследование того, как манипуляция манифестируется на логическом и эмоциональном уровнях восприятия информации.

В рамках диссертационного исследования описываются возможные способы интерпретации англоязычного манипулятивного медиадискурса, в котором манипулятивный компонент обнаруживается в единицах, принадлежащих макро-, микро- и мезоуровням «бытования» манипуляции и манипулятивности. К способам, о которых идет речь, можно отнести отдельное и комбинированное использование таких исследовательских эвристик, как контент-анализ, компонентный анализ, дискурс-анализ и метод критического мышления, что позволяет раскрыть манипулятивные инструменты на различных уровнях реализации англоязычного медиадискурса.

Актуальность исследования заключается в том, что анализ корпуса статей, репрезентирующих англоязычный медиадискурс, позволяет выявить общие и частные тенденции в плане манипулирования сознанием

реципиентов информации по теме Covid-19, которая на протяжении пандемии доминировала в мировых СМИ.

Объектом исследования выступает англоязычный манипулятивный дискурс, представленный корпусом статей британского новостного портала The Guardian за 2020-2023 гг.: <https://www.theguardian.com/us>.

Предметом диссертационного исследования являются способы и приемы манипуляции, обнаруживаемые на макро-, микро- и мезоуровнях организации рассматриваемых статей.

Рабочая гипотеза исследования базируется на предположении о том, что англоязычный манипулятивный медиадискурс обладает специфическими структурообразующими лингвистическими и экстралингвистическими характеристиками, полное раскрытие которых возможно через анализ эмпирического материала с использованием макро-, микро- и мезоуровневой модели описания.

Целью диссертационного исследования является выявление и системное рассмотрение манипулятивных инструментов на различных уровнях организации англоязычного манипулятивного медиадискурса, посвященного тематике Covid-19 и представленного серией статей, опубликованных британским новостным порталом The Guardian. The Guardian представляет собой один из наиболее авторитетных новостных ресурсов в мире, что является валидным обоснованием его выбора в качестве источника фактологического материала.

Достижение поставленной цели реализуется в ходе последовательного решения следующих **частных задач**:

- рассмотреть феномен манипуляции через призму междисциплинарности, очертить содержательные границы таких ключевых понятий, как дискурс, медиадискурс, манипулятивный дискурс;

- изучить основополагающие мотивы манипулятивной деятельности, а также теоретически осмыслить специфику существующих манипулятивных приемов;
- описать и каталогизировать лексические, грамматические (морфологические) и лексико-стилистические способы манипулирования;
- определить параметры реализации манипуляции на макро-, микро- и мезоуровнях организации рассматриваемых англоязычных статей;
- предложить собственную методику анализа англоязычного медиадискурса, позволяющую выявлять степень его манипулятивности;
- интерпретировать и систематизировать результаты, полученные эмпирическим путем.

Эмпирическую базу исследования составляет корпус англоязычных статей о Covid-19, которые были опубликованы в период с 2020 г. по 2023 г. Методом сплошной выборки, учитывая критерий репрезентативности, были отобраны 153 статьи британского новостного портала The Guardian.

Специфика поставленной цели и сформулированных задач определила использование комплексного методологического подхода, включающего в себя следующие **методы и техники анализа**:

- общенаучные методы: наблюдение, описание, анализ, синтез, обобщение и систематизация;
- частные методы языкознания: анализ словарных дефиниций, позволяющий провести сравнительный анализ лексико-семантических групп; метод сплошной выборки, используемый для достижения объективности в определении манипулятивного потенциала рассматриваемого языкового корпуса; метод количественных подсчетов с применением практик машинной обработки данных, который способствует определению репрезентативности языковых единиц и

валидации выводов; метод контент-анализа, применяемый для выявления наиболее распространенных языковых единиц в исследуемом дискурсе; метод дискурс-анализа, описывающий дискурсивную ситуацию и роли ее участников; метод критического мышления, внедряемый в исследовательскую практику для изучения англоязычного дискурса в плане определения наличия / отсутствия в нем манипуляции, а также в плане интерпретации фактологического материала на логическом и эмоциональном уровнях восприятия англоязычного медиадискурса.

Теоретико-методологическую основу настоящего диссертационного сочинения составляют труды отечественных и зарубежных учёных, внесших вклад в динамичное развитие следующих областей научного знания:

- *теория дискурса* (Н.Д. Арутюнова, И.Г. Атрощенко, Н.Б. Боева-Омелечко, Ж. Деррида, М.Р. Желтухина, В.В. Красных, Л.В. Кривошлыкова, М. Фуко, В.Е. Чернявская и др.);
- *теория манипулятивного дискурса* (Т.В. Анисимова, И.В. Арнольд, Н.В. Васильева, В.В. Виноградов, С.А. Виноградова, Е.С. Гаврилова, Е.В. Доценко, М.Р. Желтухина, М.Н. Ковешникова, Н.А. Купига, А. Лазар, Д.С. Найдина, С.Е. Никитина, А.В. Сафина, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.);
- *теория манипуляции* (Ф. Гейтс, Е.В. Горина, В.В. Знаков, Д. Канеман, С.Г. Кара-Мурза, Р. Кристи, Н. Макиавелли, К. Санстейл, Г. Шиллер, Н. Хомский и др.);
- *теория контент-анализа* (А.Н. Баранов, А.В. Семенова, В.В. Семенова, Е.П. Чернобровкина и др.);
- *теория компонентного анализа* (Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд, Ф. Гуденаф, У. Лаунсбери, О.Н. Селиверстова, З.Г. Сидешева, А.И. Смирницкий, Н.А. Стадульская, С.Г. Шафиков и др.);

- теория дискурс-анализа (Т.А. ван Дейк, О.А. Леонович, А.В. Лубский, Г. Харрис и др.);
- теория критического мышления (В.Н. Брюшинкина, Е.В. Воевода, Д. Дьюи, М.А. Журбенко, Д. Клустер, Н.М. Ракитянский, Е.А. Стародубцева и др.).

Степень научной разработанности проблемы. Настоящее диссертационное сочинение представляет собой системное многоуровневое исследование англоязычного манипулятивного медиадискурса, которое в теоретико-методологическом плане включает в себя широкий спектр вопросов, затрагивающих изучение собственно манипулятивного дискурса и фокусирующихся на преломлении понятия «манипуляция» под воздействием англоязычных медиадискурсивных практик.

Комбинированное использование таких приемов анализа, как контент-анализ, компонентный анализ, дискурс-анализ и метод критического мышления, позволяет вскрыть ингерентные особенности манипуляции, которые проявляют себя на макро-, микро- и мезоуровнях организации рассматриваемых англоязычных публикаций.

Научная новизна исследования находит свое выражение в следующих опорных пунктах:

- 1) впервые на новом языковом материале реализован междисциплинарный подход к исследованию манипулятивных практик в англоязычном медиадискурсе;
- 2) впервые феномен манипуляции рассматривался в контексте макро-, микро- и мезоуровневой модели описания англоязычного медиадискурса;
- 3) на новом языковом материале процедурно обоснована и эмпирически подтверждена эффективность авторской методики анализа англоязычного манипулятивного медиадискурса;

4) на новом языковом материале разработан алгоритм комбинированного использования таких исследовательских эвристик, как контент-анализ, компонентный анализ, дискурс-анализ и метод критического мышления, что позволяет объективировать процедуру интерпретации манипулятивных проявлений в изучаемом дискурсе.

В результате проведённого исследования **на защиту выносятся следующие положения:**

1. Англоязычный медиадискурс, посвященный теме коронавируса, представляет собой многоуровневую модель актуализации манипуляции посредством как вербальных, так и невербальных знаков.

2. Англоязычному манипулятивному медиадискурсу присущи композиционно-структурные особенности организации, которые включают в себя использование различных типов предложений, параллельных синтаксических конструкций и т.д., характерных для рассматриваемого корпуса эмпирического материала по тематике Covid-19. Грамматические средства манипуляции напрямую соотносятся с выбором залога, использованием модальных глаголов и пр. К лексическим средствам манипуляции можно отнести в первую очередь неологизмы, софистицизмы и метафорические обороты.

3. Манипулятивность англоязычного медиадискурса, затрагивающего тематику Covid-19, «определяется» в лингвистических и экстравербальных средствах ее выражения на макроуровне организации дискурса. В данной связи дискурс-анализ проявляет себя как наиболее эффективный инструмент, позволяющий составлять протокол анализа с учетом основных и дополнительных параметров, описывать макроструктуры (абзацы) и собственно содержательную составляющую дискурса.

4. Исследование англоязычного манипулятивного медиадискурса на микроуровне представляет собой системную выборку ключевых лексических единиц, которые вводят реципиента сообщения в проблематику

Covid-19. Комбинированное применение контент-анализа и компонентного анализа с последующей интерпретацией результатов позволяет выявить в содержательной структуре языковых репрезентантов Covid-19 манипулятивную составляющую и иные смежные темы, связанные с коронавирусом. Дополнительное применение машинных средств обработки эмпирического материала дает возможность представить использование концептуальных переменных и их языковых репрезентантов в количественном эквиваленте.

5. Проявление манипулятивности англоязычного медиадискурса по тематике Covid-19 на мезоуровне сопряжено со структурными особенностями организации медиадискурса, которые находят свое воплощение в сценарной составляющей, использовании определенной тональности общения и других параметрах. К наиболее эффективным исследовательским практикам для работы с единицами указанного уровня можно отнести поэтапное применение элементов дискурс-анализа и метода критического мышления, позволяющих: 1) произвести выборку фактологического материала согласно разработанным критериям; 2) составить многоступенчатый протокол анализа; 3) описать сценарную составляющую; 4) рассмотреть проблему на логическом и эмоциональном уровнях; 5) выстроить стройную систему рассуждений и принятия решений. Данный алгоритм дает возможность не только выявить использованные автором публикации стратегии манипуляции и способы ее выражения, но и оценить степень влияния культурного контекста на восприятие англоязычного медиадискурса реципиентом.

Теоретическая значимость диссертационного сочинения состоит в том, что в нем получают дальнейшее развитие основные положения теории манипуляции в проекции на медиадискурс. Теоретическая ценность работы может быть также обоснована разработкой авторской модели анализа англоязычного манипулятивного дискурса с применением набора

методологических приемов и процедур, которые зарекомендовали себя при изучении единиц с манипулятивным потенциалом, имеющих привязку к макро-, микро- и мезоуровням существования медиадискурса.

Практическая ценность диссертации определяется возможностью использования представленных теоретических положений, фактического материала и методов его исследования при разработке лекционных курсов и на практических занятиях по анализу медиадискурса, коммуникативной лингвистике, лингвистике массмедиа, стилистике, лексикологии и грамматике английского языка, лингвистической интерпретации англоязычного текста; при организации научно-исследовательской деятельности студентов, а также в ходе подготовки курсовых и выпускных квалификационных работ, магистерских и кандидатских диссертаций.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования представлены в семи публикациях в ведущих российских научных журналах. Три статьи опубликованы в рецензируемых изданиях, включённых в реестр ВАК Министерства науки и высшего образования РФ (2 статьи в журнале «Казанская наука», г. Казань, 2022 и 2024 гг., 1 статья в журнале «Мир науки, культуры, образования», г. Горно-Алтайск, 2023 г.).

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности, по которой она рекомендована к защите: диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки):

- п. 6. Лексический строй языка или языковой семьи (слово как основная единица языка, лексическая семантика, типы лексических единиц и категорий, структура словарного состава, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и фразеология и их связи с внеязыковой действительностью),

- п. 9. Текст, дискурс, дискурсивные практики в языках народов зарубежных стран,
- п. 10. Методы исследования языковых единиц и категорий: структурные и функциональные исследования конкретного языка или языковой семьи, корпусные исследования языка или языковой семьи, когнитивные, коммуникативно-прагматические и стилистические исследования языка или языковой семьи; вопросы перевода различных единиц лексического, грамматического и стилистического уровней с одного языка на другой.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, 3 глав, заключения, списка использованной литературы (224), перечня источников иллюстративного материала (153), 7 приложений. Общий объём работы составляет 243 страницы машинописного текста, из которых 168 страниц основного текста.

Во **Введении** даётся обоснование актуальности исследования; описываются его цель и задачи; определяются новизна, теоретическая и практическая значимость работы; даётся описание теоретико-методологической и эмпирической базы исследования. Также введение содержит рабочую гипотезу и положения, выносимые на защиту; информацию об апробации основных результатов исследования; описание структуры работы и соответствие данного исследования паспорту специальности.

Первая глава «Теоретические основы изучения манипулятивного дискурса» посвящена рассмотрению манипуляции как междисциплинарного понятия. Проводится сравнительный анализ подходов к определению дискурса,дается рабочее определение манипулятивного дискурса, рассматривается специфика медиадискурса. Подробно описываются мифы, стратегии и способы манипуляции как ее фундаментальные составляющие;

проводится анализ манипулятивных приемов и обозначаются критерии идентификации манипулятивного дискурса.

Во второй главе *«Лингвистические способы выражения манипуляции в английском языке и методы анализа»* дается обзор наиболее распространенных языковых средств выражения манипуляции на лексическом, грамматическом (морфологическом) и лексико-стилистическом уровнях организации дискурса. Приводятся примеры употребления и способы реализации различных манипулятивных приемов. Подробно описываются такие методы анализа дискурса, как контент-анализ, компонентный анализ, дискурс-анализ и метод критического мышления. Каждый метод рассматривается с точки зрения эффективности его использования на 3 уровнях манипулятивного воздействия: макро-, микро- и мезоуровнях. В ходе контент-анализа оценивается частота употребления слов тезауруса о Covid-19, выявляются наиболее востребованные неологизмы. В процессе компонентного анализа изучается семой состав наиболее частотных лексических единиц по выбранной тематике. Описывается процедура дискурс-анализа и дается оценка его эффективности. Выстраивается схема использования метода критического мышления с обоснованием его результативности при анализе манипулятивной составляющей дискурса.

В третьей главе *«Эмпирический анализ англоязычного манипулятивного дискурса (на материале статей о Covid-19 из британского новостного портала The Guardian)»* осуществляется анализ практического материала на макро-, микро- и мезоуровнях исследования англоязычного медиадискурса. Описываются методика анализа и критерии отбора эмпирического материала; интерпретируются и валидируются обобщения, полученные в результате практического анализа.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, приводятся основные обобщения и выводы по результатам анализа

эмпирического материала, намечаются перспективы дальнейшего изучения обозначенной проблемы.

Библиография включает 224 работы отечественных и зарубежных исследователей по различным аспектам исследуемой темы.

Перечень источников иллюстративного материала включает 153 позиции.

Приложения содержат иллюстративный материал, использованный при проведении эмпирического анализа.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МАНИПУЛЯТИВНОГО ДИСКУРСА

1.1. Манипуляция как междисциплинарный феномен

Манипуляция является объектом изучения таких наук, как философия, психология, социология, политология, лингвистика и т.д. Каждая из них рассматривает отдельные особенности манипуляции, акцентируя внимание на тех или иных аспектах, представляющих интерес для исследователей данного научного направления. Задача лингвистики видится в определении самой сути, в раскрытии всей глубины феномена манипуляции, так как лингвистический подход предполагает рассмотрение фундаментальных особенностей текста и служит отправной точкой для анализа дискурса. Также необходимо отметить, что в лингвистике целесообразно говорить о манипулятивном дискурсе как объекте исследования, нежели отдельно о манипуляции, которая является составляющим элементом данного вида дискурса.

Не менее важен и тот факт, что рассмотрение феномена манипуляции наиболее эффективно на стыке различных научных областей знания. В настоящий момент приемы манипуляции детально описывают, например, в журналистике, отдельные эффекты манипулятивного дискурса отмечают экономист, нобелевский лауреат Д. Канеман и политологи К. Санстейн и Т. Куран.

Термин «манипулирование», или «манипуляция», ведет свое происхождение от латинского слова *manipulare* и в первоначальном значении наделяется позитивными смыслами: «управлять», «управлять со знанием дела», «оказывать помощь» и т.п. Новый словарь русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой даёт следующее определение данному термину: 1. показ фокусов, основанных на ловкости рук (в цирковом искусстве); перен. ловкая проделка, ухищрение; махинация (обычно с оттенком

неодобрительности); 2. сложный прием, сложное действие, производимое при выполнении какой-л. работы; действие манипулятора [Ефремова, URL].

В философии манипуляция изучается с античных времен. Хотя термин появился значительно позже, ещё Платон писал об «искусстве убеждать», упоминая, что оно «значительно отличается от всех других искусств, так как оно всех их заставляет рабски служить себе добровольно, а не насильно» [Платон, 2008, с. 807]. Именно ложное ощущение, что человек сам делает выбор, отличает манипуляцию от таких прямых воздействий, как приказ, тирания, диктаторство.

Следующей важной вехой во внедрении манипуляции в массы стал «макиавелизм». Никколо Макиавелли удалось совершить «революцию» в среде современников после издания трактата «Государь». В данной работе 1531 г. автор подробно описывает различные методы и формы правления, рассуждает об образе «идеального правителя» и отделяет политическую сферу от этики и теологии. Макиавелизм определяется сегодня как «склонность человека в ситуациях межличностного общения манипулировать другими тонкими, едва уловимыми или нефизически агрессивными способами, такими, как лесть, обман, подкуп или запугивание» [Armes, 1979, с. 223-228].

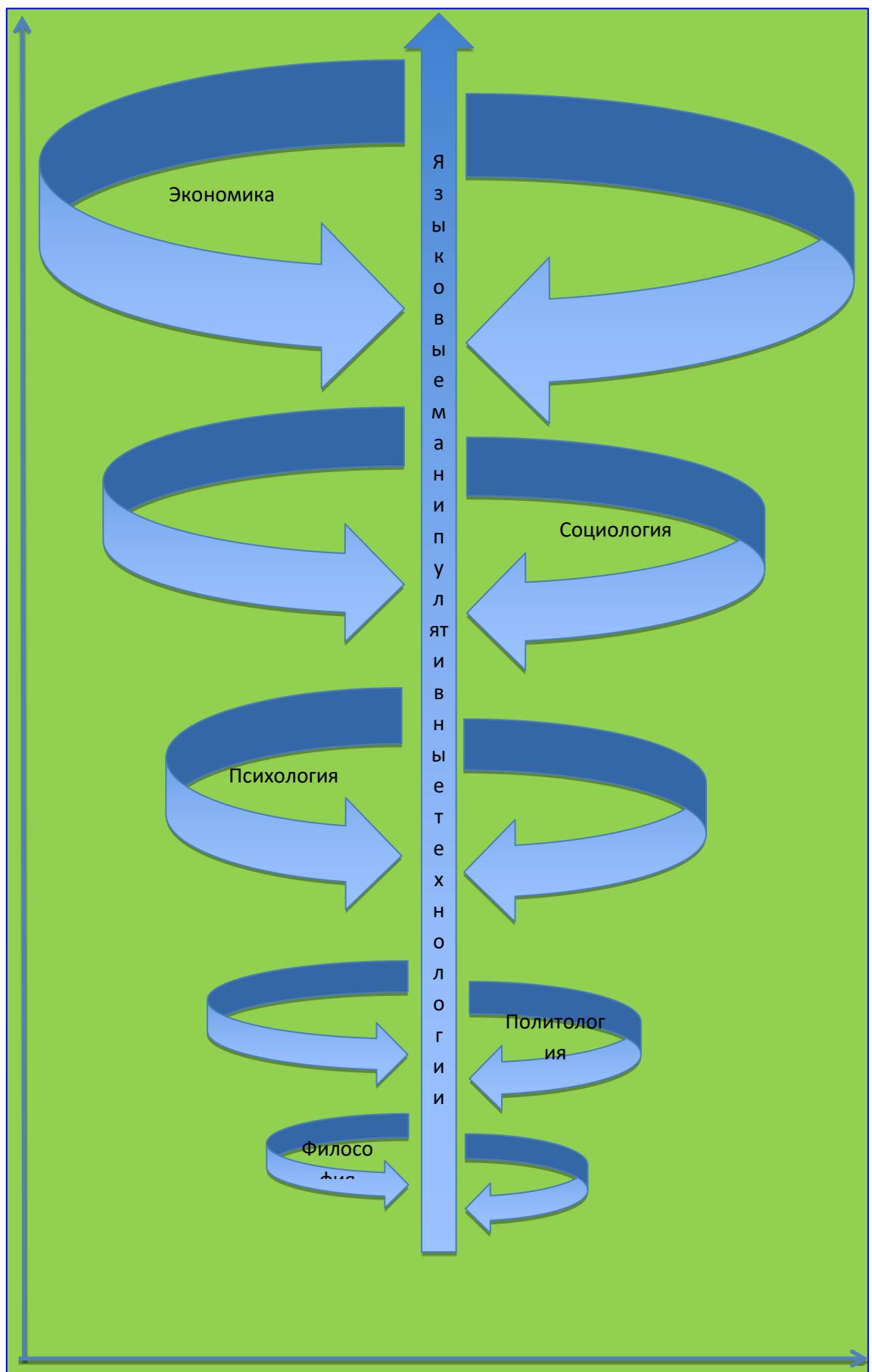
Психологи также активно используют данный термин. В 1970 г. Р. Кристи и Ф. Гейс разработали методику, получившую название «шкала макиавелизма». Целью теста, состоящего из 20 высказываний, которые оцениваются по степени согласия / несогласия, является проверка того, насколько человек способен доверять окружающим, верит в альтруизм и силу воли. Чем выше результаты по данной шкале, тем больше испытуемый склонен к враждебности и подозрительности. Как отмечает В.В. Знаков, «такие субъекты более эффективно обманывают других людей, в межличностном общении они чаще используют лесть и в целом успешнее влияют на других людей» [Знаков, 2000, с. 122].

Высокие результаты по «шкале макиавелизма» говорят и о том, что испытуемые «более коммуникабельны и убедительны независимо от того, говорят они собеседнику правду или лгут» [Знаков, 2001, с. 17]. Можно с уверенностью утверждать, что способность к манипуляции уже долгое время является измеряемой личностной характеристикой и объектом практического исследования, в том числе в психологии девиантного поведения.

Не менее важной вехой в изучении манипуляции являются труды К. Санстейла и Т. Курана, которые ввели понятие «каскада доступной информации», характеризующее механизм проникновения искажений в политику. Д. Канеман определяет данное понятие как «самоподдерживающуюся цепочку событий, которая может начаться с сообщений в СМИ о чем-то сравнительно мелком и привести к всеобщей панике и широкомасштабным действиям правительства» [Канеман, 2021, с. 147]. Иными словами, доступность и регулярность поступления информации, вовлеченность людей в освещаемое событие автоматически вызывают эмоциональную реакцию, т.е. происходит манипуляция сознанием.

Таким образом, феномен манипуляции актуально рассматривать в виде «спирально-сферической» модели, в которой пересекаются и накладываются различные уровни знаний: от философского понятия до практического измерения в психологии и «пронизывающего насквозь» языкового отражения манипуляции (см. Рис. 1).

Рисунок 1. Спирально-сферическая модель исследования манипуляции

1.1.1. Подходы к определению понятия «манипуляция»

Детального рассмотрения заслуживают основные подходы к определению понятия «манипуляция», так как термин является ключевым в данном диссертационном исследовании.

В настоящее время ученые выделяют функциональный, деятельностный и постмодернистский подходы к определению манипуляции, «при этом в рамках функционального подхода, характеризующегося определенной спецификой при использовании его в психологии и философии, манипуляция рассматривается как инструмент для реализации целей субъекта манипуляции; в рамках деятельностного подхода – как особый вид деятельности по скрытому управлению объектом манипуляции» [Тузова, URL]. Постмодернистский подход предполагает возможность «анализировать процесс манипулирования как разновидность компенсирования отсутствующих элементов социальности» [Сиразетдинова, URL]. В данном диссертационном проекте наибольшую актуальность имеют первые два подхода, так как, с одной стороны, манипуляция – это сознательное действие, совершаемое коммуникаторами в дискурсивных ситуациях с целью искажения восприятия реципиентом информации. С другой стороны, манипуляция изучается как процесс и результат влияния на сознание реципиента.

Общепринятое представление о манипуляции рисует данное явление как сугубо негативный процесс, направленный на изменение сознания другого человека. Такой подход отражен во многих трактовках, в том числе в определении А.А. Даниловой, где под языковым манипулированием понимается «скрытое языковое воздействие на адресата, намеренно вводящее его в заблуждение относительно замысла или содержания речи» [Данилова, 2011, с. 12]. Это определение упускает те случаи, когда манипуляция используется с целью положительного изменения восприятия

действительности, например, в процессе воспитания и формирования отношения к базовым понятиям и ценностям в обществе.

По мнению Е.Л. Доценко, «манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко, 1996, с. 59]. Исследователь делает акцент на том, что манипуляция приводит к «намерениям», противоречащим «желаниям». Однако, в медиадискурсе целью манипуляции может быть отвлечение внимания, ограничение доступа к информации или постепенное внедрение определенной идеи, что не приводит к возникновению намерения, противоречащего желаниям, а в большей мере призвано сформировать как первое, так и второе.

Ёмкое определение манипуляции предлагает Т.М. Голубева, характеризуя данное явление как «вид скрытого воздействия, осуществляемый в интересах говорящего и имеющий целью ввести в модель мира реципиента новые знания, мнения, убеждения и / или модифицировать уже существующие посредством различного рода стратегий» [Голубева, 2009, с. 14]. Здесь прослеживается нейтральная оценка манипуляции, нет оценочного суждения о том, что манипуляция является негативным действием. Стоит указать, что в медиадискурсе говорящий, или коммуникатор, может выступать лишь в качестве посредника для формирования мировосприятия у реципиента, что не всегда соответствует интересам самого коммуникатора.

В диссертационном исследовании манипуляция понимается как воздействие на сознание объекта, а также формирование и / или искажение восприятия явлений действительности с целью достижения определенных целей. Более точное понимание указанного феномена возможно благодаря детальному рассмотрению характерных черт манипуляции.

1.1.2. Основные характеристики манипуляции

В одной из основополагающих научных работ, посвященных изучению природы манипуляции, поднимается вопрос о мифах, отражающих ее суть и противоречия. Г. Шиллер в книге «Манипуляторы сознанием» выделяет 5 главных мифов о манипуляции и наглядно показывает, как данное явление пронизывает все общественные институты: от образовательных учреждений до государственных структур. Автор приводит множество примеров из общественной жизни США, иллюстрирующих то, как мифы реализуются с помощью различных средств [Шиллер, 1980].

1) «Миф о нейтралитете». Г. Шиллер постулирует невозможность объективно передавать и транслировать информацию, освящать событие или придерживаться нейтралитета в действиях. Противоречие заключается в том, что СМИ позиционируют объективный и беспристрастный взгляд как основу своей деятельности.

2) «Миф об индивидуализме и личном выборе». Личный выбор является субъективной интерпретацией действительности: каждый человек имеет ограничения в доступе к средствам информации, что связано с различными факторами: от географических до финансовых. И в эпоху широкого доступа к Интернету выбор большинства пользователей ограничен цифровыми алгоритмами, привычными сайтами и рекомендациями социальных сетей, которые, в свою очередь, базируются на принципе подачи однородной и типичной информации, а не противоположного мнения или альтернативного источника.

3) «Миф о неизменности природы человека». Как замечает Г. Шиллер, «каждому человеку присуща тяга к негативному, плохим новостям и гадким поступкам. СМИ только выполняют социальный заказ, демонстрируя отрицательные явления жизни» [Шиллер, 1980, с. 42]. Данная мысль подтверждается тем, что абсолютное большинство новостей,

выходящих на первых полосах в СМИ, – это новости о конфликтах, происшествиях, рецессиях и т.д. Успехи в науке, достижения в социальной сфере или позитивные тенденции в межличностных отношениях, новые книги, фильмы и пр. крайне редко оказываются первыми в списке актуальных новостей, что в значительной степени отражает насущные интересы общества.

4) «Миф об отсутствии социальных конфликтов» свидетельствует о недостаточном освещении социальных конфликтов внутри одной страны и о чрезмерном их отражении в другой стране. Большинство государств мира старается не поднимать такие темы, как дискриминация по различным признакам, преступления на бытовой почве и подростковая преступность, но почти в каждой стране есть отдельные исследования и публикации о жизни в других уголках планеты, где подробно описаны подобные конфликты. При этом рассматриваемые случаи часто представляются как показательные и характерные для всего населения. Редко приводятся статистические данные по социальным проблемам.

5) «Миф о плюрализме средств массовой информации» наиболее актуален в современном обществе. Несмотря на множество источников информации, большинство из них автоматически «проходят» несколько уровней цензуры. Во-первых, каждый читатель или пользователь Интернета ограничен языковыми возможностями. Англоговорящие страны, по мнению Г. Шиллера, придерживаются близкой точки зрения по наиболее острым мировым вопросам. Доступ к информации на других языках мира – это сложность, которую может преодолеть лишь незначительное число жителей тех стран, где английский язык – государственный либо основной язык общения. Во-вторых, количество ресурсов с альтернативной точкой зрения ограничивается как запретами в онлайн и оффлайн реальности, так и необходимостью тратить финансовые ресурсы для приобретения необходимой информации. В-третьих, большинство мировых СМИ

контролируется государством. Следовательно, их главная задача – преподносить информацию таким образом, чтобы в стране не возникали «очаги напряжения», что вполне объяснимо важностью поддержания порядка и безопасности в обществе.

Представленные мифы отражают лишь часть сущностных характеристик манипуляции. Их количество может быть увеличено в связи с такими факторами, как активное внедрение искусственного интеллекта, изменение в способах восприятия и подачи информации и многими другими. Но все они будут реализовываться посредством определенных стратегий. Н. Хомский выделил список из десяти наиболее используемых и успешных стратегий [Chomsky, URL]. Каждая стратегия раскрывает подходы в подаче информации, ее направленность и способы вовлечения читателей.

1) «Стратегия отвлечения». Согласно Н. Хомскому, данная стратегия является доминирующей в подаче информации и заключается в отвлечении внимания общества от политических и социально-экономических проблем при помощи непрерывного потока малозначительных, отвлекающих сообщений. Общество лишается возможности узнавать действительно важное, следить за достижениями в научной сфере, развиваться.

2) «Создай проблему и предложи решение». Н. Хомский утверждает, что действие по принципу «проблема – реакция – решение» позволяет принимать законы и меры, обоснованные чрезвычайными ситуациями, на которых СМИ делают особый акцент. Сообщения о таких ситуациях вызывают заведомо негативную реакцию. Так как они часто ассоциированы с базовыми страхами, человек готов поступиться своими правами и свободами для того, чтобы избежать подобных ситуаций в собственной жизни.

3) «Стратегия поступательности». Общество нужно готовить на протяжении некоторого времени к нововведениям. Без подготовки новшество может вызывать радикальную реакцию.

4) «Стратегия отложенных мер». Государству часто легче внедрить непопулярные решения, если они касаются относительно далекого будущего. Человек по своей природе верит в лучшее и всегда оставляет надежду, что в будущем все может измениться. Когда будущее наступает, человек уже «свыкся с мыслью» и воспринимает ту или иную меру как само собой разумеющуюся.

5) «Относись к публике как к маленькому ребенку». Н. Хомский указывает, что в обращениях к обществу используются речевые средства, аргументация и даже интонация, присущие общению с детьми. Так как человеку свойственно реагировать на сообщение на соответствующем ментальном уровне, данная стратегия позволяет относиться к людям как к детям, у которых отсутствует критическое мышление и другие «фильтры» в восприятии информации.

6) «Обращение к эмоциям, а не к размышлению». Стратегия заключается в том, что эмоциональная реакция блокирует возможность рационально и объективно оценивать происходящее либо ту информацию, которую человеку пытаются навязать. Кроме того, «активация» эмоций позволяет внедрить идею через подсознание, что и является целью манипуляции.

7) «Держать общество в неведении и на уровне посредственности». Отсутствие достойного образования или его низкое качество для большинства населения позволяют удерживать дистанцию между наиболее успешными слоями общества и остальными гражданами. Стратегия не допускает перехода из одного социального слоя в другой.

8) «Поддержание интереса к посредственности». Мода на вульгарность, глупость и посредственность рассматривается Н. Хомским как стратегия манипулирования сознанием.

9) «Усиление чувства вины». Поддержание идеи о том, что каждый в ответе за свои неудачи, провалы, отсутствие знаний, направлено на то,

чтобы человек находился в состоянии депрессии и не предпринимал попыток изменить ситуацию. Бездействие гарантирует государству отсутствие общественных волнений.

10) «Знать о человеке больше, чем он сам знает о себе». Прогресс в таких науках, как биология, нейробиология, прикладная физиология, психология и многих других, позволил глубоко изучить природу человека. Следовательно, носители таких знаний легче контролируют общество.

Описанные стратегии используются в качестве основы для манипулирования общественным сознанием. Продолжающееся активное развитие технологий и радикальные изменения способов коммуникации создают новые стратегии, адаптированные под современные реалии и вызовы.

Стратегии Н. Хомского можно сопоставить со способами манипуляции, представленными в книге С.Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием». С.Г. Кара-Мурза подробно изучил вопрос манипуляции в СМИ и рассматривает данное явление как «воздействие, которым [мы] недовольны, которое побудило нас сделать такие поступки, что мы оказались в проигрыше, а то и в дураках» [Кара-Мурза, 2000, с. 486]. Если стратегии Н. Хомского отражают целенаправленный акт и варьируются в зависимости от ситуации, то способы С.Г. Кара-Мурзы служат единой цели, в данном случае – манипуляции сознанием.

1) «Фабрикация фактов». Способ становится все более актуальным в современную эпоху постправды, когда подача информации происходит в молниеносном режиме, а искажение, замалчивание или вольная интерпретация фактов являются одной из разновидностей лжи.

2) «Отбор материала». Выбор и частичное освещение событий, мнений, подходов к различным вопросам искажают реальность и являются инструментом создания необходимого для авторов впечатления.

3) «Черная информация». Под данным способом С.Г. Кара-Мурза подразумевает большое количество информации, что приводит к деградации общества, подмене социально-культурных основ и подрыву государства.

4) «Большая толпа». Способ позволяет воспринимать общество как управляемое целое, поддающееся воздействию, неспособное к критическому мышлению.

5) «Утверждение и повторение». Многократное повторение информации способствует ее запоминанию и переходу в подсознание. Мысль или идея, которые сначала могут казаться абсурдными, через определенное количество повторений воспринимаются как должное, а затем переходят в категорию установок, которые влияют на действия и решения человека.

6) «Дробление и срочность». «Порционное» освещение материала позволяет исказить его восприятие и уменьшить или увеличить его значимость в глазах общества.

7) «Упрощение, стереотипизация». Упрощенная манера общения с обществом, с одной стороны, объясняется желанием преподнести информацию на языке, доступном для широкой публики. С другой стороны, подача материала примитивным образом, с использованием стереотипов и клише зачастую приводит к значительному искажению фактов.

8) «Сенсационность». Акцентированное освещение наиболее «горячих», часто негативных тем отвлекает общество от остальных вопросов и проблем, позволяет «закрыть глаза» на многие другие события.

В следующей таблице представлен сопоставительный анализ стратегий манипуляции Н. Хомского и способов манипуляции С.Г. Кара-Мурзы.

<i>Стратегии манипуляции Н. Хомского</i>	<i>Способы манипуляции С.Г. Кара-Мурзы</i>
Стратегия отвлечения	Фабрикация фактов
Создай проблему и предложи решение	Отбор материала
Стратегия поступательности	Дробление и срочность
Стратегия отложенных мер	Черная информация

Относись к публике как к маленькому ребенку	Упрощение, стереотипизация
Обращение к эмоциям, а не к размышлению	Сенсационность
Держать общество в неведении и на уровне посредственности	Утверждение и повторение
Усиление чувства вины	
Знать о человеке больше, чем он сам знает о себе	

Таблица 1. Сопоставление стратегий и способов манипуляции

Несмотря на различные номинации, стратегии и способы манипуляции объединены основными принципами воздействия на реципиента:

- 1) выбор материала освещения;
- 2) постепенное и систематическое внедрение той или иной идеи;
- 3) стремление вызвать эмоциональную реакцию различными способами.

Результаты настоящей диссертационной работы, полученные в ходе анализа эмпирического материала, подтверждают использование данных принципов в манипулятивном дискурсе.

Стратегии и способы манипуляции находят свое выражение в ряде вербальных и невербальных приемов. В данной работе используется классификация приемов, разработанная Е.В. Гориной и представленная в книге «Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности» [Горина, 2016]. Эта классификация является не единственной возможной, но она демонстрирует инструменты, наиболее часто применяемые в манипулятивном дискурсе, что наглядно иллюстрируют примеры из анализируемых статей.

Согласно Е.В. Гориной, выделяются следующие приемы манипулирования [Горина, 2016, с. 15-34].

1) **Манипуляция словами-амебами.** Данная манипуляция предполагает использование слов с наиболее размытым смыслом и без четких семантических границ, что позволяет автору уйти от конкретного отражения ситуации и хотя бы частично избежать ответственности за ситуацию, мнение или отношение к описываемым событиям. Словам-амебам характерна «научность»: незнакомое иностранное слово заставляет читателя предположить, что автор текста – современный образованный человек, возможно, занимающийся наукой, что усиливает «разрушающее» действие слова [Горина, 2016, с. 15]. Другой особенностью использования слов-амеб является то, что именно в контексте они приобретают манипулятивный характер и создают «патетику», позволяющую интерпретировать ситуацию с наиболее выгодного ракурса. Пример использования данного приема можно найти в статье новостного портала The Guardian от 5 января 2022 г. «Vaccination as the Price for Taking Part in Society» [The Guardian, URL]:

*«Social factors may explain the existence of vaccine avoidance, but they do not justify it... No one is being coerced into being vaccinated; this is simply the price for taking part in **normal society**»* [Там же].

«Social factors», «normal society» – примеры фраз-амеб, которые создают камуфляжный образ без прямого высказывания автором его личного отношения или мнения. Читатель вынужден на основе личного опыта догадываться, о каких именно «социальных факторах» идет речь, при этом появляется возможность не обозначать виновных или ответственных за ситуацию в обществе. Еще более абстрактной видится фраза «*нормальное общество*». При полном отсутствии единого мнения и авторской интерпретации данного понятия читателям остается самим делать предположения о том, что имел в виду автор. Но одновременно данная фраза может вызвать у реципиента чувство вины или сомнения в том, «платит ли он цену за участие в нормальном обществе».

Потенциал использования слов-амеб неограничен. Практически для любого понятия можно найти синоним, который позволит завуалировать, смягчить ситуацию либо сместить акцент с целью манипуляции сознанием.

2) *Манипуляция при помощи контраста и обобщения.* Контраст и обобщение являются инструментами для объективного, логического анализа ситуации или фактов. Но именно данное свойство позволяет достичь максимального манипулятивного эффекта: специально подобранные слова, фразы, примеры направлены на субъективную интерпретацию, часто дискредитацию, слишком негативную или позитивную оценку той или иной информации. Для реализации данного приема часто используются невербальные средства: фотографии, таблицы со статистическими данными, цветовые инструменты и т.д. На вербальном уровне эффект достигается при помощи как лексических средств, так и синтаксических конструкций.

Примеры использования невербальных средств можно увидеть в статье от 13 марта 2022 г. «How Covid Shook the US: Eight Charts that Capture the last two Years» [Berger, URL]. Приведенные ниже таблицы только на первый взгляд стремятся сопоставить и обобщить информацию. При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что они тяжело «читаются», а применение разных цветов и маркеров дополнительно усложняет их восприятие, так как предполагает детальное изучение данных, чем, скорее всего, будут заниматься специалисты, но не массовый читатель (см. Рис. 2).

Deaths by race and ethnicity, relative to the US population

■ Share of deaths is higher than share of the population

	Share of deaths	Share of population
White	62.5%	60.1%
Hispanic/Latino	16.9	18.5
Black	13.6	12.5
Asian	3.3	5.8
American Indian/Alaska Native	1.0	0.7
Native Hawaiian/Pacific Islander	0.2	0.2

Guardian graphic. Source: Centers for Disease Control, as of 11 March 2022.

Vaccinations by race and ethnicity, relative to the US population

■ Share of fully vaccinated is higher than share of the population

	Share of vaccinated	Share of population
White	56.2%	61.2%
Hispanic/Latino	19.8	17.2
Black	10.1	12.4
Asian	6.8	5.8
American Indian/Alaska Native	0.9	0.8
Native Hawaiian/Pacific Islander	0.3	0.3

Guardian graphic. Source: Centers for Disease Control, as of 11 March 2022. Note: Fully vaccinated are those who received a second dose of a two-dose vaccine or one dose of a single-shot vaccine. The total population used is from jurisdictions that report vaccination data by race, so the population share may differ from other reported figures.

Рисунок 2. Сопоставление уровня смертности и уровня вакцинации среди различных этнических групп относительно населения США

Кроме того, если сравнивать приведенные данные, можно обнаружить и фактическую ошибку: доля населения различных расовых групп и национальностей не совпадает, несмотря на одну и ту же дату их сопоставления. Хотя об этом сказано в примечании под второй таблицей, общая сложность инфографики скорее заставляет читателя прочитать и поверить комментариям автора, чем самостоятельно изучить таблицы и прийти к собственным выводам.

Пример верbalного выражения данного приема можно найти в статье от 17 июля 2021 г. «Majority of Covid Misinformation Came from 12 People, Report Finds» [Salam, URL]. Автор статьи объединяет людей, выступающих против коронавируса, в группу под названием «*disinformation dozen*» либо использует фразу «*12 people*» и напрямую говорит о том, что данная «дюжина» оказала влияние на 59 миллионов человек, которые следят за ними в социальных сетях. Так автор создает контрастное противопоставление между небольшой группой и миллионами читателей. Приводится конкретное число в 65 % постов и твитов с антикоронавирусной тематикой, которые были созданы данной «дюжиной». Прием позволяет обезличить рассматриваемую группу людей и подчеркнуть их

незначительность: в статье упоминается лишь одно имя, остальные участники характеризуются по роду их профессиональной деятельности:

«Among the dozen are physicians that have embraced pseudoscience, a bodybuilder, a wellness blogger, a religious zealot, and, most notably Robert F Kennedy Jr, the nephew of John F Kennedy who has also linked vaccines to autism and 5G broadband cellular networks to the coronavirus pandemic» [Там же].

При общем объеме статьи в 401 слово 9 раз использованы лексемы «*misinformation / disinformation*», 5 раз упоминается «*dozen*» и 3 раза в разных сочетаниях встречается слово «*twelve*».

Манипуляция при помощи обобщения и контраста оказывает значительное влияние на восприятие информации, так как основывается на конкретных фактических данных. Отметим, что без использования критического мышления эффект манипуляции приводит к настоящей дезинформации и ложной трактовке реальных событий.

3) *Манипуляция с помощью подмены понятия.* Прием реализуется за счет коннотативного и денотативного потенциала отдельно взятых слов, а также на уровне текста в целом, когда автор смешивает или чередует часто не связанную напрямую информацию с целью вызвать определенную реакцию у читателя. По определению Е.В. Гориной, «это умение выдать одно понятие за другое, заменить понятие (уменьшить объем понятия), чтобы изменить контекст, вызвать определенную реакцию, изменить отношение к чему-либо» [Горина, 2016, с. 27].

Манипуляция с помощью подмены понятия часто встречается в текстах, в которых автор пытается убедить читателя в правильности своей точки зрения при помощи апеллирования к чувствам, ассоциациям и опыту. Несколько примеров использования этого приема можно найти в статье от 15 августа 2021 г. «Anti-vaxxers Using Pro-choice Slogans Make me so Angry» [Wiseman, URL], где автор чередует и смешивает такие темы, как эмоциональные реакции на детские фотографий и фотографий

протестующих, свобода выбора, право женщин на аборты, лондонские марши против вакцинации. Автор справедливо отмечает, что использование фразы «*My body. My choice.*» как для борьбы с запретом на аборты, так и для борьбы с обязательной вакцинацией является манипуляцией:

It's used in Covid marches with the grim-plication that it's hypocritical to support the right to choose a medical procedure and also support public health requirements, like wearing face coverings. Except no. A person who doesn't want to be pregnant harms nobody by choosing an abortion [Там же].

Но затем автор статьи смешивает две темы, что, безусловно, вызывает эмоциональную реакцию, но противоречит логической последовательности изложения фактов. Так, автор пишет о законе, направленном против абортов в Техасе, и об абсурдных ограничениях в гражданских правах. Но при этом ни слова не говорится о том, какое количество ограничений было у людей, которые отказались делать вакцину (от свободы передвижения до возможности работать в определенных сферах):

While Covid-deniers are slingng these slogans about bodily autonomy around in discussions about vaccine passports and face masks, they are still being used to protest government regulation around abortion. In Texas for example, a law has just been passed that allows Americans to sue anybody who helps a woman get an abortion. If a stranger overhears you talking about your abortion, they cannot only sue the clinic (for up to \$10,000), but also the parent who lent you money for it, and the taxi driver who took you there [Там же].

В контексте статьи в целом упоминание спорного закона в американском штате вызывает чувство негодования, и читатель проводит параллель между двумя темами, которые не были для него связаны до прочтения материала. Упоминание ярости, злости и пр. по отношению к противникам вакцин и использование слова «антиваксеры» однозначно отражают мнение автора по данному вопросу.

Примеры демонстрируют, что манипуляция с помощью подмены понятия является действенным приемом, который раскрывается и используется на разных уровнях дискурса.

4) **Манипуляция критикой.** Манипуляция критикой характерна как для текстов, открыто публикующих мнение тех или иных экспертов, специалистов или авторов, так и для текстов, которые, казалось бы, должны предоставлять объективные, безоценочные данные. С одной стороны, это обусловлено тем, что открытая критика предполагает отсутствие манипулятивной природы высказывания. С другой стороны, манипуляция заключается в постепенном формировании отношения к тому или иному вопросу. «Если объект дискредитации новый, не критиковался ранее, не обладает ярко выраженными негативными сторонами, то используется «наращиваемая» критика» [Горина, 2016, с. 31]. Кроме того, авторы сообщения отслеживают то, как читатели принимают информацию, и адаптируют материал.

Часто критика «подается» как часть текста, который посвящен гораздо более обширной теме, нежели критикуемый объект. Так, в статье «Your Niece is Suddenly Vegan! How to Survive the 12 Disasters of Christmas» [Williams, URL] только в одном разделе из 12 содержится критическое высказывание о тех, кто выступает против вакцин:

When we think of anti-vaxxers, especially in an intimate, family setting, we're often most comfortable channelling our indignation into the territory of health: that anti-science idiot is endangering my health, or grandma's, ergo they are selfish. Undoubtedly, they are much more likely to have caught Covid, and substantially more likely to pass it on, but if this is a deal-breaker, check ahead that everyone's vaxxed and disinvite anyone who isn't.

Otherwise, try this thought experiment: if they couldn't get vaccinated – say they had an insurmountable needle-phobia – you might be much more worried about them as a Covid victim than as a carrier. So what you could be reacting to

might not be the vector transmission but character traits – obduracy, narcissism, callousness. You almost need to take yourself out of it, in order to get the temperature down. They're not doing this to you. It's just a thing they're doing [Там же].

В данном примере используются лексические средства для выражения отношения автора к людям, выступающим против вакцин: *anti-vaxxers, anti-science idiot, to disinvite*. Эти лексемы имеют ярко выраженную негативную окраску. Возникает закономерный вопрос, почему автор заведомо указывает на то, что любой человек, который отказывается делать прививки, заранее считается «антиниаучным идиотом» [Самигуллина, Валиева, 2022, с. 107].

5) ***Манипулятивное обращение к идентичности.*** Прием направлен на то, чтобы внедрить идею или вызвать у человека чувства и эмоции, которые будут ассоциироваться напрямую с ним самим, с тем, как он себя воспринимает и видит в социуме. Основная идея заключается в том, что каждый человек соотносит себя с какой-либо группой людей, обладающих уникальными чертами и потребностями. Через обращение к интересам и потребностям группы или подчеркивание ее отличительных черт авторы сообщений и осуществляют манипуляцию сознанием.

В статье, приведенной выше, автор посвящает 7 абзацев тому, чтобы подчеркнуть разницу между людьми, которые за и против вакцинации, напрямую или косвенно разделяя их на «хороших» и «плохих», «умных» и «глупых», «своих» и «чужих». При этом используются разные инструменты воздействия. Во-первых, обращение к идентичности достигается путем сопоставления местоимений «*we*» – «*they*»: в первых двух абзацах, состоящих из 152 слов, 2 раза используется «*we*» и 5 раз – «*they*». Читатель не может не идентифицировать себя с первой группой и подсознательно отделяет себя от «*they*». Во-вторых, в следующих 5 параграфах описываются два типа людей и дается своеобразная «инструкция» для обращения с ними.

“The person whose methodology I like best is Anat Shenker-Osorio,” she says, “who divides people into base, persuadable and opposition.”

“Base” tends to mean broadly progressive, humane, reasonable. “Opposition” doesn’t mean right or left, but rather, “you’re the small segment of the population who cannot be moved, whatever the issue is. You’re ideologically hardline, you’ll probably read a lot of news and take the information that supports your existing view.” First, figure out who you’re dealing with. A persuadable person is “more likely to express uncertainty, more likely to contradict themselves, more likely to draw from their own experience.” An opposition mindset will be characterised by a long list of dodgy or diversionary facts and a great deal more certainty.

With a persuadable person, O’Hagan says: “Don’t tell them facts. That doesn’t work. Don’t myth-bust. What that tends to do is strengthen the myth in people’s minds. Start with a shared value and be clear that you see the good in them.

The advice on the opposition mindset is not to persuade them, but – in a political context – to alienate them... In an interpersonal context, this really means, just move on: don’t deliberately alienate them – realistically, you’re probably already not that close – but don’t get involved.

Interestingly, a (nameless by choice) spokesperson for the NHS said something similar – they divide vaccine attitudes into four: accepting; hesitant; resistant; hostile. They only communicate with the first three, and don’t engage with the fourth [Williams, URL].

Таким образом, автор предлагает разделить людей на «*base, persuadable and opposition*» или «*accepting; hesitant; resistant; hostile*», при этом с последним «типов» в каждой классификации предполагается ограничить общение. Автор дает конкретные характеристики каждого типа, называя «*base*» прогрессивными, гуманными и логически мыслящими и, в противовес, характеризуя «*opposition*» как людей с «*длинным списком*

сомнительных или отвлекающих фактов и неуверенностью». Сталкиваясь с данным описанием, читатель невольно причисляет себя к той или иной группе. Естественное желание принадлежать к положительно оцениваемому типу подразумевает и принятие вакцинации как «*прогрессивного, гуманного и логического*» решения в борьбе с пандемией.

Именно таким образом, через прямое или косвенное обращение к идентичности, реализуется данный прием манипуляции.

6) ***Манипуляция столкновением смыслов.*** Прием предполагает наложение или противопоставление ряда несвязанных между собой событий, явлений, фактов и пр. с целью манипуляции сознанием. Авторы достаточно активно прибегают к этому приему, когда хотят привлечь внимание либо в очередной раз подчеркнуть интерес к какой-либо проблеме. Цель приема – «завуалировать» основное послание, вскользь упомянуть о нем или вызвать определенный ассоциативный ряд.

Рассмотренные приемы могут использоваться как по отдельности, так и в комбинации друг с другом, что усиливает манипуляционный эффект. Реализация приемов происходит на различных языковых уровнях текста и дискурса, каждый из которых выполняет свои функции для достижения желаемого воздействия на реципиентов информации.

1.2. Манипуляция и дискурс

Манипулятивный дискурс является одной из разновидностей дискурса и одной из форм речевой манипуляции, поэтому целесообразно выделить способы его реализации и отличительные черты. Так, Д.С. Мухортов говорит о трех категориях языковых приемов для реализации манипуляции: синтаксических, лексико-семантических и риторико-стилистических [Мухортов, 2016, с. 122-125]. Данные категории представляют три разных

организационных уровня построения текста: от слова до предложения и от предложения до текста в целом.

Т.В. Анисимова делает акцент на содержательной стороне манипуляции и предлагает проводить анализ на языковом, дискурсивном и риторическом уровнях [Анисимова, 2012, с. 5-8]. Исследователь отмечает необходимость разделения манипулятивного дискурса на три вида:

- 1) ориентированный на внушение;
- 2) направленный на убеждение;
- 3) представляющий собой доказательство [Там же].

Подобное деление отражает и степень воздействия на реципиента: от наиболее явной манипулятивной риторики до ее практического отсутствия. Первому виду присущи достаточно агрессивные инструменты и приемы манипуляции. Здесь речь идет о политическом и рекламном дискурсах. Ко второму виду Т.В. Анисимова относит судебные, управленческие и другие разновидности дискурса, которые характеризуются более тонким «инструментарием воздействия». К третьему виду относится дискурс в научной и законодательной сферах, которые наиболее логичны, объективны и менее манипулятивны. Иными словами, Т.В. Анисимова подчеркивает разную степень воздействия манипулятивного дискурса. Недостатком данного подхода видится тот факт, что практически любой дискурс может реализовывать виды манипуляции из указанной классификации.

В диссертационном исследовании манипулятивный дискурс понимается как инструмент реализации манипулятивных стратегий путем использования лингвистических и экстралингвистических средств воздействия на сознание реципиента информации с целью формирования определенного отношения к объектам действительности. Основные черты манипулятивного дискурса представлены в следующей части работы.

1.2.1. К вопросу определения понятия «дискурс»

Ключевым объектом данного исследования является англоязычный манипулятивный дискурс. Будучи одним из центральных понятий не только в современной лингвистике, но и в философии, социологии, психологии и т.д., дискурс до сих пор не имеет единого определения, что приводит к его противоречивой интерпретации. Во избежание разнотений в трактовке манипулятивного дискурса следует обзорно рассмотреть основные подходы к пониманию дискурса как междисциплинарного понятия.

В первую очередь, междисциплинарный подход к дискурсу объясняется тем, что первыми его изучали французские философы-деконструктивисты Мишель Фуко и Жак Деррида. В «Археологии знания» М. Фуко подчеркивает разницу между языком и «полем дискурсивных событий»: «Язык, даже если он давно исчез, <...> всегда образует систему для возможных высказываний: это конечная совокупность правил, которая допускает бесконечное число реализаций. Напротив, поле дискурсивных событий – это всегда конечная и на настоящий момент ограниченная совокупность одних только предварительно сформулированных, лингвистических эпизодов» [Фуко, 2004, с. 73]. Язык для М. Фуко – это инструмент, а дискурс, или «группа дискурсивных эпизодов», – готовый «продукт» языка.

Подходы к определению дискурса менялись на протяжении длительного времени. В 1960-е и 1970-е гг. под дискурсом понималась «связанная и согласованная последовательность речевых актов» [Кривошлыкова, 2010, с. 42], основной целью исследования было выявление различий между дискурсом и текстом. В последующие годы лингвисты делали акцент на определении самой природы дискурса, его связи с когнитивными процессами и экстралингвистическими факторами. Одним из первых эту связь обозначил Т.А. ван Дейк: «Дискурс – это коммуникативное

событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие» [Кривошлыкова, 2010, с. 44]. Важность и роль контекста особенно подчеркиваются при проведении дискурс-анализа, одного из методов исследования дискурса в данной диссертационной работе.

В настоящее время большинство определений дискурса отражает связь верbalных и неверbalных элементов коммуникации: «дискурс – это вербализованная мыслительно-речевая деятельность, которая носит в себе как экстралингвистические элементы, так и собственно лингвистические элементы» [Красных, 2003, с. 84]. Данное определение также подчеркивает динамическую структуру дискурса как языкового акта.

Н.Д. Арутюнова делает акцент на социальной природе дискурса и влиянии значительного количества контекстуальных, экстралингвистических факторов: «Дискурс (от франц. *discours* – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, pragmatическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136]. Именно поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, «связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [Там же]. В этих определениях затрагивается один из наиболее острых вопросов, связанных с дискурсом, а именно его соотношение с текстом и речью.

И.Г. Атрощенко провела одно из наиболее полных исследований изменения подходов к определению дискурса и резюмировала итоги в

следующей формуле, описывающей суть понятия «дискурс»: «текст или речь + ситуация общения» [Атрощенко, 2015, с. 30]. С одной стороны, данная формула позволяет разбить дискурс на максимально обширные компоненты, каждый из которых становится равнозначным элементом его содержания. С другой стороны, «ситуация общения» не охватывает все экстралингвистические элементы, используемые в дискурсе и являющиеся его важной составляющей, напр., визуальные инструменты (фотографии, иллюстрации, инфографика), роль индивидуального и ситуативного контекста.

Безусловно, определение дискурса будет претерпевать изменения как в силу расширения и изменения видов коммуникации, так и в связи с возрастающей ролью компьютерных технологий и внедрением искусственного интеллекта. Вероятно, следующим этапом в описании дискурса станет определение роли технологий ИИ в коммуникативном процессе, интегрированность которых уже стала третьим элементом общения.

В диссертационной работе дискурс понимается как письменный или устный речевой акт, который соединяет в себе компоненты лингвистического и экстралингвистического характера и определяется взаимодействием его участников на контекстуальным, социальном и культурологическом уровне.

1.2.2. Специфика медиадискурса

Отдельно следует рассмотреть особенности медиадискурса, который выступает в качестве эмпирической основы в данной диссертации. Медиадискурс является объектом изучения различных областей знания: лингвистики, социолингвистики, психолингвистики и других наук. Кроме того, исследование медиадискурса имеет ярко выраженную практическую направленность, так как требует рассмотрения контекста происходящего и описываемого.

Роль контекста как основополагающего компонента медиадискурса рассматривается на двух уровнях: с одной стороны, он выступает рамочной конструкцией при создании авторского материала, с другой стороны, отражает парадигмы, в которых существует то или иное общество. Так, по мнению В. Горелова, «читатели при восприятии текста новостей усваивают те значения, установки, которые вкладывались в него журналистами; их сознание и поведение будет формировать и поддерживать определенные условия жизнедеятельности и – общий контекст» [Горелов, URL]. Н.Б. Боева-Омелечко и К.П. Постерняк также отмечают, что «журналисты могут сознательно создавать микроконтексты для формирования желательных ассоциаций с определенным образом» [Боева-Омелечко, Постерняк, 2021, 151]. Поэтому можно утверждительно говорить о дуальной «природе» контекста. Анализ медиадискурса стоит проводить, учитывая обе стороны вопроса: насколько дискурс был сформирован под влиянием контекста и насколько подаваемый материал «поддерживает» контекст происходящего.

Стоит помнить и о социальной природе дискурса в целом и медиадискурса в частности. Так, В.И. Карасик отмечает, что «дискурс – это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Карасик, 2002, с. 233]. В медиадискурсе участниками общения выступают несколько сторон: непосредственно автор / создатель дискурсивной ситуации (напр., журналист, корреспондент), реципиенты (читатели / зрители / слушатели) как отдельно взятые личности и реципиенты как та или иная социальная группа. Кроме того, современные тенденции в формировании медиадискурса предполагают вовлечение референтных источников, ссылок, выступающих неотъемлемой частью дискурсивной ситуации и ее полноправным участником. Их важность и влияние на формирование медиадискурса и его контекста сложно

переоценить, так как принцип референтной подачи материала является одним из наиболее действенных способов вовлечения реципиентов.

Не менее важен подход, принятый в социолингвистике, в рамках которого медиадискурс рассматривается с учетом следующих аспектов:

- 1) верbalная форма (тексты и различные способы их реализации),
- 2) социальная обусловленность механизмов порождения текстов (особенности их создания в том или ином общественном контексте),
- 3) условия, в которых находятся участники коммуникативной ситуации (определенные возможности и ограничения) [Алексеева, 2014, с. 127].

Данные аспекты подчеркивают значимость экстралингвистической и контекстуальной составляющих при анализе медиадискурса, что подробно рассматривается в практической части диссертации.

По определению Е.А. Алексеевой, медиадискурс представляет собой «совокупность материалов, размещенных в средствах массовой информации (их круг может быть определен во времени и пространстве, а также ограничен другими критериями)» [Там же]. Однако, под «критериями» могут пониматься 1) способ передачи медиадискурса, и тогда новостные сводки и условные сочинения допустимо отнести к одной категории – «информация, переданная онлайн» на определенном ресурсе, 2) способ выражения медиадискурса, напр., «подкаст», что, в свою очередь, может объединить материал, кардинально отличающийся по содержанию.

Е.А. Кожемякин дает более узкое определение медиадискурсу, под которым понимает «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в массмедиийном пространстве» [Кожемякин, 2010, с. 16]. Данная дефиниция включает в себя и содержательную составляющую дискурса, и его ограниченность социокультурными факторами, что позволяет создать более точную классификацию информации в медиадискурсе.

М.Р. Желтухина предлагает рассматривать медиадискурс «как связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с pragматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [Желтухина, URL].

Е.Н. Пескова подчеркивает взаимосвязь между медиакоммуникацией и медиадискурсом и «компиляцию их функций» [Пескова, 2015, с. 29]. К функциям медиадискурса исследователь относит:

- 1) *информационную* как способ передачи информации,
- 2) *воздействующую* как способ формирования желаемого результата от переданной информации,
- 3) *просветительскую* как способ расширения знаний об объекте коммуникации,
- 4) *развлекательную* как вид интерактива,
- 5) *призывающую, направляющую* как способ формирования различных ценностей,
- 6) *контролирующую* как способ контроля за схожестью в восприятии явлений действительности,
- 7) *социализирующую* как способ объединения реципиентов информации [Там же].

Таким образом, медиадискурс выполняет манипулятивные функции, так как направлен на формирование того восприятия реальности, которое заложено коммуникатором.

Социолингвистика делает акцент на контекстуальной составляющей медиадискурса, в то время как рассмотрение медиадискурса в рамках языковедческих дисциплин учитывает его лингвистические и экстралингвистические особенности. Одним из ключевых инструментов для

изучения медиадискурса выступает дискурс-анализ, который в полной мере раскрывает такие параметры, как культурный контекст, содержательную и сценарную составляющие, описывает макро- и микроструктуры, что способствует глубокому пониманию и всестороннему раскрытию содержательных возможностей исследуемого дискурса.

1.2.4. Критерии идентификации манипулятивного дискурса

Одной из ключевых задач анализа манипулятивного дискурса является определение критериев для его идентификации. Данный вопрос тесно связан с выявлением ключевых характеристик манипулятивного дискурса. Так, Е.С. Попова в качестве основных свойств манипуляции выделяет «неосознанность объектом манипуляции осуществляющего над ним воздействия; воздействие не только на сферу сознательного (разум), но и на сферу бессознательного (инстинкты, эмоции), которая не поддается произвольному контролю; управление отношением объекта манипуляции к предметам и явлениям окружающего мира в нужном для манипулятора русле; достижение манипулятором своих тайных, корыстных целей за счет объекта манипуляции; намеренное искажение фактов окружающей действительности (дезинформация, отбор информации и пр.), создание иллюзий и мифов и т.д.» [Попова, 2002, с. 276].

Данная концепция позволяет выделить виды воздействия манипуляции на реципиента сообщения:

- 1) сознательный, но скрытный характер воздействия на сознание объекта манипуляции и его эмоциональное состояние;
- 2) искажение в передаче информации или интерпретации событий или явлений действительности;
- 3) формирование отношения или установок к происходящему у объекта манипуляции согласно целям коммуникатора.

Основная проблема, возникающая при идентификации англоязычного манипулятивного дискурса, связана с отсутствием единых критериев. Лингвистические и экстралингвистические средства, используемые для его формирования, идентичны средствам, используемым для создания любого другого дискурса. Невозможно выделить отдельный пласт лексических единиц или грамматических и синтаксических конструкций, типичных только для манипулятивного дискурса. При этом, необходимость в создании списка индикаторов наличия манипуляции становится все более актуальной в связи с необходимостью в машинной обработке языкового корпуса. Поэтому исследователи по итогам лингвистических экспериментов формируют перечни индикаторов манипуляции. Так, напр., М.Т. Шакенова и коллеги провели анализ казахстанского русскоязычного массмедиийного дискурса и пришли к выводу, что такими индикаторами являются 1) местоимения, наречия, сочетания с неопределенным и указательным значением; 2) союзы, частицы, сочетания со служебными словами; 3) высокая частотность употребления частицы *не*; 4) вводные и модальные слова и сочетания; 5) повтор слов с негативной тональностью; 6) слова со средним и невысоким индексом негативной тональности; 7) слова, называющие социально значимые объекты; 8) генерализаторы; 9) слова, передающие казахстанское содержание; 10) сенсорные предикаты; 11) конструкции с призывом к действию; 12) использование заглавных букв; 13) использование кавычек с целью иронии; 14) слова с высоким индексом негативной тональности; 15) риторические вопросы и риторические предложения; 16) высокая частотность употребления слов с приставками *не-*, *анти-*, *противо-*, *а-*; 17) сенсорные предикаты; 18) риторические восклицания и восклицательные предложения; 19) конструкции с двойным отрицанием; 20) употребление слова *нет*; 21) слова с негативной тональностью в заголовке статьи; 22) разговорная лексика; 23) знаки препинания; 24) инвективная лексика [Шакенова, 2020, с. 123].

Данный список отражает как сложность идентификации манипуляции, так и разнообразие применяемых языковых инструментов, эффективность которых достигается путем комбинирования нескольких средств. Необходимо указать, что исследование англоязычного медиадискурса может привести к созданию специфического списка индикаторов манипуляции, так как структура и лингвистические особенности английского языка кардинально отличаются от русского языка. Тем не менее, представленный перечень индикаторов подтверждает актуальность изучения и выделения лексических, грамматических и синтаксических средств выражения манипуляции. Их подробный анализ приведен во второй главе данного исследования.

Выводы по Главе 1

1. В настоящее время манипуляция является одним из основных объектов изучения различных научных дисциплин: философии, психологии, лингвистики, социологии, экономики и др. Кроме того, манипуляция выступает в качестве объекта междисциплинарных исследований. Рассмотрение манипуляции на вербальном и невербальном уровнях обеспечивает глубокое понимание данного явления и описание его инструментария. Манипуляция изучается на протяжении длительного времени, что позволяет в динамике отследить изменения манипуляционных стратегий, приемов и способов.

2. Речевая манипуляция представляет собой верbalное выражение манипулятивных намерений. Анализ речевой манипуляции возможен как в плане выражения (лексические, грамматические и лексико-стилистические средства), так и в плане содержания (градации и степени воздействия на реципиента информации).

3. Дискурс, будучи одним из наиболее исследуемых понятий в лингвистике, до сих пор не имеет общепринятого определения. Основные подходы к рассмотрению дискурса сходятся на его описании как когнитивного, динамического, коммуникативного процесса, который предполагает взаимодействие на культурном, социальном, контекстуальном уровнях. Это позволяет учитывать современные способы взаимодействия и интеракции участников дискурсивных ситуаций и проводить четкое разграничение между дискурсом и текстом, а также дискурсом и речью.

4. Манипулятивный дискурс формируется сочетанием вербальных и невербальных элементов, с помощью которых реализуются манипулятивные стратегии и способы. На данный момент нет единой классификации стратегий и способов манипуляции. С одной стороны, это затрудняет разработку методологии для объективного анализа манипулятивного дискурса. С другой стороны, открытость в понимании механизмов возникновения новых стратегий и способов манипуляции позволяет пополнять базу знаний и подходов при рассмотрении данного вопроса, а также внедрять новые исследовательские инструменты.

Приемы манипуляции представляют собой практический способ реализации манипулятивных стратегий и способов. Их изучение важно в лингвистике и в журналистике, где наиболее четко отражаются основные тенденции в практической реализации манипуляции.

ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МАНИПУЛЯЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

2.1. Приемы манипуляции на разных уровнях языка

Настоящее диссертационное исследование направлено на выявление вербальных форм реализации манипулятивного дискурса. Можно выделить три основных языковых уровня выражения манипуляции в дискурсе: лексический, грамматический (морфологический), лексико-стилистический. Данные уровни отражают не только разные аспекты вербальной стороны дискурса, но и призваны подчеркнуть градацию в степени частоты их употребления. Все три языковых уровня находятся в тесной взаимосвязи, часто отмечается когерентное использование вербальных средств как минимум двух уровней.

Лексический уровень наиболее легко поддается идентификации. Х.С. Шагбанова указывает, что «слова с оценочной, эмоциональной, экспрессивной и стилистической коннотацией являются наиболее распространенным средством выражения субъективности суждений и представления участников новостного сообщения в том ракурсе, необходимом для осуществления функции воздействия на общественное мнение» [Шагбанова, 2020, с. 75]. С одной стороны, обращение к манипулятивному потенциалу семантики лексических единиц – распространенный способ речевого воздействия. Оно выявляется при применении известных лингвистических методов анализа и при обычательском восприятии той или иной дискурсивной ситуации.

К основным лексическим средствам относят такие языковые формы, как метафора, антитеза, дейксис, зевгма, неологизмы, софистицизмы, эвфемизмы и другие. В данном исследовании рассматриваются неологизмы, метафора, антитеза и софистицизмы в качестве основных средств реализации

манипулятивных стратегий, способов и приемов. Соотнесение их применения с достижением манипулятивной цели является одной из ключевых задач в практической части исследования.

Приемы, реализуемые на грамматическом (морфологическом) уровне, играют не менее важную роль в достижении манипулятивного эффекта. По мнению, И.В. Беляевой, «выбор одной грамматической формы из двух возможных может существенно изменить представляемую картину событий», например, при выборе активного или пассивного залога в изложении событий [Беляева, 2009, с. 118]. Данные приемы включают использование пассивного залога, модальных глаголов, местоимений, номинализации, выбор времени изложения событий и некоторые другие. Грамматический (морфологический) уровень представляет особый интерес для лингвистического анализа манипуляции, так как позволяет раскрыть манипулятивный потенциал языковых конструкций на уровне построения как предложений, так и дискурсивной ситуации в целом. Кроме того, инструменты грамматического (морфологического) уровня часто используются в сочетании друг с другом, что позволяет усилить манипулятивный потенциал той или иной конструкции.

Важно отметить и то, что языковая манипуляция на грамматическом (морфологическом) уровне является одним из наиболее актуальных объектов исследования в сопоставительном языкознании и когнитивной лингвистике, что позволяет выделить отличительные черты в восприятии информации и особенности когнитивных процессов у носителей английского языка.

Лексико-стилистический уровень выражения манипуляции тесно связан с грамматическим, но имеет особые инструменты в англоязычном дискурсе. А.С. Виноградова отмечает, что «эллиптические и параллельные конструкции, а также инверсия и обособление – самые распространенные воздействующие средства» [Виноградова, 2010, с. 100]. К данному списку стоит также отнести антitezу, анафору, парцелляцию, градацию, бессоюзие,

многосоюзие, эллипсис, вопросно-ответные формы изложения, риторические вопросы, ряды однородных членов. Значительное число языковых средств, представленных на лексико-стилистическом уровне, свидетельствует о важности их роли и влияния при построении манипулятивного дискурса.

В данном исследовании рассматриваются параллелизм, тип предложений и антитеза в качестве основных способов выражения манипуляции в исследуемом дискурсе. Их роль наиболее актуальна в связи с тем, что дискурс СМИ, с одной стороны, подчинен строгим правилам организации текста. С другой стороны, именно благодаря условным организационным ограничениям, лексико-стилистические средства выводят выражение манипулятивных стратегий, способов и приемов на уровень, который наиболее сложно распознать. Эта особенность позволяет эффективнее достигать цели манипуляции сознанием участника дискурсивной ситуации, в качестве которого выступает реципиент медиадискурса.

Корректное использование лексических средств невозможно без учета грамматического строя языка, а грамматические конструкции наиболее точно отражаются на лексико-стилистическом уровне сообщения. В свою очередь отдельные лексические средства, например, антитеза, могут выражаться путем сравнения языковых кластеров, например, фразеологических оборотов внутри предложений. Эти свойства наглядно демонстрируют взаимосвязь всех уровней языка и доказывают необходимость их изучения как по отдельности, так и во взаимодействии друг с другом.

2.1.1. Приемы манипуляции на лексическом уровне

Приемы манипуляции на лексическом уровне являются одними из наиболее доступных и очевидных языковых инструментов. Манипулятивный потенциал слова усиливается благодаря его использованию в различных языковых формах и при изменении коннотативного и денотативного

значений. Каждый инструмент лексического уровня выполняет свою функцию, но, в конечном итоге, все они направлены на изменение, искажение или персональную трактовку того или иного факта, явления, ситуации в создаваемом дискурсе.

Одной из моментальных «реакций» языка на какое-либо событие является возникновение **неологизмов**. Неологизмы представляют собой комбинацию двух элементов: на денотативном уровне слово уже имеет определенный смысловой «фундамент», связанный с той лексемой, которая послужила «праединицей» для неологизма. Вторым элементом является та новизна, часто целенаправленно отраженная на уровне и коннотата, и денотата, которая является ключевой для создания и внедрения неологизма в речь. Так, С.А. Виноградова отмечает, что неологизмы могут как передавать более точное значение, так и маскировать его, «приближаясь к словам-амёбам или терминам» [Виноградова, 2010, с. 95]. Как и большинство языковых инструментов, неологизмы рассматриваются и подробно изучаются многими языковедами, среди которых В.И. Заботкина [Заботкина, 1997], Е.Н. Захаренко [Захаренко, 2008], Т.В. Попова [Попова, 2005], Л.В. Рацибульская [Рацибульская, 2005], Д.Э. Розенталь [Розенталь, 1991], Г.Я. Солганик [Солганик, 2007] и др. Многие исследователи предлагают собственную классификацию данного языкового явления.

В основе классификации А.П. Жданько лежит способ образования неологизмов. Автор выделяет фонологические, морфологические, семантические неологизмы и заимствования [Жданько, 2019, с. 3]. К морфологическому типу неологизмов можно отнести следующие слова:

Antivaxxer – anti + vaccine + er. Человек, который выступает против вакцинации. Слово начало активно использоваться после того, как появилась первая вакцина против ковида, и с тех пор оно несет крайне отрицательную коннотативную окраску.

Пример: *What would it take for antivaxxers and climate science deniers to wake up?* [Hamilton, URL]. *From crackpot Covid theorists to antivaxxers, hubris and fear haunt the wellness community* [Delaney, URL].

Plandemic – plan + pandemic. Неологизм подчеркивает, что пандемия носила спланированный характер. Эта лексема стала часто применяться уже с начала пандемии, в частности сторонниками теории заговора.

Пример: *How the “Plandemic” conspiracy theory took hold* [Naughton, URL].

Семантические неологизмы характеризуются тем, что могут иметь как два значения, предыдущее наряду с новым, так и полностью обозначать новое явление. Таким образом, слова и словосочетания наделяются новым значением, сохраняя свою первоначальную форму:

Long Covid – болезненное состояние, которое характеризуется множественными симптомами, длившимися несколько месяцев или лет после активной стадии коронавирусной инфекции. Хотя понятие «*Covid*» само является неологизмом, «*Long Covid*» появилось на несколько месяцев позже, в мае 2020 г. Оно используется для обозначения отдельного заболевания, и борьба с ним приобретает все большую актуальность в ВОЗ.

Примеры: *People who are highly stressed, anxious, lonely or depressed before catching coronavirus are more prone to long Covid than those in good mental health, according to a major study* [Sample, URL]. *Plenty of questions surround long Covid, including exactly how common it is* [Golden, URL].

Long-haulers – неологизм сохранил оба значения: первое значение – дальнобойщики, новое значение – люди, которые испытывают симптомы «долгого ковида», начиная от частых головокружений и вплоть до потери трудоспособности.

Пример: *As providers and long-haulers wait for those answers, the best thing everyone else can do is to get vaccinated against Covid, the infectious disease experts said* [Berger, URL].

Образование неологизмов является неотъемлемой частью развития языка. Язык, в свою очередь, – отражение действительности. Чем острее и эмоциональнее возникающая ситуация, тем более активно появляются слова, отражающие новые реалии, которые, несомненно, будут иметь максимальную коннотативную окраску на момент возникновения и активного использования. Коннотативное значение может измениться с течением времени, что также отразит текущую реальность.

Не менее значимый и часто используемый языковой инструмент – *метафора*, одно из наиболее экспрессивных и эмоционально окрашенных средств языка. Существует множество подходов к изучению метафоры. Один из них – функционирование метафоры в различных видах дискурса. Данного подхода придерживаются такие языковеды, как Н.Д. Арутюнова, Д.С. Найдина, З.И. Резанова, А.П. Чудинов, Д.Н. Шмелев и т.д. Д.С. Найдина отмечает, что «полное и многоаспектное понимание специфики метафорического моделирования может быть достигнуто не только через исследование метафорических моделей и способов их организации, но и через обращение к функциям метафоры, которые она выполняет в дискурсивных практиках разного рода и в медиадискурсе в частности» [Найдина, 2015, с. 33]. Другими словами, изучение роли метафоры в создании дискурса в целом, ее влияния и функционирования как дискурсообразующего элемента позволяет применить интеграционный подход в исследовании разных элементов и уровней дискурса. Д.С. Найдина также подчеркивает, что «метафора способна создавать особый фрагмент картины мира благодаря своей миромоделирующей способности» [Там же]. Данная способность является не само собой разумеющимся свойством метафоры, а зависит от конкретных задач и целей, которые заложены автором дискурса.

А.П. Чудинов выделяет 9 функций метафоры, каждая из которых раскрывает смысловой объем данного лексического средства [Чудинов, 2001].

1) Когнитивная функция выражается в возможности воспринимать мир через метафорическое мышление. Данная функция позволяет упростить понимание более сложных понятий на основе их передачи через доступные и узнаваемые образы: *the current battle* – текущая борьба против коронавируса.

Пример: *The initially successful UK vaccine rollout of 2020-21 is an ancient history in terms of the current battle*. [Altman, URL].

Противопоставление *an ancient history – the current battle* также служит примером антитезы, цель которой – подчеркнуть актуальность текущей проблемы и в некоторой степени нивелировать серьезность событий 2020-2021 гг., в сравнении с текущей ситуацией. Использование подобной метафоры не может не вызывать ассоциаций с военным положением, где характерно противопоставление «война – мир», «герои – антигерои» и т.д.

2) Коммуникативная функция. Здесь метафора выступает как средство передачи информации, эвфемизм или используется в популяризаторских целях. В данном контексте, по мнению А.П. Чудинова, «сила метафоры <...> заключается в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в особой значимости метафорической концептуализации мира» [Чудинов, 2003, с. 62].

3) Прагматическая функция позволяет сформировать эмоциональное состояние или мировосприятие у человека, которому направлено сообщение.

4) Изобретательная функция ориентирована на создание более яркого и впечатляющего образа описываемого явления или события, что, соответственно, отражается на восприятии реальности.

Frontline workers – специалисты, работающие в области здравоохранения и оказывавшие помочь «первой волне» пациентов с ковид.

Пример: *Frontline workers risked their lives for us, but now many with long Covid risk losing their jobs* [Fearnley, Qureshi, URL]

Коммуникативная цель достигается также при помощи зевгмы: *risk their lives – risk their jobs*. Синтаксический параллелизм намеренно подводит читателя к сравнению двух ситуаций и вызывает чувства сопереживания и вины.

5) Инструментальная функция выражается в способности метафоры создать, а порой и значительно исказить восприятие мира.

6) Гипотетическая функция означает, что метафора позволяет по-своему интерпретировать то, что не имеет четкого определения в сознании человека и очень абстрактно выражено в самом языке.

7) Моделирующая, или схематизирующая, функция направлена на то, чтобы у человека возникла определенная модель восприятия мира и элементов в нем: часто встречающаяся фраза «*to battle Covid*» настраивает на то, что противодействие инфекции может быть успешным только в форме борьбы.

Frontline heroes – люди, в числе первых перенесшие заболевание.

Пример: *The cruel irony of this is self-evident for a patient group in which our much-applauded “frontline heroes” are massively overrepresented [Altman, URL].*

Использование в одном контексте неологизма *long-haulers* и метафоры *frontline heroes* позволяет выстроить ассоциативный ряд, в котором люди, заболевшие коронавирусом в первую волну, относятся и к «героям», и к «долгосрочным жертвам» пандемии.

8) Эвфемистическая функция позволяет избежать прямого упоминания информации, но дает возможность выразить ее через понятные образы, которые напрямую ассоциируются с данной информацией.

Neutralizing antibody levels – уровни нейтрализующих антител.

Пример: *In any case, most people’s neutralizing antibody levels have waned pretty much to baseline – or similar to unvaccinated – levels, even if they*

are triple vaccinated. Thus the huge burden of breakthrough infections and reinfections [Там же].

Данная метафора позволяет сформировать образ «особых» антител иммунитета, которые способны бороться с вакциной.

9) Популяризаторская функция базируется на способности метафоры упростить ту или иную идею и передать ее в доступной форме.

Вышеперечисленные функции метафоры взаимосвязаны, употребление этой фигуры речи, как правило, означает реализацию нескольких функций одновременно. Их подробное описание нацелено на глубокий анализ сути метафоры и на более полное раскрытие ее коммуникативного потенциала.

Неудивительно, что столь широкая функциональность метафоры способствует значительному воздействию на восприятие информации реципиентом. Например, «моделирующая функция позволяет передать мысль так, как важно автору сообщения, а популяризаторская – упрощает саму её суть, таким образом, часто понижая или утрируя «градус» важности» [Валиева, 2023, с. 9].

Силу воздействия метафоры в манипулятивных целях также подчёркивает С.Г. Кара-Мурза: «Чем парадоксальнее метафора (то есть, чем дальше она стоит от реальности), тем она лучше действует» [Кара-Мурза, 2022, с. 442]. Как показывают представленные примеры, наиболее употребимой выступает военная метафора, что объясняется всеобщим эмоциональным восприятием событий и ярким ассоциативным рядом, связанным с концептом войны и с языковыми единицами на данную тему.

Не менее важно рассмотреть роль *софистицизмов* как инструмента, применяемого в создании англоязычного манипулятивного дискурса. Софистицизмами называют лексическую группу слов и выражений, отличающуюся сложностью в восприятии из-за редкого употребления или относящуюся к специализированной терминологии. Тем не менее, именно данная характеристика заставляет воспринимать эти единицы как элементы,

повышающие уровень важности и авторитетности того дискурса, в котором их используют. По тематике Covid-19 с начала распространения вирусной инфекции применялось большое количество медицинской терминологии и другой специальной лексики, значение которой очевидно ограниченному количеству людей. Для большинства обывателей софистицизмы не имеют четко выделенного денотативного значения, в результате, отношение к термину складывается в зависимости от контекста его использования. Примером того, как восприятие софистицизмов зависит от контекста, служит статья «Will Covid-19 Become Less Dangerous as it Evolves?» [Geddes, URL] и один из ее абзацев:

Neither is it clear that Sars-CoV-2 is becoming progressively milder. Omicron appears to be less severe than the Alpha or Delta variants – but both of these variants caused more severe illness than the original Wuhan strain. Importantly, viral evolution is not a one-way street: Omicron did not evolve from Delta, and Delta didn't evolve from Alpha – it is more random and unpredictable than that [Там же].

Sars-CoV-2, Alpha, Delta, Omicron, Wuhan strain – софистицизмы, которые, с одной стороны, обозначают одно и то же заболевание, а с другой, – его разновидности, в которых непосвященному читателю трудно разобраться, и отношение к ним определяется мнением автора статьи. Таким образом, софистицизмы используются в качестве слов-амеб, что является одним из манипулятивных приемов, который может усилить или уменьшить значимость того или иного явления в зависимости от целей автора.

Неологизмы и метафора представляют собой наиболее эффективные способы выражения манипулятивных приемов и их сочетаний. Так, неологизмы могут одновременно восприниматься как слова-амебы и использоваться для подмены понятия. Метафора позволяет добиться контраста и обобщения и одновременно выполняет функцию средства обращения к идентичности. Понимание целей применения данных

лексических средств позволяет уменьшить манипулятивный эффект дискурса и добиться более объективного восприятия той или иной информации.

2.1.2. Приемы манипуляции на грамматическом (морфологическом) уровне

Использование манипуляции на грамматическом (морфологическом) уровне является не столь очевидным приемом, как ее употребление на лексическом уровне языка. Тем не менее, именно данная характеристика делает ее еще более значимой в процессе формирования и использования манипулятивного дискурса.

Одним из наиболее востребованных инструментов выступает использование *пассивного залога*, который дает возможность избежать прямого указания субъекта действия, лица, ответственного за событие. Акцент делается на событии, действии, происшествии, исполнитель либо игнорируется, либо становится «героем второго плана». Так, напр., М.Н. Ковешникова указывает, что «при использовании пассивного залога <...> на первый взгляд выходит само событие, а ответственность за него вроде бы никто и не несет» [Ковешникова, 2014, с. 392].

В примере ярко видно, как пассивный залог позволяет полностью избежать упоминания тех, кто выполняет действия:

About 487m virus tests have been conducted in the UK, most of them at the network of Lighthouse labs that was built after successive governments had allowed the public health laboratory system to run down. Now many of the Lighthouse labs are also being shut down, as part of the government's “living with Covid” plan [Tapper, Savage, URL].

Данные предложения следуют в тексте друг за другом, глаголы в пассивном залоге обозначают противоположные действия: *was built – being shut down*. Вместе с тем, противопоставление реализуется как в лексическом

значении глаголов, так и во временных формах: *Past Simple Passive – Present Continuous Passive*. Но ни в первом, ни во втором предложении нет упоминания о том, кто является исполнителем упоминаемых действий. В начале речь идет о том, что лаборатории, которые строились, являются частными, позднее их закрывают, согласно государственному плану. Автор снимает ответственность с тех, кто закрывает данные частные заведения. Пример иллюстрирует, как пассивный залог позволяет избежать *обращение к идентичности*, если рассматривать его в рамках манипулятивных приемов, которые были описаны выше.

Эффективным грамматическим инструментом можно считать использование **номинализации**. М.Н. Ковешникова указывает на то, что «функция номинализации (использование фраз с отглагольными существительными) сходная с функцией пассивного залога» [Ковешникова, 2014, с. 392]. Возможность не говорить о действии с помощью глагола, а констатировать его выполнение посредством существительного дает своеобразный эффект, который хорошо виден на следующем примере:

*The chief medical officer, Professor Paul Kelly, said the federal health department **had been tasked** with developing a national long Covid strategy that would cover **prevention, immunization, treatment and research into the condition** [Lu, URL].*

Использование отглагольных существительных позволяет уменьшить степень ответственности за действия, которые они обозначают. Это становится очевидным, если трансформировать конструкцию в глагольную форму: ... *a national long Covid strategy, that would cover the ways / how to prevent, immunize, treat and make the research of the condition*. Глаголы позволяют более четко призвать к выполнению действия и обладают не абстрактным, а конкретным денотативным значением. Пассивная конструкция *had been tasked* дает автору возможность не упоминать отправителя поручения.

Манипулятивное свойство пассивного залога усиливается в случае его сочетания с **модальными глаголами**. Они несут различные оттенки коннотативного смысла, позволяя варьировать степень вероятности или ответственности в зависимости от интерпретации как автора, так и реципиента дискурса:

*There is no evidence that XBB.1.5 causes more severe disease than other Omicron variants. But the fact that it is spreading fast is worrisome, as the virus is more likely to reach vulnerable people who **could be hospitalized** or die from the infection, especially if they haven't received their latest booster [Sample, URL].*

В данном примере автор наделяет читателя правом самому решать, насколько вероятна госпитализация «уязвимой группы людей», используя конструкцию *could be hospitalized* (*could* – модальное значение «*probability and possibility of an action*»). Но при этом «повышается» градус беспокойства путем добавления комментария «особенно если они не сделали последнюю вакцину», хотя ранее отмечалось, что свидетельств о тяжести заболевания нет.

Стоит подчеркнуть, что использование пассивного залога и модальных глаголов – одно из наиболее действенных манипулятивных решений, которое отвечает за выполнение нескольких задач: наделить действие определенной степенью вероятности, модальности и избежать указания лиц, ответственных за него.

Кроме того, в дискурсе часто встречается использование **местоимений «we»** и **«they»** с целью создания контраста и противопоставления. Авторы намеренно пишут от имени людей, с которыми разделяют точку зрения по какому-либо вопросу, и обозначают себя личным местоимением первого лица множественного числа **«we»**. Те, с чьим мнением они не согласны либо с кем ведут односторонний спор, обозначаются при помощи местоимения третьего лица множественного числа **«they»**. Такое «противостояние» позволяет, в первую очередь, обезличить тех, кто придерживается иной точки

зрения. Во-вторых, когда читатель знакомится с печатным материалом, он невольно воспринимает информацию с позиции «мы», т.е. соглашается с автором и отделяет себя от абстрактных «они», по крайней мере, в момент чтения статьи.

Одним из показательных примеров может служить начало следующей статьи:

Can we now treat Covid like a cold and is UK still tracking numbers?

As we head into another winter, Covid numbers have been ticking up. But how worried should we be about Covid these days – can we treat it like a cold, or have we become blase about an illness that could still pose a threat to elderly and clinically vulnerable people? [Devlin, URL] (см. Приложение 1).

В трех предложениях, состоящих из 63 слов, «we» встречается 5 раз. При этом, автор задается вопросами, которые подразумевают эмоциональную вовлеченность: «насколько нам стоит беспокоиться...? как мы можем относиться...? стали ли мы равнодушными?». Таким образом, автор с первых строк позволяет читателю почувствовать себя частью «we» и предоставляет ему возможные альтернативы в выборе эмоционального отношения к проблеме еще до того, как читатель ознакомился с фактическими данными.

Манипуляция на грамматическом (морфологическом) уровне – «тонкий» инструмент речевого воздействия, выявление и описание которого требует глубокого всестороннего дискурсивного анализа и выверенной методики.

2.1.3. Приемы манипуляции на лексико-стилистическом уровне

Манипуляция на лексико-стилистическом уровне охватывает более объемные конструкции, в которых задействованы как словосочетания, так и параллельные конструкции в виде сочетаний нескольких предложений.

Параллелизм, перекрестный параллелизм, антитеза и выбор типа предложений рассматриваются как основные инструменты выражения манипуляции на лексико-стилистическом уровне.

Параллелизм является одним из наиболее часто употребляемых лексико-стилистических средств. Он представляет собой соединение двух и более сочиненных предложений (или их частей) путем строгого соответствия их структуры – грамматической и семантической [ЛЭС, 2002, с. 416]. Примером параллелизма служит следующее начало статьи новостного портала The Guardian:

Заголовок: *Long Covid can impair quality of life more than advanced cancers, study says* [Hall, URL].

Первое предложение статьи: *Many people with long Covid have a lower health-related quality of life than people with some advanced cancers, research suggests* [Там же].

Предложения следуют друг за другом и повторяют друг друга на уровне структуры и на уровне значения, что полностью соответствует определению параллелизма. Параллелизм в семантике достигается использованием синонимичных фраз: *impair quality of life – to have a lower health-related quality of life; study says – research suggests*. На уровне структуры в предложениях используются прямой порядок слов и сравнения, оба предложения сложносочиненные. Данное средство позволяет автору акцентировать главную идею, которую он хочет донести до читателей еще до того, как будут приведены фактические данные, которые могут быть ненадежными или недостаточно доказательными.

Особого внимания заслуживают случаи употребления *перекрестного параллелизма*, напр., когда предложения параллельны друг другу по структуре и содержанию в следующем порядке: «первое – третье, второе – четвертое» (АВАВ). Начало следующей статьи – наглядный пример использования данной формулы.

Заголовок: *Covid study finds millions have long-term smell or taste problems* [Gregory, URL].

Подзаголовок: *Researchers say about 5% of infected adults may develop long-lasting changes to sense of smell and taste* [Там же].

Первое предложение: *Millions of people worldwide may have long-term smell or taste problems as a result of Covid-19, with women more likely to be affected, a study suggests* [Там же].

Второе предложение: *About 5% of adults infected with the coronavirus may develop long-lasting changes to their sense of smell and taste, according to the research published in the BMJ* [Там же].

Заголовок и первое предложение повторяют конструкции и лексические единицы: *study finds – study suggests; millions have long-term smell or taste problems – millions of people have long-term smell or taste problems*. Во второй паре предложений наблюдается подобное сходство в структуре и в содержании (практически идентично): *about 5% of infected adults may develop long-lasting changes to sense of smell and taste – about 5% of adults infected with the coronavirus may develop long-lasting changes to their sense of smell and taste*. В каждом из 4 предложений содержится ссылка на исследование, упоминаются одни и те же проблемы со здоровьем и их причина – коронавирус. Так автор стремится внушить читателю определенную мысль еще до того, как будут представлены результаты рассматриваемого исследования.

Выбор того или иного *типа предложения* несет в себе не менее высокий манипулятивный потенциал. По мнению С.А. Виноградовой, «вопросительная форма удобна для «намекающих» высказываний» [Виноградова. 2010, с. 100]. При отсутствии соответствующей грамматической конструкции и наличии лишь формального вопросительного знака сообщение может нести цель – «выразить насмешку» [Виноградова, 2010, с. 100]. В следующих примерах авторы выражают свое скептическое

отношение уже в заголовках статей, используя в качестве первого предложения вопрос, за которым следует ответ.

The right Covid response? How countries outside UK are also under scrutiny [Henley, URL].

Covid's back, you say? As disabled and vulnerable people know too well, it never went away [Ryan, URL].

Такая подача материала формирует отношение и мнение читателей до того, как они смогут самостоятельно оценить факты, приведенные в статьях.

Следующим эффективным способом создания манипулятивного дискурса является **антитеза**. Она создается отдельными лексическими единицами или более сложными структурами, парами или группами предложений. В этом случае можно говорить об антитезе как о текстообразующем языковом средстве, которое лежит в основе композиции в целом.

Антитеза исследуется в работах таких ведущих языковедов, как И.В. Арнольд, В.В. Виноградов, Н.А. Власова, И.Р. Гальперин, И.С. Рижский, Я.В. Толмачев и др. Одним из первых мыслителей, упомянувших данную фигуру речи, был Аристотель. В знаменитом трактате «Риторика» он описывает антитезу следующим образом: «Такой способ изложения приятен, потому что противоположности чрезвычайно доступны пониманию» [Аристотель, 1978, с. 356]. Использование антитезы насчитывает несколько тысяч лет, поэтому неудивительно большое число дефиниций данного понятия.

Согласно определению С.Е. Никитиной и Н.В. Васильевой, антитеза – это «фигура, состоящая в сопоставлении логически противоположных понятий или образов, подчиненных одной общей идее или единой точке зрения» [Никитина, 1996, с. 171]. Так исследователи акцентируют смысловую часть фигуры речи. И.Р. Гальперин описывает антитезу как «стилистическую парную фигуру в тексте, используемую в экспрессивно-

изобразительных, юмористических, иронических, оценочных и других целях», перечисляя различные цели ее употребления [Гальперин, 1981, с. 246].

Предпринято множество попыток классифицировать антитезы. Так, например, Е.С. Гаврилова выделяет следующие отличительные признаки: грамматическое / неграмматическое противопоставление элементов, квазиологическая антитеза и сопоставление пар антонимов на основе семантического деления [Гаврилова, 2013, с. 141-143]. В текстах манипулятивного характера чаще всего применяется антитеза на уровне лексических единиц: авторы используют пары антонимов, что позволяет выразить определенное отношение пишущего к проблеме без прямого упоминания его собственного мнения. Часто имеет место сопоставление метафорических образов для усиления выразительности текста.

В статье “We are Thinking about Covid-19 the Wrong Way. It’s not a “Wave” – It’s a “Wildfire” [Osterholm, URL] антитеза создается на различных уровнях. Следующие примеры показывают лексический и грамматический варианты антитезы.

1) В названии статьи используются метафорические образы для обозначения пандемии: “wave” и “wildfire”. С точки зрения манипулятивных приемов, такое сопоставление позволяет добиться столкновения смыслов. Волна наступает, но всегда отступает назад. Лесной пожар разрушает все вокруг и представляет собой гораздо более беспощадное и опасное природное явление,ср. “*the virus relentlessly seeks out its fuel, humans, and will keep spreading as long as it has access to that*” [Там же]. Такие образы нацелены на то, чтобы создать иллюзию безысходности перед лицом коронавирусной инфекции и повысить уровень тревожности у читателей.

2) Первое предложение основного текста статьи содержит антитезу “we” и “public health experts”:

“We have no previous experience with a worldwide coronavirus pandemic, so when Sars-CoV-2, the virus that causes Covid-19, began spreading, public health experts leaned on our experiences with influenza pandemics to inform their predictions” [Там же].

В предложении противопоставляются «наш опыт» и «их ожидания», что является логической ошибкой, так как эксперты в сфере здравоохранения обладают тем же опытом в борьбе с пневмонией, что и «мы», т.е. общество в целом. Данный подход позволяет реализовать прием «обращения к идентичности» с целью манипуляции сознанием читателей, когда реципиент информации невольно встает в один ряд с «we» и рассматривает ситуацию не объективно, а с позиции противостояния. Не менее показательно и то, что данное местоимение встречается в статье около 15 раз, часто в форме контраста или сравнения с лексическими единицами “*The United States*”, “*official happy talk*” и т.д.

3) Противопоставление метафор используется при описании возможной вакцины:

“We also don’t know if a vaccine, if and when we develop one, will be a bull’s-eye success like the vaccines for polio or measles, or more of a hope-for-the-best agent like seasonal flu vaccine” [Там же].

Обороты «*a bull’s-eye success*», «*a hope-for-the-best agent*» предполагают две альтернативы: либо «невероятный успех», либо «надежду на лучшее». Примеры других заболеваний усиливают данный смысловой компонент и позволяют авторам добиться реализации приема «обобщения и контраста».

Таким образом, антитеза представляется важным, структурообразующим элементом текста, который создает определенные образы в сознании читателя и поэтому является мощным инструментом для достижения целей манипуляции.

Манипуляции на лексико-стилистическом уровне – обрамляющие структуры, которые имеют собственные инструменты выражения и состоят из вкраплений и комбинаций инструментов грамматического и лексического уровней, что подчеркивает их сложную природу и весомый манипулятивный потенциал.

2.2. Методы анализа англоязычного манипулятивного дискурса

Изучение особенностей англоязычного манипулятивного дискурса напрямую связано с выбором лингвистических методов анализа. Важно отметить, что в настоящее время ученые, работающие в дисциплинах, напрямую или косвенно связанных с языкоизнанием, применяют как традиционные методы анализа, так и машинные методы обработки языкового корпуса. К традиционным методам относятся описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный, структурный, компонентный, дистрибутивный, трансформационный, контекстологический, дискурс-анализ и др. К современным – метод корпусной лингвистики, контент-анализ, нейролингвистические методы, психолингвистические эксперименты и т.д. Появление и развитие междисциплинарных методов обусловлено такими факторами, как развитие наук, связанных с когнитивными процессами, с одной стороны, и интеграцией современных технологий обработки изучаемого материала, с другой. Так, С.А. Гудкова и М.В. Дайнеко замечают, что «современный этап развития общества позволяет ускорить процесс лингвистического анализа текстов различного дискурса с учетом современных тенденций использования гибридных методов научного исследования» [Гудкова, Дайнеко, 2020, с. 58]. Данная особенность указывает на такое преимущество текущего этапа развития науки, которое позволяет проводить всестороннее и широкоформатное изучение дискурса в различных аспектах: исследовать характеристики текста как части дискурса,

выявлять особенности дискурсивной ситуации, дискурсивного контекста и участников дискурсивной ситуации.

Выбор оптимального метода анализа обусловлен несколькими критериями. Во-первых, необходимо четко определить основную цель исследования. В случае данной диссертации цель – это выявление манипулятивных стратегий, способов и приемов посредством анализа англоязычного манипулятивного дискурса СМИ. Во-вторых, необходимо учитывать объем анализируемого материала. В рамках текущей работы – это корпус статей о Covid-19, опубликованных на новостном портале The Guardian. В-третьих, важно определить единицу анализа для корректного проведения исследования. Сложность в выборе единицы анализа заключается в том, что часть методов позволяет выделить такие единицы, как слово, словосочетание или предложение. Другие лингвистические методы дают возможность определить перечень манипулятивных стратегий, способов и приемов как единиц анализа.

Ниже представлена сопоставительная таблица лингвистических и экстраглавиистических методов применительно к анализу англоязычного манипулятивного дискурса СМИ, демонстрируются основные преимущества методов при выявлении манипуляции в исследуемом дискурсе.

<i>Метод</i>	<i>Описание</i>	<i>Единицы анализа</i>	<i>Преимущества</i>
Описательный	описание языка в том виде, в котором он существует в данный период времени и его интерпретация	различный языковой материал	позволяет классифицировать и интерпретировать различные способы выражения языковой манипуляции
Сопоставительный	сравнение языков или языковых явлений с целью	языки или языковые явления, напр.,	позволяет сравнить, имеет ли один и тот же текст одинаковый

	выявления их родства или различий	система времен и т.д.	манипулятивный потенциал в случае его выражения на разных языках
Компонентный	разложение значения слова на семы – минимальные смысловые компоненты	слова и словосочетания	позволяет выявить манипулятивный потенциал слов и словосочетаний
Трансформационный	изучение отношения между языковыми структурами посредством трансформаций	словосочетания и предложения	позволяет выделить грамматические конструкции, обладающие манипулятивным потенциалом
Контекстологический	изучение значения языковой единицы через анализ контекстов ее употребления	слова и словосочетания	позволяет сравнить и выделить основные различия значений языковых единиц на предмет наличия манипулятивных значений
Дискурс-анализ	изучение особенностей языка различных дискурсивных явлений	дискурсивные ситуации и различные дискурсивные элементы	позволяет наиболее широко охарактеризовать участников дискурсивной ситуации и контекст происходящего
Контент-анализ	изучение текстовых массивов	тексты и продукты коммуникативной деятельности	позволяет выявить частоту употребления языковых явлений и выявить их коммуникативный

			потенциал через количественные показатели
Метод корпусной лингвистики	изучение языка с помощью электронных корпусов текстов	большая коллекция текстов	позволяет проанализировать большой объем текстов, собранных по определенным критериям
Нейролингвистические методы	изучение мозговых механизмов и нейронных основ языкового процесса	активность мозга в процессе речевой деятельности	позволяет увидеть, какие области мозга задействованы в дискурсивной ситуации, и выявить наличие эмоциональной реакции у ее участников
Психолингвистические эксперименты	изучение психолингвистических аспектов функционирования языка	ассоциативные эксперименты и измерение времени реакции	позволяет выявить манипулятивный потенциал исследуемого дискурса с точки зрения эмоционального отклика
Метод критического мышления	изучение способов объективного анализа и оценки языкового материала	тексты и различные языковые единицы	позволяет оценить манипулятивный потенциал языкового материала через цепочку логически обоснованных рассуждений

Таблица 2. Сопоставительная таблица научных методов анализа

Каждый из приведенных выше лингвистических методов обладает определенным потенциалом, позволяющим рассмотреть как отдельно взятые

языковые единицы, так и объемные кластеры информации на предмет наличия и реализации манипулятивных стратегий. К недостаткам можно отнести тот факт, что практически каждый из методов анализа рассматривает лишь часть лингвистических или экстралингвистических явлений. Только совокупное применение нескольких лингвистических методов способно дать объективную, всестороннюю оценку наличия и выражения манипулятивных инструментов на лингвистическом и экстралингвистическом уровнях.

В данной диссертации задействуются контент-анализ, компонентный анализ, дискурс-анализ и метод критического мышления как наиболее эффективные способы выявления манипулятивных стратегий, способов и приемов.

2.2.1. Метод контент-анализа

Контент-анализ, или анализ содержания, основан на междисциплинарном подходе, применяющимся как в языкоznании, так и в социологии, истории, культурологии и других гуманитарных дисциплинах. Его существенное преимущество заключается в том, что он позволяет получить как количественные, так и качественные показатели рассматриваемого материала. Однако широкий спектр применения контент-анализа требует выверенной методики и четкого алгоритма действий, которые могут отличаться от дисциплины к дисциплине, а также внутри той или иной области знания. Несмотря на это, исследователи сходятся во мнении, что контент-анализ – лингвистический метод, который дает возможность прочтения смыслов и «кодов», заложенных в языковом материале.

Согласно традиционному определению, под контент-анализом понимают «количественный анализ текстов и текстовых массивов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей» [Чернобровкина, 2011, с. 125]. Первоначально контент-

анализ был направлен на определение наиболее часто встречающихся тем или ключевых слов в группе текстов, объединенных одной тематикой. Целью такого рода исследований был анализ и интерпретация полученных сведений для определения общей тенденции или характерных черт изучаемого материала.

По авторитетному мнению А.Н. Баранова, «сущность контент-анализа заключается в том, чтобы по внешним – количественным – характеристикам текста на уровне слов и словосочетаний сделать правдоподобные предположения о его плане содержания и, как следствие, сделать выводы об особенностях мышления и сознания автора текста – его намерениях, установках, желаниях, ценностных ориентациях и т.д.» [Баранов, 2001, с. 129]. Данное определение отражает современный подход к применению контент-анализа, когда основной целью является не только и не столько интерпретация результатов исследования, отражающая определенное количество искомых семантических кодов, но и их дальнейшая обработка с целью описать черты, присущие героям художественных произведений, охарактеризовать «почерк» автора материала или его когнитивные установки, обозначить социальные движения и т.д.

Традиционный контент-анализ делится на явный и скрытый, или латентный. Если явный контент-анализ направлен на выявление четко заданных параметров, маркеров в тексте и их количественных показателей, то латентный контент-анализ «распознает тонкие семантические нюансы сообщения, имеет дело со значениями более тонкими, неявными» [Семенова, 2011, с. 11]. Иными словами, скрытый контент-анализ направлен на качественные показатели значений, заложенных в тексте. Существенным отличием является и то, что в ходе явного анализа рассматриваются денотативные значения слов, в то время как латентный анализ направлен на выявление комбинаторных коннотативных значений, скрытых в тексте. Оба

вида контент-анализа имеют широкий спектр применения и подходят для выявления манипулятивных явлений в дискурсе.

Традиционный контент-анализ проводится поэтапно.

1) Этап 1. Создание корпуса языкового материала. Этап является фундаментальным, так как он изначально определяет структурный объем всего исследования. Отбор материала проводится в соответствии с основной задачей и нацелен на максимально широкий охват всех потенциальных источников информации. Необходимо учитывать критерии отбора материала:

- а) временной промежуток охвата материала и равную дистрибуцию репрезентантов за выбранный период времени; б) репрезентативность;
- в) полноту выборки; г) экономичность.

Соблюдение вышеуказанных критериев позволяет выявить общие тенденции, характерные для материала на определенную тематику, и обеспечивает объективную оценку манипулятивных явлений.

Корпус статей о Covid-19 новостного портала The Guardian отобран для анализа согласно приведенным критериям.

2) Этап 2. Определение концептуальной переменной и ее языковых репрезентантов. Концептуальная переменная представляет собой ключевое понятие, на раскрытие которого и направлено исследование. Языковые репрезентанты – те языковые значения, которые представляют концептуальную переменную в тексте. Например, в случае концептуальной переменной «образование», языковыми репрезентантами могут быть прямые производные: *образовательный, общеобразовательный*. Но и такие слова, как *школа, обучение, университет, переподготовка, профессиональная ориентация*, могут раскрывать заданную концептуальную переменную. По мнению А.Н. Баранова, «абсолютная частота концептуальной переменной определяется как совокупность абсолютных частот ее значений (языковых репрезентантов)» [Баранов, 2001, с. 23]. Именно это объясняет необходимость четкого и максимально объемного определения всех

возможных языковых репрезентантов заданной концептуальной переменной. В научных работах используют термины «единица анализа» как социально значимая тема и «единица счета» или «категории» и «единицы кодирования» в качестве синонимов для концептуальной переменной и языковых репрезентантов.

Сложность этапа заключается в следующем: во-первых, необходимо стремиться к максимальному раскрытию концептуальной переменной через все возможные языковые репрезентанты. Для этой цели в социологии и политологии разработаны словари-тезаурусы, в которых собраны общепринятые языковые репрезентанты таких понятий, как «демократия», «либерализм», «тоталитаризм» и др. Но в случае с Covid-19 как темой исследования языковые значения пополняются и расширяются все время существования пандемии. По этой причине, они не столько задают направление для исследования текстов, сколько являются результатом работы над ними. Во-вторых, в случае с манипулятивными явлениями, единицами счета должны быть не только лексические единицы, но и их формы, которые выражают манипуляцию посредством грамматики и синтаксиса.

3) Этап 3. Выбор единицы кодирования. Этап предполагает точное определение и фиксирование одного из возможных выражений концептуальной переменной с целью его обнаружения в тексте и последующего анализа. Например, единицей кодирования в данной работе выступают слова и словосочетания, в ходе анализа определяется их частотность в текстах.

4) Этап 4. Подсчет и обработка полученных данных. Основная цель этапа – интерпретация информации с использованием различных методов анализа. Существует множество подходов в реализации данного этапа: от вольной интерпретации результатов до проведения факторного или кластерного анализов. А. Ахувия предлагает интерпретативный и

рецептивный подходы к проведению контент-анализа, которые направлены на выявление скрытых смыслов и ситуативных, культурно-, социально- и/или исторически-обоснованных интерпретаций слов [Ahuvia, 2001, р. 139-172].

Тщательно выверенная методика проведения контент-анализа позволяет последовательно выполнить строгие критерии отбора материала и определить манипулятивный потенциал исследуемых переменных, выраженных в форме единицы кодирования. В диссертации также используются машинные средства обработки данных – программа Python и анализ полученных результатов при помощи таблицы Excel. Эти компьютерные программы позволяют получить наиболее точные количественные показатели и оценить частоту применения единиц кодирования объемного языкового корпуса, что свидетельствует об объективном подходе при интерпретации результатов.

2.2.2. Метод компонентного анализа

Компонентный анализ служит основой для выявления уникальных характеристик отдельных лексических единиц и позволяет объединить языковые единицы в кластеры. Ключевой особенностью метода является возможность создания семантических полей, или лексико-семантических групп, в центре которых локализуются семантические ядра. Создание подобных структур представляет наибольший интерес при работе с манипулятивным дискурсом: лексический материал анализируется с точки зрения манипулятивного потенциала каждой языковой единицы, одновременно выстраиваются взаимосвязи рассматриваемых единиц, объединенных ключевым значением (семантическим ядром) либо реализующих один манипулятивный прием.

Впервые компонентный анализ применили в 1950-ые годы американские ученые У. Лаунсбери и Ф. Гудинаф. Будучи сегодня преимущественно методом лексикологии, первоначально компонентный анализ был использован в фонологии, далее в морфологии и синтаксисе и лишь позднее в работе с лексическими единицами. В России компонентный анализ представлен в работах Ю.Д. Апресяна, И.В. Арнольд, О.Н. Селиверстовой, С.Г. Шафикова и многих других.

О.Н. Селиверстова описывает компонентный анализ как «процедуру расщепления значения на составные части, вычленение которых обусловлено как соотношением элементов внутри отдельного значения (наличие более общих и более частных элементов, т.е. иерархичность организации), так и соотношением этого значения со значениями других языковых единиц» [Селиверстова, 2004, с. 80].

Значение языковой единицы разлагается на составляющие, которые определяются как семантические компоненты, ноэмы, семы. В контексте компонентного анализа данные термины являются синонимичными, но последний встречается чаще и наиболее точно коррелирует с сутью метода. И.В. Арнольд определяет сему как «элементарную составляющую значения слова или другой языковой единицы, отражающую различаемые языком признаки обозначаемого» [Арнольд, 1991, с. 50]. Примерами сем могут служить принадлежность полу (женский, мужской), возрасту (молодой, старый). По мнению большинства исследователей, сема не представляет собой минимальную неделимую часть смысла, так как практически любая смысловая единица способна к более детальному дроблению: напр., в случае семы «*young*» можно выделить уточнения «*baby*», «*toddler*», «*child*», «*teenager*» и т.д. И.В. Арнольд отмечает, что «предел членения того или иного значения на семы задается поставленными в исследовании задачами» [Там же], что позволяет структурировать исследование, подчинить его

логическим законам и универсалиям. Также семы можно разделить на интегральные и дифференциальные, ядерные и периферийные.

С.Г. Шафиков подчеркивает, что «языковое значение (семема) существует как реализация его структурных компонентов (сем), определяющих его системную значимость и связь с неязыковым значением» [Шафиков, 1999, с. 2]. Иными словами, семема – это совокупность сем, определяющая лексическое значение слова и объединяющая дифференциальные, интегральные, ядерные и периферийные значения.

Существует несколько методик компонентного анализа. Одна из них опирается на использование словарных дефиниций. Данный подход разделяют И.В. Арнольд, О.С. Ахманова, Н.А. Стадульская и др. За основу берутся наиболее авторитетные толковые словари, составленные научными издательствами. Следующий важный критерий – выбор в качестве материала исследования не энциклопедических, а филологических словарей. Несмотря на то, что энциклопедические словари позволяют максимально расширить контекстуальное понимание значений слов в манипулятивном дискурсе, именно филологические словари обеспечивают анализ языковых единиц на уровне сем с выявлением фонетических, грамматических, стилистических и других особенностей и определением оттенков коннотативного и денотативного значений слов.

Для компонентного анализа используются такие филологические словари, как терминологические и идеографические, или тезаурусы. В основе последних лежит принцип объединения словарных единиц по тематикам. Их цель – максимально широко и четко отразить смысловую близость и совокупность деталей по той или иной ключевой теме. Современные словари-тезаурусы в онлайн-пространстве регулярно пополняют списки синонимов, антонимов, паронимов и гипонимов отдельно взятой языковой единицы.

Компонентный анализ проводится в четыре этапа.

1) На начальном этапе осуществляется выборка слов определенной лексико-семантической группы. Для этого используются синонимические или толковые словари. Лексико-семантическая группа, актуальная в данном исследовании, представлена языковыми единицами: *Covid-19*, *coronavirus*, *SARS*, *SARS-CoV-2*, *MERS*, *Long Covid*. Этап предполагает осознанное выделение исследователем тех слов, которые взаимосвязаны и имеют общий смысловой потенциал. Обоснованием выбора данной группы слов служит также их использование, подтвержденное количественными показателями по результатам контент-анализа.

2) Этап 2 – выделение значений языковой единицы по данным словарей. Если цель исследования предполагает раскрытие всех возможных сем слова, то делается выборка из максимально возможного числа словарей. Так, например, Н.А. Стадульская использует до 12 словарей для наиболее объемного представления интегральных и дифференциальных компонентов слова *brand* [Стадульская, 2012, с. 112-117]. Если цель исследования заключается в описании семного состава слов, то достаточным может быть одно определение для каждой единицы в лексико-семантической группе. В данной диссертации используются данные словаря Cambridge Dictionary [Cambridge Dictionary, URL].

3) Этап 3 – выделение сем, или «указание ближайшего рода или класса, к которому относится предмет, и указание видовых отличий, т.е. признаков, которые отличают определяемый предмет от всех других предметов того же класса» [Арнольд, 1991, с. 52]. Сопоставление компонентов значения слова позволяет выделить интегральные и дифференциальные семы, зафиксированные в словарных дефинициях.

4) Этап 4 связан с построением таблиц семного состава слов анализируемой лексико-семантической группы. В таблицах знаком «+» обозначается наличие сем в слове и, соответственно, знаком «-» – их отсутствие.

В случае многозначных слов анализ целесообразно проводить для каждого отдельно взятого значения. Для их дифференциации А.И. Смирницкий ввел термин «лексико-семантический вариант», или ЛСВ [Смирницкий, 1955], т.е. «совокупность всех грамматических форм слова, соотнесенных с одним из его значений» [Стадульская, 2012, с. 112-113].

Последующий анализ раскрывает лексико-семантическое поле «Covid-19» сквозь призму наиболее часто используемых языковых единиц, которыми обозначалось заболевание с 2020 по 2023 гг.

Этап 1. Лексико-семантическая группа «*Covid-19, coronavirus, SARS, SARS-CoV-2, MERS*».

Этап 2. Выделение значений:

Covid-19 – an infectious disease caused by a coronavirus (= a type of virus), that usually causes fever, tiredness, a cough, and changes to the senses of smell and taste, and can lead to breathing problem and severe illness in some people [Cambridge Dictionary, URL];

coronavirus – a type of virus that causes diseases in humans and animals. In humans, it usually causes respiratory infections (= in the nose, throat, or chest) that are not serious, but can sometimes cause more serious infections that can kill people [Cambridge Dictionary, URL];

SARS – Severe Acute Respiratory Syndrome: a serious infectious illness that causes difficulty in breathing and sometimes death [Cambridge Dictionary, URL];

SARS-CoV-2 – a form of coronavirus that causes a serious infectious illness with difficulty in breathing and sometimes death, and has been responsible for many cases of illness since 2019. SARS-CoV-2 is an abbreviation for Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus 2 [Cambridge Dictionary, URL];

MERS – Middle East Respiratory Syndrome: a serious infectious illness that causes difficulty in breathing and sometimes death [Cambridge Dictionary, URL];

Long Covid – a condition that is marked by the presence of symptoms (such as fatigue, cough, shortness of breath, headache, or brain fog) which persist for an

extended period of time (such as weeks or months) following a person's initial recovery from Covid-19 infection [Cambridge Dictionary, URL].

Этап 3. Выделение сем «*respiratory*», «*virus*», «*infection*», «*reason of death*», «*changes in taste*».

Этап 4. Составление таблиц семного состава слов:

	<i>Respiratory</i>	<i>Virus</i>	<i>Infectious</i>	<i>Reason of Death</i>	<i>Changes in Smell and Taste</i>
<i>Covid-19</i>	+	+	+	+	+
<i>Coronavirus</i>	+	+	+	+	-
<i>SARS</i>	+	-	+	+	-
<i>SARS-CoV-2</i>	+	+	+	+	-
<i>MERS</i>	+	-	+	+	-
<i>Long Covid</i>	+	-	-	-	-

Таблица 3. Семный анализ лексических единиц «Covid-19», «Coronavirus», «SARS», «SARS-CoV-2», «MERS», «Long Covid»

Компонентный анализ данной лексико-семантической группы показывает, что слова «*coronavirus*», «*SARS-CoV-2*», «*SARS*» и «*MERS*» идентичны по семному составу и являются полными синонимами. Энциклопедические справочники фиксируют различия в этимологии данных слов. Так, напр., *SARS* обозначает заболевание, возникшее в Китае, *MERS* берет начало в Саудовской Аравии. *Coronavirus* обозначает все заболевания, вызванные RNA вирусом, *SARS-CoV-2* – только одну разновидность болезни. Сема и лексическая единица «*virus*» по результатам контент-анализа используется существенно чаще других языковых единиц лексико-семантической группы.

Манипулятивный потенциал синонимичного использования единиц данной лексико-семантической группы заключается в том, что с их помощью реализуются приемы: «слова-амебы» и «столкновение смыслов», так как реципиенты информации не могут дифференцировать используемые термины и, следовательно, сами заболевания, оценить степень их

серьезности. Контекстуальная взаимозаменяемость усугубляет непонимание смыслового значения рассматриваемых единиц.

Компонентный анализ в лингвистике обеспечивает фундаментальные исследования дискурса и отдельных языковых единиц. Актуальность его применения подтверждается всесторонней разработанностью и масштабностью научных трудов, которые посвящены данному методу. К недостаткам метода можно отнести то обстоятельство, что компонентный анализ не предусматривает рассмотрение значений слов, которые не зафиксированы в традиционных терминологических словарях, что может привести к ситуативным ошибкам в использовании языковых единиц. Кроме того, не учитываются контекстуальные значения слов и другие экстралингвистические параметры, которые могут аккумулировать манипулятивный потенциал в исследуемом языковом материале. Однако, компонентный анализ позволяет выявить манипулятивные значения единиц различных лексико-семантических групп и определить, какие именно манипулятивные приемы они выражают.

В практической части работы рассматривается несколько лексико-семантических групп с целью выявления манипулятивных приемов, используемых в статьях о Covid-19.

2.2.3. Метод дискурс-анализа

Дискурс-анализ возник как реакция на все увеличивающийся интерес к изучению природы дискурса. Более того, Ф. де Соссюр и Н. Хомский подчеркивали необходимость изучения языковой системы, или языковой «компетенции», в сопоставлении с речью, тем самым разграничивая анализ языка и анализ коммуникации. На сегодняшний день все более весомыми становятся аргументы лингвистов, которые утверждают, что любые языковые явления могут быть в полной мере раскрыты и верно интерпретированы только с учетом языковой среды, или дискурсивных

аспектов. Такое мнение достаточно радикально и напоминает об известной идее В. фон Гумбольдта, который постулировал невозможность точного перевода слов и зависимость данного процесса от языковой среды.

Дискурс-анализ, будучи фундаментальным лингвистическим методом, нашел применение и в других областях науки, так как подробно рассматривает экстралингвистические явления и их зависимость от контекста. В то же время, значительный пласт лингвистических явлений, сформированный задолго до появления указанного метода, несет в себе заметный коммуникативный потенциал, который проявляется более масштабно, чем в отдельных дискурсивных практиках.

Дискурс-анализ, как и само понятие дискурса, эволюционировал на протяжении последних семидесяти лет, что не могло не отразиться в его методологии, инструментарии, единицах измерения и ключевых параметрах. Если на начальном этапе дискурс-анализ был ориентирован на изучение вербального контекста, то в настоящее время метод представляет собой многофакторную процедуру, которая состоит из социо-культурных, психологических и многих других параметров оценки взаимодействия участников. Так, М.Ю. Колокольникова оценивает современный дискурс-анализ как «методологию, совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц» [Колокольникова, 2012, с. 4].

М. Фуко одним из первых обозначил разницу между анализом языка и анализом дискурса, сформулировав ее в форме вопросов. Для анализа языка важно ответить на вопрос, «по каким правилам было образовано такое-то высказывание, <...> по каким правилам могли бы быть образованы другие подобные высказывания?» [Фуко, 2004, с. 73]. Вопрос для дискурсивного анализа звучит иначе: «Как получается, что появляется именно такое высказывание, и никакое иное на его месте?» [Там же]. М. Фуко обращал внимание исследователей на то, что, помимо языковых законов, должны

существовать экстралингвистические закономерности, влияющие на образование дискурса и формирующие его. Примеры авторитетного ученого касаются исторических и археологических объектов, политических и психопатологических дискурсивных эпизодов [Фуко, 2004].

Специфичность применения дискурс-анализа прослеживается в социологии. Как отмечает А.В. Лубский, здесь «особое внимание уделяется выявлению социокультурных предпосылок организации речевой деятельности, присутствующих в текстах различных высказываний и проявляющихся как их скрытая или явная ангажированность» [Лубский, URL]. Это приводит к тому, что «все большее распространение получает контекстуальный подход, рассматривающий любой текст как продукт деятельности социальных агентов, включенных в социальные взаимодействия, конкретную культурно-историческую, политическую, идеологическую или религиозную ситуацию» [Там же]. Подобное многостороннее рассмотрение дискурса определяет как его основные достоинства, так и некоторые недостатки, которые будут обозначены далее.

Современный дискурс-анализ в лингвистике изучает текст в широком смысле и контекст, т.е. сочетание и взаимозависимость лингвистических и экстралингвистических данных. Несмотря на множество работ, посвященных природе дискурса и сути дискурс-анализа, до сих пор нет единой методологии его проведения. В данной диссертации за основу берется подход, представленный О.А. Леонтович. В книге «Методы коммуникативных исследований» ученый подробно описывает такие аспекты дискурс-анализа, как инструментарий, структуру, единицы, параметры [Леонтович, 2011, с. 107-116]. Такой подход позволяет унифицировать процедуру анализа и адаптировать его под исследование англоязычного манипулятивного дискурса.

I. *Инструментарий* анализа напрямую связан с формой объекта анализа. О.А. Леонтович детально объясняет необходимость

транскрибирования устной речи с учетом фонетических особенностей, изменения интонации, намеренных или физиологически обусловленных пауз и т.д. Если в исследовании письменного дискурса СМИ нет необходимости в таком транскрибировании, то обращение к *протоколу дискурс-анализа* позволяет выявить характерные черты контекста: 1) культурный контекст; 2) время; 3) место; 4) состав участников; 5) цель интеракции; 6) форма; 7) тональность общения; 8) стиль дискурса [Леонович, 2007].

Столь подробный обзор нужен для того, чтобы получить полное представление о микро- и макроконтекстах рассматриваемой дискурсивной ситуации, или дискурсивного поля. Протокол призван обозначить основные черты, выступающие, с одной стороны, фоном для исследуемого дискурса, а с другой стороны, определяющие и объясняющие его внешние особенности. Однако, если бы дискурс-анализ сводился только к описанию протокола интеракции, то он мог бы быть достаточно легко унифицирован и классифицирован и ограничивался бы определенным конечным числом типов или видов, так как указанные 8 пунктов частично описывают только экстралингвистические составляющие дискурса.

II. *Структура дискурса* выделяет два уровня: макроструктура = глобальная структура, микроструктура = локальная структура.

Данные понятия относительны и зависят от исследуемого корпуса. Под макроструктурой понимаются абзацы в рассказах, романах или статьях, группы реплик в диалоге. Элементами микроструктуры могут выступать предложения или их части.

Манипулятивные приемы в статьях СМИ выражаются посредством согласованности как на уровне абзацев, так и на уровне предложений. Использование различных грамматических инструментов манипуляции возможно объективно оценить только в пропорциональном соотношении со всем текстом. Одним из таких примеров выступает пассивный залог, который может быть обоснован стилистически, контекстуально или использоваться

для того, чтобы избежать упоминания исполнителя действия. Таким образом, изучение макро- и микроструктур играет важную роль и напрямую коррелирует друг с другом. Очередность их рассмотрения может варьироваться и зависит от исследуемого материала.

III. Единицы дискурс-анализа —

- 1) речевая ситуация, которая наиболее широко характеризует дискурсивную ситуацию (свадьба, игры, напр., настольные, детские, ролевые); отличается от дискурсивной ситуации тем, что акцент делается на выделение вербально выраженных коммуникативных действий;
- 2) речевое событие, или виды, аспекты речевой деятельности, построение которых регламентировано нормами и правилами языка;
- 3) речевой акт;
- 4) интеракционный, или коммуникативный акт;
- 5) коммуникативный ход;
- 6) репликовый шаг и т.д.

IV. Дискурс-анализ включает следующие *параметры*.

- 1) *Участники общения*. О.А. Леонович предлагает описание таких критериев, как психологическая, социальная, физиологическая идентичности, коммуникативная и культурная компетенции.
- 2) *Контекст общения*: внутренний, внешний и прагматический виды контекста, каждый из которых призван обозначить внешние либо внутренние обстоятельства происходящего. Так, внутренний контекст характеризует прошлый опыт участника дискурсивной ситуации, внешний – отношения между участниками ситуации, прагматический – ситуативные обстоятельства происходящего, которые учитывают как психологическую составляющую, так и социальные, статусно-ролевые отношения.

- 3) *Форма коммуникации*: прямая и косвенная (напр., художественные произведения или статьи), опосредованная и непосредственная (наличие или отсутствие в коммуникации промежуточных

звеньев в виде технических устройств связи или медиаторов, переводчиков) и ее проявление в виде коммуникативной деятельности: говорение и слушание, письмо и чтение. Анализ дискурсивной ситуации подразумевает одновременное проявление двух из вышеуказанных видов, так как коммуникатор и реципиент информации используют различные формы речевой деятельности в каждом отдельно взятом коммуникативном ходе. Кроме того, О.А. Леонович включает и дополнительные параметры, в частности тональность (в статье она может быть мажорной, минорной, нейтральной). Также отдельно рассматривается жанр (информационный, аналитический или художественно-публицистический) и стиль (разговорный, научный, официально-деловой или публицистический).

4) *Содержательная составляющая*. О.А. Леонович предлагает отдельно обозначить тему, заданную говорящим, и тему, заданную дискурсом, которая раскрывается в полном объеме в ходе коммуникации. Не менее интересным представляется предложение исследователя проанализировать референции (обозначение в языке объектов действительности), экспликатуру и имликатуру (явно и вербально выраженное содержание в сравнении с тем, что только подразумевалось и передавалось через метафоры, аллюзии и т.д.). Выявление различий между последними параметрами подтверждает манипулятивный характер общения. Кроме того, О.А. Леонович выделяет инференции и пресуппозиции (умозаключения и отсылки в процессе коммуникации).

5) *Сценарная составляющая* для обозначения основных моментов коммуникативной ситуации в виде логических цепочек, или скрипта.

6) *Социально-интерактивная составляющая*, под которой О.А. Леонович понимает «совместное творение смыслов», проявляющееся в процессе коммуникации и зависящее от личного жизненного опыта участников дискурсивной ситуации, а также от таких аспектов, как а) взаимосвязь коммуникативных ходов, б) мена ролей, в) типы обмена,

г) инициатива; д) стратегия. Взаимосвязь оценивается через анализ когезии и когерентности (формально-грамматических и семантико-грамматических связей в дискурсе). Оценка мен коммуникативных ролей необходима в случае рассмотрения диалогов, когда говорящий и слушающий меняются местами. Это происходит с различной степенью «гладкости» (напр., перебивания или общение с длительными паузами), что выражает тип коммуникативного обмена. Коммуникативная инициатива подробно рассматривает роли коммуникантов, как каждый из них выражает свои мысли, меняется ли тема общения. Коммуникативная стратегия представляет собой целенаправленную линию поведения, которая выражает основные намерения участника дискурсивной ситуации. Реализация стратегии происходит различными способами и полное ее понимание чаще всего достигается на уровне анализа макроструктур.

7) *Эмоциональная составляющая*, которая может выражаться в вербальных и невербальных формах: неожиданная смена темы разговора, повторения, запинки и т.д.

Стоит отметить, что дискурс-анализ представляет собой многоступенчатое, развернутое исследование, которое позволяет максимально широко разобрать практически любую дискурсивную ситуацию, тот или иной вид дискурса и отразить лингвистические и экстралингвистические составляющие, что, в свою очередь, способствует выявлению возможных манипулятивных стратегий и приемов, закодированных в рассматриваемом дискурсе.

Далее представлен анализ англоязычного дискурса СМИ на предмет выявления манипуляции. За основу взята статья новостного портала The Guardian от 30 декабря 2021 г. «Long Covid is The elephant in the Room, but it Seems Invisible to Australian Politicians» [Esterman, URL] (см. Приложение 3). Статья выбрана методом сплошной выборки для достижения объективности в выявлении манипуляции.

I. Инструментарий анализа.

Анализ статьи не требует специального инструментария, так как дискурс письменно зафиксирован. Целесообразно составить протокол дискурс-анализа.

<i>Параметры</i>	<i>Анализ статьи</i>
Культурный контекст	Распространение коронавирусной инфекции и ее форм по всему миру. Борьба с последствиями заболевания на протяжении длительного периода после острой фазы.
Время	Статья написана 30 декабря 2021 г. и находится в открытом доступе без ограничения по времени.
Место	Статья расположена на сайте новостного портала The Guardian в разделе «Opinion», в подразделе «Coronavirus».
Состав участников	Автор статьи (коммуникатор): проф. Адриан Эстерман. Читатели (реципиенты): жители разных стран, в которых есть доступ к материалам The Guardian.
Цель интеракции	Желание автора донести до читателей информацию о текущей эпидемиологической обстановке в Австралии, об опасности, связанной с long Covid, критика действий со стороны государства.
Форма	Канал передачи – письменный, визуальный. Функциональный стиль – публицистический.
Тональность общения	Информационно-манипулятивная тональность.
Стиль дискурса	Массово-информационный, публицистический стиль.

Таблица 4. Протокол дискурс-анализа статьи «Long Covid is The elephant in the Room, but it Seems Invisible to Australian Politicians»

II. Структура дискурса.

Материалом для анализа дискурса на уровне *макроструктуры* выступают 1 заголовок, 1 подзаголовок, 1 фотография с подписью, 14 абзацев, 2 ссылки на релевантные статьи, 1 выделенная цитата.

Материалом на уровне *микроструктуры* служат предложения и их части, содержащие различные лингвистические средства манипуляции.

1. Синтаксический уровень:

Параллелизм:

При первом ознакомлении с текстом можно заметить параллельную рамочную конструкцию, которая обрамляет статью: первое предложение, заголовок, последнее предложение:

Первое предложение: *Long Covid is the elephant in the room, but it seems invisible to Australian politicians.*

Последнее предложение: *Meanwhile, the elephant in the room called long Covid is still there, but quite invisible to our politicians.*

Данный прием оформления статьи выражает способ манипуляции «утверждение и повторение» и прием «столкновения смыслов».

2. Лексический уровень:

Неологизмы: «Omicron», «Delta», «long Covid», «post-Covid-19 condition» выступают в качестве слов-амеб. Этот прием приводит к тому, что реципиенты информации не могут всесторонне оценить степень опасности заболеваний, понять их отличительные черты и вынуждены полагаться на мнение автора.

Метафоры: «an elephant in the room» используется для реализации приема «манипуляция критикой», его расположение в названии усиливает данный эффект.

3. Грамматический уровень:

Модальные глаголы: «may have to live», «may still have health problems», «can be damaged». Конструкции с модальными глаголами помогают реализовать способ манипуляции «отбор материала» и манипулятивный прием «контраст и обобщение».

Местоимения: «you» используется в связи с long Covid и обеспечивает реализацию приема «обращение к идентичности»: *«the chance of you getting long Covid», «if you are unfortunate to end up with long Covid».*

III. Единицей дискурс-анализа выступает речевое событие, так как статья представляет собой структурно организованный пример письменной

речи. Но в данном случае корректнее говорить о *дискурсивной ситуации* как целостной единице анализа, так как статья включает в себя не только письменный текст, но и дополнительные, экстраграфические элементы.

IV. Параметры дискурса.

1. Участники общения:

13-ый параграф статьи позволяет познакомиться с автором материала – *первым участником дискурсивной ситуации*. Adrian Esterman – профессор и председатель кафедры биостатистики и эпидемиологии Университета Южной Австралии, ранее работавший в ВОЗ. Внутренняя поисковая система The Guardian по запросу «Adrian Esterman» обнаруживает ок. 10 статей по коронавирусной тематике. Логично предположить, что автор обладает достаточной компетенцией и опытом, чтобы обсуждать приводимые в статье статистические данные. Другие публикации автора по аналогичной теме можно рассматривать как свидетельство о его навыках и умениях как профессионального журналиста.

Вторым участником дискурсивной ситуации является редактор или группа редакторов, отвечающих за подбор и оформление материала. Они выбирают референтные статьи, определяют требующие выделения блоки основного текста и гиперссылки. Редакторов можно считать «теневыми» соавторами и участниками общения, которые направляют ход мысли и формируют умозаключения читателей.

Третья группа участников – реципиенты информации, или читатели. В силу значительного числа реципиентов, представляется затруднительным дать их точное описание. Можно предположить, что это читатели, которых волнует тема коронавирусной инфекции, эпидемиологическая ситуация в Австралии и интересует глубокий анализ событий, так как статья расположена в разделе «Opinion». Иные предположения о читателях будут носить субъективный характер и не имеют логического обоснования.

2. Контекст общения.

Внутренний контекст общения характеризуется тем, что автор статьи обладает большими, научно обоснованными знаниями в области вирусных заболеваний, имеет доступ к статистическим данным относительно скорости распространения эпидемии в Австралии.

Внешний контекст общения, отношения между участниками в связке «коммуникатор – реципиент». Коммуникатор – автор статьи, редактор / группа редакторов и новостной портал The Guardian в целом как создатели материала. Реципиент – читатели.

Прагматический контекст общения характеризуется тем, что коммуникатором выступает авторитетный источник получения информации, подкрепленный как статусом газеты, так и ссылкой к профессиональному опыту автора статьи. Социальный статус коммуникатора достаточно высокий и вызывает доверие «по умолчанию». Реципиентом информации могут выступать читатели разных социальных слоев. Их роль подразумевает принятие материала как само собой разумеющегося.

3. *Форма коммуникации.*

Описание контекста общения тесно связано с *формой коммуникации*, которая в данном случае является косвенной (прочтение статьи) и опосредованной (промежуточное звено между коммуникатором и реципиентом – компьютер, ноутбук или мобильное приложение). Задействованы два вида коммуникативной деятельности: письмо и чтение. *Жанр* статьи – информационно-аналитический, так как в тексте приводятся фактические данные и содержатся ссылки на высказывания политиков и ученых. Автор дает также собственную оценку событий и достаточно открыто формулирует свое мнение. *Стиль* статьи – публицистический, *тональность* – минорная, что отражается и в названии, и в основном тексте.

4. *Содержательная составляющая.*

Тема статьи – критика политиков в Австралии, которые, по мнению автора, не замечают проблем, связанных с Long Covid.

Тема, заданная дискурсом, – общая критика компетенций политиков, реализуемая с помощью 3 элементов: а) названия (*Long Covid is the elephant in the room, but it seems invisible to Australian politicians*), б) выделения части текста (*Unfortunately, the Australian government rarely learns from other countries.*), в) референтной статьей (*‘Complete collapse of leadership’: Australia’s recent Covid response amounts to world-class bungling.*).

Редакторы используют выделение данных элементов цветом и крупным шрифтом, что позволяет сделать их акцентными и в смысловом плане.

Референции: в тексте статьи приводятся отсылки к разновидностям Covid-19: Omicron, Delta, long Covid. В параграфе 6 говорится о людях, находящихся в зоне риска заболевания. В параграфе 7 описываются возможные симптомы long Covid.

Экспликатура заключается в критике действий политиков и их реакции на растущее число заболевших. Делается акцент и на том, что власти Австралии не принимают во внимание международный опыт борьбы с эпидемией, напр., в высказывании *«Unfortunately, the Australian government rarely learns from other countries.»*

Импликатура подразумевает, что власти Австралии намеренно игнорируют проблемы, связанные со всеми формами коронавирусной инфекции, и сознательно совершают заведомо ошибочные шаги в борьбе с ней.

Инференции коммуникатора в данном случае совпадают с экспликатурой и импликатурой. Пресуппозиции реципиента несут индивидуальный характер.

5. *Сценарная составляющая* статьи выглядит следующим образом: заглавие – цитата политика – статистические данные – критика политика, чьи слова были приведены выше – сведения о тех, кто подвержен заболеванию – перечисление возможных симптомов – перечисление

действий, предпринимаемых учеными для изучения болезни – критика властей Великобритании и Франции с отсылкой на мнение другого профессора и гиперссылкой к слову «critical» – поддержка мнения профессора и критика политиков.

Сценарная составляющая позволяет говорить о том, что статья составлена по «шаблону», в котором прослеживается определенный алгоритм: *критикуемый объект – фактические данные (статистика или хронология действий) – критическая оценка объекта.*

Такая последовательность позволяет реализовать «манипуляцию критикой» как естественный прием, вытекающий из вышеупомянутой информации, а не как запланированный ряд действий коммуникатора.

6. Социально-интерактивная составляющая.

Возможности рассмотрения социально-интерактивной составляющей крайне ограничены, учитывая стиль анализируемого дискурса и дискурсивную ситуацию, где взаимодействие участников происходит опосредовано. *Коммуникативная стратегия* коммуникатора заключается в манипуляции сознанием реципиентов путем реализации способов «утверждение и повторение», «отбор материала» и приемов «манипуляция критикой», «слова-амебы», «обращение к идентичности».

7. Эмоциональная составляющая.

Обсуждаемая статья несет отрицательную тональность. Автор явно критикует действия властей и использует для этого различные способы и приемы, что формирует негативное отношение читателей. Причисляя себя к группе «we» в параграфе 8, где речь идет об исследованиях ученых, автор сопоставляет себя с политиками. В тексте нет критики по отношению к ученым, отсутствует и упоминание о том, что власти принимают решения с учетом мнения специалистов в соответствующих медицинских учреждениях.

Проведенное исследование раскрывает все возможные параметры, составляющие дискурс-анализ, и позволяет выявить приемы и способы манипуляции на различных уровнях.

Итог. В результате дискурс-анализа были выявлены инструменты манипуляции: *манипулятивные приемы* («манипуляция критикой», «словаамбы», «обращение к идентичности», «столкновение смыслов», «контраст и обобщение»), *способы манипуляции* («утверждение и повторение», «отбор материала»).

Одним из недостатков дискурс-анализа видится то, что рассмотрение некоторых параметров пересекается и повторяет протокол дискурс-анализа. Кроме этого, подробное описание участников дискурс-анализа, рассмотрение их индивидуальных черт (напр., характера, положения в обществе) и исследование различных видов контекста способствует лишь тому, что анализируемый дискурс приобретает индивидуалистический характер, лишаясь возможности попасть под ту или иную категорию или тип. При описании вида коммуникативной деятельности опускается роль редакторов, «теневых», третьих участников общения, чья роль в создании контекста чрезвычайно высока. Также представляется достаточно затруднительным объективный анализ инференций и пресуппозиций, так как исследователь может давать оценку, исходя из своего собственного опыта и замечая или не замечая те отсылки, которые понятны только участникам дискурсивной ситуации. Можно говорить о том, что появляется новый участник дискурсивной ситуации – исследователь, роль которого в проведении данного вида анализа еще не до конца изучена.

Несмотря на вышеперечисленные недостатки, дискурс-анализ позволяет выявить приемы и способы манипуляции в дискурсе на различных уровнях организации текста и дискурсивной ситуации, учитывая микро- и макроструктуры, различные параметры, напр., контекст общения и эмоциональные составляющие. Протокол анализа обеспечивает выделение

особенностей дискурсивных ситуаций, характерных для определенного времени и места. Описание сценарной составляющей реконструирует логические связи в подаче информации, которые реализуют манипулятивный потенциал на структурном уровне организации дискурса. Таким образом, дискурс-анализ подтверждает свой статус эффективного способа для выявления манипулятивной составляющей при работе с исследуемым материалом.

2.2.4. Метод критического мышления

Метод критического мышления можно охарактеризовать как инновационный подход к исследованию манипулятивного дискурса. Данное направление получило наибольшее распространение в философии, логике, психологии и педагогике, а сам термин был введен философом Дж. Дьюи в книге «Психология и педагогика мышления» в 1910 г. [Дьюи, 1997]. В лингвистической среде о необходимости и возможностях применения инструментов критического мышления аргументировано высказываются лингвокультурологи. Напр., Е.В. Воевода оценивает данный метод как предполагающий «развитие определенных навыков, которые позволяют преодолевать стереотипы, находить правильные решения в той или иной социальной и лингвокультурной ситуации» [Воевода, 2012, с. 120]. Иными словами, критическое мышление можно считать междисциплинарным методом, позволяющим получить результаты как в отдельных научных областях, так и на стыке дисциплин.

Одним из наиболее знаковых ученых в области критического мышления признан Ричард Пол. Он в числе первых заявлял о значимости критического мышления и необходимости внедрения его инструментов в процесс обучения в школах и университетах. В критическом мышлении Р. Пол видел «средство борьбы с влиянием предрассудков, непризнанных

предположений и иррациональных привычек» [Стародубцева 2023, с. 120], которые влияют на суждения человека.

Согласно определению Р. Пола, критическое мышление – это «дисциплинированное, самонаправляемое и саморегулируемое мышление, которое иллюстрирует совершенства мышления, соответствующие специальному способу или области мысли» [Paul, 2001, р. 52]. Столь абстрактное определение призвано показать широту применения метода и подчеркнуть, что он предполагает достаточно строгие и четко направленные когнитивные процессы. Суть критического мышления Р. Пол выражал фразой «думать о своем мышлении, пока вы размышляете, чтобы улучшить свое мышление» [Там же], что наглядно демонстрирует метакогнитивную природу такого мышления [Там же].

Распространено определение критического мышления, в котором оно формулируется как «использование когнитивных техник и стратегий, что увеличивает вероятность получения желаемого конечного результата <...>. При этом думающий использует навыки, которые обоснованы и эффективны для конкретной ситуации и типа решаемой задачи» [Халперн, 2020, с. 52]. Данный подход предполагает наличие уже сформированных навыков и активно используемого инструментария критического мышления, но не объясняет, на чем основывается их выбор «для конкретной ситуации и типа решаемой задачи».

Определение В.Н. Брюшинкина отчасти также ограничивает понимание природы критического мышления, но видится наиболее функциональным в контексте данной диссертации. Согласно В.Н. Брюшинкину, критическое мышление – это «последовательность умственных действий, направленных на проверку высказываний с целью выяснения их несоответствия принимаемым фактам, нормам или ценностям» [Брюшинкин, 2003, с. 30]. Здесь речь идет о конкретном когнитивном процессе, делается акцент на природе критического мышления – проверке на соответствие

предмету действительности. Таким образом, в данном понимании критическое мышление, словно барометр, сигнализирует об отношении человека к различным явлениям, что предполагает наличие у него собственного «багажа» ценностей и представлений о мире.

Можно сделать вывод, что ученые рассматривают критическое мышление как метафункцию сознания с такими характеристиками, как набор инструментов, навыков, свойство целенаправленности и целеполагания, лежащее в основе данного когнитивного процесса.

Д. Клустер сформулировал пять признаков критического мышления, раскрывающие его суть [Клустер, 2005, с. 5-13].

1) *Самостоятельность мышления*, или индивидуальный подход к осмыслинию того или иного явления, задачи или проблемы, а также формирование независимого мнения как конечной цели процесса критического мышления.

2) *Рассмотрение информации как отправной, а не конечной точки критического мышления*. Данный признак подразумевает тот факт, что человек способен и стремится подвергать анализу или сомнению информацию, с которой сталкивается. Такое отношение к информации приобретает особую актуальность в современную эпоху постправды и наличия значительного числа информационных источников. Проблема заключается в том, что быстрые ответы в различных поисковых системах Интернета воспринимаются как точные и надежные данные, что приводит к ситуациям, когда человека могут легко ввести в заблуждение или намеренно убедить в том, в чем заинтересован автор материала.

3) *Критическое мышление начинается с постановки вопросов и уяснения проблем, которые нужно решить*. Этот признак связан с предыдущим и предполагает второй этап взаимодействия с материалом. Во-первых, человек формулирует конкретные вопросы, которые могут возникнуть как на логическом, так и на эмоциональном уровнях. В

манипулятивном дискурсе многие стратегии и приемы нацелены на то, чтобы «активировать» эмоциональный отклик у читателей. Правильно поставленные вопросы о том, что именно вызывает реакцию, могут способствовать более объективному восприятию информации. Во-вторых, «уяснение проблем» предполагает, что человек четко понимает цель того, что нужно решить в процессе критического мышления.

4) *Стремление к убедительной аргументации* подразумевает конечный «продукт» процесса критического мышления в виде логически выверенных аргументов и доводов, которые формируют личное отношение и точку зрения касательно рассматриваемого вопроса или проблемы.

5) *Социальная природа критического мышления* заключается в том, что необходимость в нем возникает как результат взаимодействия членов социума и выражается в дискурсивных ситуациях. Кроме того, процесс критического мышления включает сопоставление и оценку информации, которая имеет авторов и выражает их точку зрения (от индивидуальной до коллективной). Необходимость критического мышления возникает в контексте взаимодействия с другими членами общества.

Важно разграничить *догматическое* и *критическое мышление*. Догматизмом называют способ мышления, который опирается на догмы и оперирует ими в качестве аргументации. Под догмами традиционно понимаются общепринятые суждения, мнения, верования, которые считаются вечными истинами и не подвергаются критике или оценке. С одной стороны, догматическое мышление является основой многих областей науки и играет важную роль в построении общественных норм. С другой стороны, оно часто означает слепую веру, отсутствие желания сформировать собственную точку зрения. Можно с уверенностью сказать о том, что прогресс человечества построен на отказе от догм и проявлении критического мышления. Догмы характеризуют не только социум в целом. В каждом человеке заложен свой набор догм, обусловленный воспитанием,

окружением, личным выбором. В единстве они определяют базовые ценности, моральные установки, знания человека об окружающем мире. Полное отсутствие догм означало бы аномалию и расстройство личности. Вопрос баланса догматического и критического мышления относится к философской сфере. Тем не менее, стоит помнить и в ходе лингвистического анализа, что, даже будучи открытым ко всему новому, человек не может не опираться на свою систему знаний (догм), о чем подробно пишет Н.М. Ракитянский [Ракитянский, 2020].

Другим важным понятием в рамках критического мышления является когнитивный диссонанс. Когнитивный диссонанс – состояние психического дискомфорта человека, которое вызвано столкновением в его сознании конфликтующих представлений: идей, верований, ценностей или эмоциональных реакций. Когнитивный диссонанс является одним из основных стимулов для активации критического мышления и четко показывает связь между логической и эмоциональной составляющими восприятия информации.

Процесс критического мышления детально описан многими учеными. Одна из возможных моделей его применения представлена М.А. Журбенко. Преимущество данной модели заключается в том, что она разбивает процесс на логически выверенные, последовательные и взаимосвязанные операции, что позволяет с легкостью адаптировать ее для различных практических исследований [Журбенко, 2016, с. 68-74]: *получение информации → постановка проблемы → сравнение информации из различных источников → выстраивание системы рассуждений → принятие решений.*

Каждый этап стоит проанализировать с точки зрения процесса критического мышления при анализе материала, потенциально обладающего манипулятивностью. Данная оговорка чрезвычайно важна, так как рассмотрение всего материала с позиции, что он является заведомо манипулятивным, само по себе представляет логическую ошибку.

1) *Получение информации* на сегодняшний день сопряжено с рядом проблем. Во-первых, быстрый доступ к информации часто означает ее низкое качество. К сожалению, можно говорить о прямо диаметральной зависимости качества материала от его количества. «Горячие» новости могут описывать события, не подтвержденные фактами. «Фейкьюс» стали настолько серьезной проблемой, что их запрет обсуждается на законодательном уровне. Но до конца избежать ложных новостей представляется невозможным. Кроме этого, новостные порталы стремятся привлечь аудиторию броскими названиями, используя *кликбейт* (заголовки, написанные с целью обратить внимание и вызвать любопытство; одноименное название метода создания заголовков), что является непосредственным проявлением манипуляции. Такое свойство заголовков постулировалось ещё в 1958 г. А.П. Бессоновым, который отмечал, что заголовок – «это своего рода вывеска, и чем она красочнее, тем больше гарантии, что материал будет прочитан» [Бессонов, 1958, с. 3]. О глубинной роли заголовка говорит и Ю.А. Белова, подчеркивая его роль как «медиатора между данным медиа-текстом, совокупностью предшествующих текстов и человеком, его эмоционально-ценностной средой, опытом и объемом имеющихся у него фоновых знаний» [Белова, 2013, с. 794]. Только собственный сознательный выбор надежных источников может гарантировать получение надежной информации. Как правило, онлайн-ресурсы размещают краткую справку об авторе материала, указывая его род деятельности: журналист, обозреватель, специалист в той или иной сфере и т.д. Также издания делают пометки о том, к какой категории относится материал. Статьи, содержащие личную точку зрения автора, публикуются в разделе «Opinion» либо маркируются соответствующей пометой (The Guardian, The Washington Post).

2) *Постановка проблемы.* Этап в первую очередь связан со степенью понимания полученной информации (услышанной, увиденной, прочитанной). У реципиента может возникнуть отклик или когнитивный

диссонанс как на уровне логики, так и на уровне эмоций. На этом этапе важно сформулировать вопросы, цель которых состоит в раскрытии содержания и отношения автора к теме сообщения.

<i>Вопросы логического уровня</i>	<i>Вопросы эмоционального уровня</i>
1) Что является основной целью автора?	1) Какие эмоции вызывает информация?
2) В чем заключается основная мысль автора?	2) Возникает ли желание вступить в полемику с автором или выразить свою точку зрения?
3) Какие первичные выводы можно сделать в результате ознакомления с материалом?	3) Возникает ли желание более подробно изучить основную тему?
4) Как автор доказывает свою точку зрения? Есть ли референтные источники?	4) Есть ли желание узнать что-то об авторе или прочитать его работы?
5) Является ли точка зрения автора объективным или субъективным отображением действительности?	
6) Что заставляет согласиться/ не согласиться с автором или вызывает когнитивный диссонанс?	

Таблица 5. Вопросы для анализа на разных уровнях восприятия материала

Вышеперечисленные вопросы могут быть адаптированы относительно материала исследования. Вопросы логического уровня задают вектор в двух направлениях: анализ содержательной составляющей и выявление интенций автора материала. Эмоциональный уровень является достаточно субъективной категорией, но его рассмотрение необходимо для того, чтобы в полном объеме оценить эффект от прочитанной, прослушанной или увиденной информации. Иными словами, осуществляется «ревизия», или оценка дискурса.

3) *Сравнение информации из различных источников.* Преимущество работы с современными онлайн-ресурсами заключается в том, что

практически в любой статье можно найти ссылки на информацию по схожей тематике. Этот этап позволяет вывести процесс исследования материала на уровень критического осмысления информации, так как только сравнение может привести к доказательству, опровержению или изменению мнения по тому или иному вопросу. Данный этап позволяет создать объективное основание для пересмотра взглядов. Таким образом, критическое мышление динамично, предполагает неизменный поиск и сомнение в стремлении к объективности как минимальной цели и к формулированию личной точки зрения как максимальной цели.

Необходимо отметить, что данный этап анализа по своей сути является фактологическим анализом. Так, М.А. Тухватуллина относит к основным формам работы с материалом «сбор, классификацию, систематизацию и обработку» фактологического материала [Тухватуллина, 2015, с. 50]. Выборка материала по схожей тематике и ее анализ, обработка являются неотъемлемой частью метода критического мышления, поскольку представляет собой важный методологический шаг его алгоритма.

4) *Выстраивание системы рассуждений.* Исследователи, обращающиеся к методу критического мышления, рассматривают все аспекты проблемы / темы / вопроса, проводят логические сопоставления, принимают во внимание степень объективности материала и приходят к определенным заключениям. Учитывая социальную природу критического мышления, участники обмениваются мнениями, дискутируют, обсуждают информацию, апеллируют к тем или иным фактам, которые подтверждают или опровергают наличие манипуляции. Предполагается, что у исследователей есть четкое понимание основных стратегий манипуляции и тех приемов, которые используются для их выражения. Если дискурс является манипулятивным, исследователи могут указать, что именно стремился выразить автор материала и какие инструменты использовал. Обсуждение в паре или группе позволяет пополнить, расширить или

скорректировать мнение, так как многие манипулятивные приемы могут «считываться» одним участником и быть незаметными для другого.

5) *Принятие решений.* Данный этап – финальная «точка» и преимущество критического мышления одновременно. Исследователи делают окончательные выводы, принимают собственные решения о том, как воспринимать изученный материал. Возникает ощущение понимания, видения проблемы, намерений автора, его личного отношения к теме. Понимание того, что решения принимаются после всестороннего изучения материала, сравнения источников и анализа информации, позволяет и побуждает не торопиться с выводами, не принимать скоропалительных решений, т.е. подходить к материалу критически.

На этом этапе читатель может определить стратегии и способы манипуляции, которые использовал автор для достижения манипулятивного эффекта.

Критическое мышление, будучи динамичным по своей природе, позволяет исследователю сохранять открытость, пытливость ума, готовность обогащать свои знания. Характер выводов и принимаемых решений касается исследуемого материала, но не темы в целом.

Ниже представлен анализ статьи с поэтапным применением метода критического мышления.

Этап 1. Получение информации. Статья «A Horrible Winter Lies ahead: Next PM will Inherit an NHS on its Knees» опубликована на новостном портале The Guardian 29 августа 2022 г. [Gregory, URL] (см. Приложение 2). На момент публикации статья была размещена в специальной секции «Coronavirus». Заголовок указывает на проблемы и перспективы здравоохранения (*National Health System*). Автор материала – Andrew Gregory, редактор, пишущий на темы здоровья и здравоохранения. Статья находится в разделе «The News».

Этап 2. Постановка проблемы.

<i>Вопросы логического уровня</i>	<i>Вопросы эмоционального уровня</i>
1) Основная цель – отразить и передать мнение специалистов о проблемах в здравоохранении.	1) Информация вызывает чувство беспокойства и тревоги, так как описывает тяжелое состояние медицины, что касается каждого жителя страны.
2) Основная мысль заключается в катастрофическом состоянии дел в медицинских учреждениях Соединенного Королевства, что подтверждается аргументами: « <i>next PM will inherit and NHS on its knees</i> »; « <i>the NHS now shares the same traits as many of those relying upon it to keep them alive and well: it is elderly, has multiple comorbidities, and is in dire need of emergence care</i> »; « <i>A&Es, ambulances, general practice and social care are in serious peril across the country</i> ».	2) Возникает желание выразить свою обеспокоенность и прояснить моменты, связанные с работниками здравоохранения и оказанием первой медицинской помощи.
3) Первые выводы по итогам прочтения статьи – система здравоохранения Великобритании находится в плачевном состоянии, не справляется с пандемией и ее ожидают еще большие трудности. В качестве доказательств автор сравнивает актуальное состояние NHS с периодом до ковида, что усугубляет ситуацию: « <i>The NHS is in a worse position to face a pandemic now than it was in 2020</i> ».	3) Возникает желание узнать, действительно ли ситуация настолько серьезна, как описано в материале, и какие пути решения видят те эксперты, мнение которых представлено в тексте.
4) В качестве доказательства автор приводит мнения авторитетных служащих в области здравоохранения: « <i>Matthew Taylor, the chief executive of the NHS Confederation</i> », « <i>Jeremy Hunt</i> ,	4) Автор собрал объемный материала, раскрывающий разные аспекты проблемы. Цитаты, статистические данные, всесторонний обзор вызывают уважение и желание

<i>the chair of the health and social care committee» и т.д.</i>	изучить другие материалы по теме, написанные данным обозревателем.
5) С целью подтверждения объективного описания ситуации автор приводит статистические данные с указанием количества вакансий, времени ожидания скорой помощи и приёма врача в больницах: « <i>105000 vacancies</i> », « <i>some patients have had to wait 40 hours wait for an ambulance</i> ».	
6) Несмотря на то, что автор намеренно подчеркивает кризисное состояние всей системы, используя прим. 10 раз слово « <i>crisis</i> », в статье представлено лишь одно решение проблемы – финансирование. Отсутствуют ссылки на источники статистической информации. Текст изобилует эмоциональными высказываниями и намеками на то, что данный период – худший в истории здравоохранения страны, хотя конкретных подтверждений этому мнению нет.	

Таблица 6. Пример анализа медиадискурса на логическом и эмоциональном уровнях в рамках метода критического мышления по статье «A Horrible Winter Lies ahead: Next PM will Inherit an NHS on its Knees»

Этап 3. Сравнение информации из различных источников. На этом этапе наиболее удобно чтение релевантных статей, представленных по тегам и ссылкам в конце основного текста. Логично также обратиться к информации, представленной на сайте NHS. Теги, которыми отмечена данная статья: *UK in crisis; NHS; Health; Mental health; Social care; A&E; Hospitals; Nursing; GPs; Trade unions; Doctors; Society; UK news; Politics; Health policy; Public services policy; Wales; Northern Ireland; Andrew Gregory.*

Важно найти период, соответствующий дате публикации статьи, так как по тегам вначале открывается наиболее «свежая» информация. Релевантный материал затрагивает тему «*UK in crisis*» и соответствует дате появления рассматриваемой статьи.

Этап 4. Выстраивание системы рассуждений. Система рассуждений базируется на данных, касающихся всех аспектов темы, включает мнения экспертов и тех, кто сталкивается с проблемами в здравоохранении Великобритании. Возможно обсуждение основных и второстепенных проблем и сравнение путей их разрешения, которые предлагаются в материалах по теме исследования.

Этап 5. Принятие решений. К данному этапу читатель видит большое количество вопросов, связанных с рассматриваемой темой, хочет углубиться в тему и проследить тенденции развития проблемной ситуации, сопоставляет кризисные явления и их проявления в разных сферах жизни британцев. Поскольку текст указывает на то, что проблемы здравоохранения также связаны с брекситом и потерей иностранных кадров, рецессией в стране и неравным распределением ресурсов, критическая работа над ним позволяет вовлечь читателя в более глубокое и обширное видение Великобритании в целом и NHS в частности [Валиева, 2023].

Манипулятивные способы и приемы, используемые автором, можно выделить на этапе постановки проблемы, когда материал разбирается на логическом и эмоциональном уровнях, что позволяет выделить количественные и качественные маркеры манипуляции. Стратегии манипуляции целесообразно обозначить на этапе принятия решений, так как к этому моменту содержательная составляющая материала получает полное, всестороннее рассмотрение.

Метод критического мышления дает возможность переосмыслить процедуру лингвистического анализа для выявления манипулятивных стратегий, способов и приемов. Возрастает роль анализирующего участника,

одной из основных целей метода становится активизация когнитивных процессов, необходимых для его осуществления. Можно уверенно говорить о том, что метод критического мышления соответствует уровню абстрактного и словесно-логического мышления. Рассмотрение исследуемого материала как единого целого позволяет объединить его структурно-смысловые компоненты и выявить стратегии манипуляции, заложенные автором, в содержании текста и в дискурсивной ситуации. Кроме того, данный метод нацелен на установление степени правдивости материала, определение отношения к нему с точки зрения аргументативности его логической и эмоциональной составляющих, а также на формирование относительно независимой точки зрения и собственного мнения касательно объекта исследования.

В целом, стоит отметить, что критическое мышление как метод имеет большой потенциал применения с целью анализа манипулятивного дискурса. Метод может служить альтернативой дискурс-анализу и использоваться как учеными, так и непрофессионалами для объективной оценки информационного материала. Метод критического мышления обеспечивает объективную оценку по всем трем уровням исследования, что качественно отличает его от других рассмотренных методов.

Выводы по Главе 2

1. В манипулятивном дискурсе используются вербальные формы выражения манипуляции на лексическом, грамматическом (морфологическом) и лексико-стилистическом уровнях, каждый из которых представлен наиболее часто употребляемыми инструментами. Инструменты манипуляции наиболее эффективны при их интегрированном использовании.

2. Появление и активное использование неологизмов в речи является одним из наиболее ярких маркеров, отражающих актуальные

события и их влияние на сознание людей. Денотативные и коннотативные смыслы, заложенные в неологизмах, также сигнализируют о манипулятивном потенциале лексических единиц. Неологизмы эффективно функционируют как внутри дискурсивной ситуации или дискурса, так и самостоятельно и обладают значительным спектром применения. Понимание и корректная расшифровка всех «слоев» значения неологизмов позволяет грамотно оценить их манипулятивные возможности.

3. Метафора как наиболее выразительное языковое средство широко применяется в манипулятивном дискурсе. Ее манипулятивный потенциал отражается во многих функциях метафоры (в особенности в когнитивной и миромоделирующей функциях). Использование метафор на военную тематику усиливает манипулятивный эффект и эмоциональный отклик у реципиентов.

4. Грамматические (морфологические) способы реализации манипуляции могут варьироваться по степени эффективности, но в каждом заложен свой смысловой потенциал. Пассивный залог отвечает за реализацию таких манипулятивных стратегий, как отвлечение внимания или ограничение доступа к информации путем неупоминания лиц, ответственных за то или иное действие.

5. Активное использование местоимений первого лица в противопоставлении с местоимениями третьего лица множественного числа реализует прием обращения к идентичности, обобщения и контраста с целью создания образов-антагонистов «мы» и «они», которые характеризуются диаметрально противоположным отношением к явлениям действительности.

6. Лексико-стилистические средства манипуляции выражаются как на уровне одного предложения в виде необычного порядка слов, так и на уровне группы предложений в форме параллельных конструкций. Параллелизм часто выражается и в смысловом плане, и в структурном.

7. Антитеза в манипулятивном дискурсе представляет собой не только противопоставление понятий, но и противопоставление метафорических образов, что способствует смысловому усилению данного выразительного средства.

8. Формирование корпуса исследования и его использование в ходе контент-анализа – наиболее эффективный инструмент современной лингвистики. Контент-анализ применяется для объективной оценки различных языковых единиц: от неологизмов до синонимического употребления слов, что позволяет выявить манипулятивный потенциал исследуемого материала.

9. Компонентный анализ обеспечивает определение всех языковых значений слова. В некоторых случаях необходимо использование энциклопедических словарей для выявления различий в синонимичных лексических единицах. Компонентный анализ в первую очередь помогает выявить манипулятивные приемы, реализуемые в рассматриваемом дискурсе.

10. Дискурс-анализ представляется одним из наиболее трудоемких методов исследования дискурса, так как требует его «расщепления» на минимальные составляющие и учет множественных экстралингвистических факторов. Эффективность дискурс-анализа ограничена объемом исследования. Кроме того, ставится под сомнение объективность результатов из-за необходимости субъективной оценки многих параметров. Однако, дискурс-анализ эффективен в выявлении манипулятивных стратегий, способов и приемов, используемых участниками дискурсивной ситуации.

11. Метод критического мышления рассматривается как инновационный подход в лингвистике, который может быть адаптирован на основе достижений педагогики и социологии. Использование инструментов критического мышления позволяет говорить о том, что эффект манипулятивного дискурса снижается благодаря четкому разграничению логического и эмоционального восприятия материала. Весомым результатом

применения метода критического мышления можно считать возможность определения манипулятивных стратегий, реализуемых автором.

12. Представленные методы обладают своими достоинствами и недостатками. Их выбор, сочетание и адаптация под требования анализа конкретного манипулятивного дискурса и в зависимости от содержания дискурсивной ситуации являются единственным способом для объективной оценки и анализа дискурса.

13. Комбинированное использование лингвистических методов анализа позволяет более глубоко и детально «препарировать» манипулятивный дискурс и выделить его наиболее характерные черты, что является необходимым условием при всестороннем анализе языкового корпуса.

ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МАНИПУЛЯТИВНОГО МЕДИАДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ О COVID-19 ИЗ БРИТАНСКОГО НОВОСТНОГО ПОРТАЛА THE GUARDIAN)

3.1. Методика анализа

Эмпирическая часть работы состоит из анализа корпуса статей по теме Covid-19, опубликованных на новостном портале The Guardian в период 2020-2023 гг., что позволяет охватить значительный промежуток времени, проследить изменения в содержательной составляющей материалов по данной тематике, отметить наиболее часто применяемые манипулятивные стратегии, способы и приемы.

В настоящее время все более распространенным становится подход к проведению исследований в различных областях знаний с учетом трех уровней интерпретации: макроуровня, микроуровня и мезоуровня. С одной стороны, уровни взаимосвязаны и отвечают за манипулятивный эффект дискурса как единого целого. С другой стороны, количественная и качественная интерпретация результатов демонстрирует, что инструменты, эффективные на микроуровне, могут быть незначительными на мезоуровне и несущественными на макроуровне. Ярким примером служат неологизмы. Они вызывают широкий интерес у исследователей, так как являются неотъемлемой частью языкового отражения актуальной действительности и воплощают в себе языковую динамику. Однако, их рассмотрение на макроуровне интерпретации дискурса ставит под сомнение манипулятивный потенциал, заложенный в коннотативном значении этих слов. Иными словами, сумма результатов исследования на микроуровне не формирует мезоуровень и макроуровень, которые требуют последующего анализа и дополнительных инструментов и методов интерпретации.

Во-первых, исследование корпуса статей происходит на *макроуровне* дискурса, описываются его содержательная и внешняя стороны. Содержательная сторона требует выделения основных тем, способа отбора материала и самого материала, который раскрывает различные параметры основного объекта исследования. К внешней стороне макроуровня А.А. Казаков относит «средний размер статьи, место ее расположения в номере, частоту появления затрагивающих определенный сюжет публикаций и характер информационных поводов» [Казаков, 2012, с. 20]. Результаты, полученные при проведении контент-анализа и дискурс-анализа, обеспечивают основные показатели на макроуровне исследования.

Во-вторых, *микроуровень* задает минимальный объект исследования. В данной работе таким объектом являются языковые инструменты, используемые в статьях о Covid-19. На микроуровне анализа исследуются лексические, грамматические и синтаксические средства манипуляции. Микроуровень служит фундаментом, на котором формируется базовый объем материала исследования. На микроуровне действуются контент-анализ и компонентный анализ. Контент-анализ дает количественные маркеры использования манипулятивных инструментов при работе с языковым корпусом и определяет их влияние на восприятие дискурса по рассматриваемой тематике. При помощи компонентного анализа сравнивается манипулятивная составляющая в наиболее часто используемых лексических единицах.

Мезоуровень является смысловым уровнем интерпретации дискурса. Здесь выделяются манипулятивные стратегии, способы и приемы, используемые в дискурсе. А.А. Казаков обозначает их как «манипулятивные механизмы» и разделяет на логический и эмоциональный блоки [Казаков, 2012, с. 16-18].

<i>Логический блок</i>	<i>Эмоциональный блок</i>
Подмена или полное отсутствие	Повторения и параллельные

аргумента	конструкции
Упрощение или примитивизация информации	Использование иронии и/ или сарказма
Перенос смыслового акцента	Градация в использовании синонимов
Использование большого количества статистических данных и цифр	Использование невербальных способов воздействия: фото, иллюстрации и пр.
Публикация мнений «людей из народа»	
Использование выгодных аналогий	
Обсуждений слухов	
Стереотипы и мифы как обоснование аргументации	
Использование субъективной модальности	
Использование пассивных форм	
«Притягивание за уши» для отвлечения внимания на незначительные факторы	

Таблица 7. Манипулятивные механизмы, согласно А.А. Казакову

Таким образом, классификация А.А. Казакова комбинирует стратегии, способы и приемы, которые были рассмотрены в первой главе. Вместе с тем, основу эмпирического анализа в данном диссертационном проекте составляют классификация стратегий манипуляции Н. Хомского, классификация манипулятивных способов С.Г. Кара-Мурзы и классификация манипулятивных приемов Е.В. Гориной, так как они позволяют структурно рассмотреть элементы манипуляции, в которых взаимосвязаны логические и эмоциональные составляющие. Их разделение осуществляется на мезоуровне при подключении дискурс-анализа и метода критического мышления лишь при рассмотрении содержательной составляющей, но не в самой классификации «манипулятивных механизмов», как указывает А.А. Казаков. Дискурс-анализ необходим при работе с лингвистическими, экстравербальными элементами дискурса, контекстом и ролью участников дискурсивной ситуации. Метод критического мышления раскрывает основные стратегии, применяемые при создании

манипулятивного дискурса, которые могут быть объективно описаны только после всестороннего изучения рассматриваемого материала.

Таким образом, можно составить «дорожную карту» анализа, которая охватывает все этапы его проведения.

<i>Уровень исследования</i>	<i>Методы</i>	<i>Задача этапа</i>	<i>Цель этапа</i>
Макроуровень	Дискурс-анализ	Описание структуры и содержания статей	Определение ключевых тем, размера статей и др. экстралингвистических параметров
Микроуровень	Контент-анализ	Выявление лингвистических инструментов манипуляции и подсчет частоты их использования	Интерпретация значимости лексических единиц для достижения манипулятивного эффекта при восприятии корпуса статей
	Компонентный анализ	Анализ лексических единиц, их коннотативного и денотативного значений	Определение манипулятивного потенциала лексических единиц
Мезоуровень	Сочетание дискурс-анализа и метода критического мышления	Составление протокола анализа статей, описание сценарной составляющей и др. параметров дискурса	Выделение логических цепочек и скриптов и их оценка на предмет наличия манипуляции

		Анализ содержания и оценка влияния экстралингвистических составляющих дискурса на его восприятие	Выявление стратегий, способов и приемов манипуляции
--	--	--	---

Таблица 8. Методика проведения лингвистического исследования медиадискурса и цели каждого этапа

Процедура анализа на всех трех уровнях выглядит следующим образом:

<i>Уровень</i>	<i>Метод</i>	<i>Процедура анализа</i>
Макроуровень	Дискурс-анализ	1) составление протокола дискурс-анализа с добавлением дополнительных параметров; 2) описание макроструктур (абзацев); 3) описание содержательной составляющей.
Микроуровень	Контент-анализ, компонентный анализ	I) использование контент-анализа: 1) выделение корпуса, 2) определение концептуальной переменной и ее языковых репрезентантов, 3) выбор единицы кодирования, 4) подсчет и обработка данных; II) использование компонентного анализа: 1) выделение лексико-семантической группы, 2) определение значений языковой единицы, 3) выделение сем, 4) составление таблиц семного состава единиц; III) интерпретация использования лексических единиц на уровне

		микроструктур.
Мезоуровень	Сочетание дискурс-анализа и метода критического мышления	<p>1) получение информации (выборка) согласно критериям,</p> <p>2) составление протокола анализа,</p> <p>3) составление сценарной составляющей,</p> <p>4) постановка проблемы на логическом и эмоциональном уровнях,</p> <p>5) выстраивание системы рассуждений и принятие решений.</p>

Таблица 9. Поэтапная процедура проведения исследования медиадискурса

Интерпретация результатов применения указанных методов с учетом трех уровней позволяет максимально объемно изучить влияние манипулятивных технологий и выделить основные приемы, которые чаще других применяются на каждом уровне.

3.2. Критерии отбора эмпирического материала

Материал исследования представлен статьями новостного портала The Guardian. Выбор данного издания обусловлен рядом причин. Во-первых, будучи одной из наиболее авторитетных газет мира, основанной в 1821 году, The Guardian считается сегодня самым популярным новостным ресурсом Великобритании и стабильно входит в пятерку в общемировом рейтинге новостных ресурсов. Читательская аудитория достигает 327 миллионов человек в месяц, что значительно превышает население страны, в которой газета издается. Во-вторых, наличие сайта и приложения, которые предоставляют бесплатный доступ ко всем ресурсам: статьям, подкастам, возможностям комментирования, интерактивным секциям и др. – в значительной мере определяют выбор читателей.

С одной стороны, материал, настолько востребованный и распространенный, помогает исследовать языковой дискурс, отражающий широкий спектр актуальных вопросов, структура сайта позволяет легко

найти информацию о практически любой стране мира. С другой стороны, важно проследить роль авторов статей и информационных ресурсов в формировании отношения к различным фактам реальности, т.е. определить, используются ли манипулятивные стратегии при создании материалов.

Критерием для классификации статей послужило их деление на три основных рубрики: «The News», «Analysis», «Opinion» (новости, анализ, мнение). Каждая статья отнесена к одной из трех рубрик. Авторами последней часто выступают ученые, которые обосновывают свою точку зрения, ссылаясь на научный опыт. Отличительная черта первых двух рубрик – большое количество информационных графиков, таблиц и т.д., которые в сочетании с текстом образуют целостный дискурс.

Выбор тематики – пандемия коронавирусной инфекции – объясняется тем, что данное заболевание входит в число ключевых тем мировой новостной повестки, начиная с декабря 2019 г. Трудно переоценить тот факт, что пандемия повлияла на население большинства стран планеты, затронув многие сферы жизни: от места жительства и специфики работы до социальной политики и здравоохранения. Последовавшие за Covid-19 дискуссии о long Covid, или долгосрочных последствиях заболевания, подчеркивают актуальность проблемы, влияние которой на общество не ослабевает.

При выборе материала исследования использовался метод сплошной выборки, что обеспечивает объективность в оценке использования манипулятивных технологий.

Ниже представлены общие сведения об исследуемом материале за период с января 2020 г. по декабрь 2023 г.

<i>Рубрика «The News»</i>	
<i>Год</i>	<i>Количество</i>
2020	14
2021	15

2022	16
2023	13
Общее количество:	58
Количество авторов:	45
Рубрика «Analysis»	

Год	Количество
2020	22
2021	5
2022	8
2023	5
Общее количество:	40
Количество авторов:	24
Рубрика «Opinion»	

Год	Количество
2020	12
2021	16
2022	13
2023	14
Общее количество:	55
Количество авторов:	36
Общее количество статей:	140
Общее количество авторов:	105

Таблица 10. Распределение статей новостного портала «The Guardian» по годам публикации и рубрикам для проведения исследования

Критерии отбора эмпирического материала определялись его репрезентативностью в освещении темы пандемии COVID-19. Первостепенная роль в выборке отведена рубрике «The News», поскольку именно в ней нашли максимально полное и оперативное отражение ключевые события, связанные с развитием пандемии и мерами борьбы с ней, что соответствовало доминирующему положению данной темы в мировой повестке дня. Существенный объем выборки составили тексты из рубрики «Opinion», что согласуется с редакционной политикой The Guardian, направленной на представление множества точек зрения; в данном случае — на привлечение экспертов для анализа широкого спектра социокультурных

последствий пандемии (например, ее влияние на языковые практики или возникновение новых социальных конфликтов). Напротив, рубрика «Analysis», в силу своего меньшего объема в рамках общей структуры издания, представлена в исследовании пропорционально ограниченным количеством текстов.

Ключевая задача в выявлении языковой манипуляции – выбор наиболее приемлемого метода исследования. Каждый из ниже представленных методов задействуется с целью раскрытия его максимального потенциала при исследовании манипулятивных технологий. Все методы применяются на трех уровнях исследования: микро-, мезо- и макроуровнях, что позволяет применить полученные результаты как для характеристики минимального объекта исследования, напр., статьи, так и для описания особенностей общего объема манипулятивного дискурса на тему Covid-19.

3.3. Анализ манипулятивных приемов на макроуровне

Макроуровень проведения анализа наиболее значим при работе с языковым корпусом. На макроуровне выделяются лингвистические параметры дискурса, в частности актуальные подтемы, раскрывающие основную тему, которая объединяет весь рассматриваемый материал. Также к задачам анализа на макроуровне относится описание экстралингвистических параметров: размера статьи, ее расположения в информационном ресурсе, частоты появления статей, связанных с основной темой, структурной организации статьи, включая графические изображения, ссылки на иные статьи и количество слов с гиперссылками.

Макроуровень позволяет отследить наличие или отсутствие манипулятивных элементов на уровне выбора содержания и на уровне визуального восприятия информации.

Лингвистический метод, который оптимально подходит для решения указанных задач, – метод дискурс-анализа. Благодаря ему можно выделить содержательную составляющую и описать макроструктуры. Наиболее актуальные инструменты дискурс-анализа на макроуровне – составление протокола дискурс-анализа с добавлением дополнительных параметров, описание макроструктур (абзацев), описание содержательной составляющей. Следующий шаг – выделение манипулятивных способов и приемов, в случае их наличия.

В данном диссертационном исследовании анализируется статья новостного портала The Guardian «As a New Variant Emerges, is Covid Coming back to the UK?» [Robin McKie, URL] (см. Приложение 5).

Этап 1. Составление протокола дискурс-анализа:

<i>Параметры</i>	<i>Анализ статьи</i>
Культурный контекст	Три года с момента начала пандемии., несколько «волн» заболеваний, несколько вариантов штаммов заболевания.
Время	Статья написана 3 сентября 2023 г., находится в открытом доступе без ограничения по времени.
Место	Статья расположена на сайте новостного портала The Guardian в разделе «Analysis», подразделе Coronavirus и в подразделе «The Observer».
Размер	912 слов, включая слова с указанием релевантных тем.
Использование графических элементов	Две фотографии: фотография клетки вируса, расположена выше названия секции и заголовка статьи; фотография теста на наличие Covid-19, подзаголовки выделены в отдельные абзацы, напечатаны увеличенным шрифтом красным цветом. Гиперссылки также оформлены шрифтом красного цвета.
Состав участников	Автор статьи (коммуникатор): Robin McKie – Observer's science editor. Читатели (реципиенты): жители стран, где есть доступ к новостному порталу The Guardian.
Цель интеракции	Проанализировать текущее положение дел в здравоохранении Великобритании и возможности борьбы с

	новыми штаммами заболевания в связи с увеличивающимся числом инфицированных Covid-19.
Форма	По каналу передачи: письменный – визуальный канал. По функциональному стилю – публицистический.
Тональность общения	Информационно-манипулятивная тональность.
Стиль дискурса	Массово-информационный, публицистический стиль.

Таблица 11. Протокол дискурс-анализа по статье «As a New Variant Emerges, is Covid Coming back to the UK?»

Этап 2. Описание макроструктуры статьи.

Статья состоит из названия, подзаголовка, вводного параграфа, 10 подтем, выделенных вопросами-заголовками, 2 фотографий, 5 слов, данных после основного текста и обозначающих релевантные темы.

Этап 3. Описание содержательной составляющей.

Тема статьи – обсуждение вероятного возвращения эпидемии Covid-19 в Соединенное Королевство.

Тема, заданная дискурсом, определяется основным заголовком, а также подзаголовками:

- 1) *Are cases on the rise?*
- 2) *Will it get worse as winter approaches?*
- 3) *What's happening in hospitals?*
- 4) *How dangerous is the latest variant?*
- 5) *How do I get a test these days?*
- 6) *Can I get a vaccine?*
- 7) *Has the Covid-19 vaccine been tweaked?*
- 8) *Why don't they create a combined Covid-flu vaccine?*
- 9) *Do we know enough about how widespread Covid is?*
- 10) *What's the situation like elsewhere in the world? [Там же].*

Дополнительный элемент содержательной составляющей – референции, или отсылки к релевантным темам в конце основного текста, и гиперссылки

на схожие по содержанию статьи. В статье обнаруживаются следующие гиперссылки:

1) «*The vaccine campaign against Covid-19 has just been brought forward by a month in the face of changes in the disease's behaviour.*» [Там же]: выделенная фраза отсылает к статье «*UK Health Officials Bring forward Autumn Flu and Covid Vaccinations*» от 30 августа 2023 г. [Ian Sample, URL].

2) «*The new variant, BA.2.86, is characterised by a large number of mutations, many of which might be expected to help the virus evade existing immune responses.*» [Там же]: выделенная фраза ведет к статье «*New Covid Variant Causing Concern among Scientists Detected in London*» [Nicola Devis, URL].

Релевантные темы, указанные в конце статьи, включают *Coronavirus, The Observer, Infectious disease, Health Analysis*.

Редакторы, при размещении материала на онлайн-платформе, добавляют финальную часть «*More on this story*», где предлагают к прочтению статьи с похожей тематикой. Важно указать, что рекомендованные статьи регулярно автоматически обновляются. Основной критерий для получения доступа к наиболее актуальным материалам – дата публикации.

По итогам анализа статьи на макроуровне установлено применение следующих манипулятивных приемов:

1) использование «слов-амеб»: напр., «*new variant, BA.2.86*» выделено красным цветом и благодаря этому влияет на восприятие текста;

2) «обращение к идентичности» выражается вопросительными конструкциями с местоимениями «*I*» и «*we*» в подзаголовках;

3) «манипуляция критикой» реализуется в форме вопроса «*Why don't They Create a Combined Covid-flu Vaccine?*».

Кроме этого, реализуются манипулятивные приемы: «утверждение и повторение» и «черная информация», напр., в подзаголовках: «*1) Are cases on*

the rise? 2) Will it get worse as winter approaches? 4) How dangerous is the latest variant? 9) Do we know enough about how widespread Covid is?» [Там же].

Относительно манипулятивной стратегии, реализуемой автором, целесообразно говорить о «постепенном внедрении» идеи о том, что эпидемиологическая ситуация значительно ухудшается и Covid-19 снова распространяется по миру, что отражается в заголовке и последнем подзаголовке статьи: *«As a new variant emerges, is Covid coming back to the UK?», «What's the situation like elsewhere in the world?»* [Там же].

Таким образом, анализ на макроуровне позволяет оценить манипулятивный потенциал статьи с опорой на структурную и содержательную составляющие. Результаты данного уровня приобретают все большую актуальность в связи с тем, что в современном мире меняется подход к восприятию информации. Доступ к большому количеству информационных ресурсов формирует привычку читать «вертикально», т.е. бегло просматривать основной текст. Цветовыделение и использование кратких подтем позволяет коммуникаторам делать акцент на тех мыслях, которые важно донести до реципиентов информации в первую очередь. Аргументы в основной части статьи часто опускаются читателями.

Следует подчеркнуть, что дискурс-анализ – один из наиболее объемных и глубоких лингвистических методов. Его главное преимущество заключается в том, что он выводит результаты языковых исследований на новый уровень понимания коммуникативного потенциала микро- и макроструктур и их взаимодействия. Более того, некоторые инструменты могут быть адаптированы для анализа невербального дискурса и соответствующих дискурсивных ситуаций, напр., работ художников и музыкантов, где отсутствует словесное выражение, но скрыт культурный код и отражаются текущие общественные настроения.

К недостаткам дискурс-анализа можно отнести его трудоемкость, которая кроется в необходимости пошагового изучения каждой

дискурсивной ситуации. Детальное описание каждого параметра представляется в большей мере инструментом психотерапии или психолингвистики, что уменьшает его ценность для сугубо лингвистических исследований. Не менее важно указать и то, что объективность результатов дискурс-анализа относительна, так как многие элементы зависят от контекста, предпосылок и предположений, которые часто индивидуально обусловлены и зависят от экстралингвистических параметров.

3.4. Анализ манипулятивных приемов на микроуровне

Основная цель анализа корпуса статей на микроуровне – выделение наиболее часто используемых языковых средств, выявление их возможного манипулятивного значения. Процедура анализа выглядит следующим образом:

- I) использование контент-анализа,
II) использование компонентного анализа,
III) интерпретация использования лексических единиц на уровне микроструктур.

Последовательное применение контент-анализа и компонентного анализа позволяет поэтапно выделить лексический пласт, характерный для описания Covid-19, оценить и сравнить частоту использования типичных слов и выражений по данной тематике, дифференцировать семные составляющие значения. Далее значения интерпретируются на уровне микроструктуры статьи, а именно в предложениях. Такая последовательность необходима для наиболее объективной оценки влияния лексических единиц на восприятие материала реципиентом и их возможного манипулятивного воздействия на весь рассматриваемый корпус. На первом этапе анализ проводился с помощью языка программирования Python, что значительно ускорило количественный подсчет заданных лексических единиц.

I.1. Первый этап контент-анализа. Выделение корпуса языкового материала. В данной работе корпус составляют статьи, опубликованные в период с января 2020 г. по декабрь 2023 г. Среднее количество публикаций – 3,5 статьи в месяц. Общий объем материала – 140 статей. При отборе материала учтены основные критерии, принятые в корпусной лингвистике, а именно: репрезентативность, полнота выборки, экономичность. Критерий репрезентативности соблюдается благодаря числу анализируемых статей с учетом месяца их публикации. Статьи отобраны из трех основных рубрик новостного портала The Guardian: «The News», «Analysis», «Opinion». Полнота выборки обеспечивается тем, что в исследовательском корпусе отражены статьи, в которых поднимаются различные вопросы, связанные с Covid-19: от социальных нужд и политических решений до личных историй читателей. Экономичность анализа подтверждается соответствием следующей пропорции от общего объема статей по тематике за данный период: «The News» – 1,2 статьи в месяц/ 48 месяцев; «Analysis» – 0,83 статьи в месяц/ 48 месяцев; «Opinion» – 1,14 статей в месяц/ 48 месяцев.

Данный объем материала позволяет выявить общие тенденции, характерные для всех текстов на коронавирусную тематику, и обеспечивает объективный взгляд на проблему манипулятивных технологий.

I.2. На втором этапе контент-анализа определяются концептуальная переменная и ее языковые репрезентанты. В данном исследовании используются 3 группы слов. Первая группа включает слова, ассоциирующиеся с коронавирусом. Они собраны в единый список и представлены авторитетным словарем Merriam-Webster. В список вошли следующие лексические единицы: *coronavirus*, *Covid-19*, *fomite*, *epidemic*, *pandemic*, *outbreak*, *community spread*, *contact tracing*, *martial law*, *self-quarantine*, *index case*, *super-spreader*, *isolation*, *self-isolation*, *contagious*, *infectious*, *virus*. [Merriam-Webster Dictionary, URL].

Вторая группа лексем, в т.ч. терминологических единиц по теме коронавируса, представлена списком, который составлен Йельской школой медицины: *Coronavirus, SARS (Severe acute respiratory syndrome), SARS-CoV-2 (Severe acute respiratory syndrome coronavirus 2), Covid-19 (Coronavirus Disease 2019), Spread of disease, endemic, epidemic, outbreak, pandemic, cluster, community spread, transmission, incubation period, droplet transmission, asymptomatic, super-spreader, preventing Covid-19, flattening the curve, hand hygiene, social distancing, shelter-in-place order, self-isolation, self-monitoring, isolation, quarantine, the medical response, drive-thru testing, anti-viral medicines, personal protective equipment (PPE), N95 respirator, ventilator, vaccine* [Yale Medicine, URL].

В результате анализа статей указанные списки были дополнены третьей группой слов, новыми языковыми репрезентантами Covid-19, большая часть которых – неологизмы периода пандемии: *Covidiot, Covidiocty, anti-vaxxer, vaxanista, Covideoparty, locktail, pingdemic, vax-a-thon, quarantini, scamdemic, plandemic, twindemic, pandemcene, long-hauler, brain fog, long Covid, booster, jab*.

Использование лексем первой и второй групп позволяет оценить, насколько широко тематика Covid-19 представлена в дискурсе СМИ, учитывая общепризнанную лексику, связанную с данным заболеванием, и выяснить, какие содержательные аспекты, возможно, опускаются при освещении темы коронавируса. Третья группа представлена неологизмами, словами с наиболее ярко выраженным денотативным значением, но их влияние на дискурс в целом можно оценить только при количественном подсчете частоты употребления данных лексем.

I.3. Третьим этапом контент-анализа служит выбор единицы кодирования. В результате сопоставления трех вышеуказанных списков был составлен единый перечень языковых репрезентантов. Частота их использования в статьях представлена ниже в порядке убывания.

<i>№</i>	<i>Языковой репрезентант</i>	<i>The News</i>	<i>Opinion</i>	<i>Analysis</i>	<i>Итого</i>
1	<i>Virus</i>	298	185	244	727
2	<i>Vaccine</i>	178	153	176	507
3	<i>Pandemic</i>	141	190	80	411
4	<i>Long Covid</i>	206	181	3	390
5	<i>Covid-19</i>	161	112	87	360
6	<i>Coronavirus</i>	151	75	132	358
7	<i>Outbreak</i>	42	28	31	101
8	<i>SARS</i>	31	27	21	79
9	<i>Booster</i>	28	32	10	70
10	<i>Infectious</i>	23	22	9	54
11	<i>Jab</i>	33	7	7	47
12	<i>Transmission</i>	15	14	14	43
13	<i>SARS-Cov-2</i>	21	17	2	40
14	<i>Isolation</i>	13	12	10	35
15	<i>Epidemic</i>	13	8	13	34
16	<i>Quarantine</i>	17	5	8	30
17	<i>Long-hauler</i>	9	18	1	28
18	<i>Anti-vaxxer</i>	10	13	1	24
19	<i>Social distancing</i>	11	8	5	24
20	<i>Brain fog</i>	12	4	0	16
21	<i>Plandemic</i>	1	12	0	13
22	<i>Endemic</i>	7	5	0	12
23	<i>Asymptomatic</i>	2	2	5	9
24	<i>Cluster</i>	4	2	3	9
25	<i>Covidiot</i>	1	8	0	9
26	<i>Self-isolation</i>	5	2	2	9
27	<i>Pingdemic</i>	3	4	0	7
28	<i>Contact tracing</i>	2	3	1	6
29	<i>Super-spreader</i>	0	5	1	6
30	<i>Community spread</i>	3	0	1	4
31	<i>Covidioicy</i>	0	3	0	3
32	<i>Contagious</i>	1	2	0	3
33	<i>Shelter-in-place</i>	2	1	0	3
35	<i>Ventilator</i>	0	0	2	2

36	<i>Anti-viral</i>	0	1	0	1
37	<i>Covideoparty</i>	0	1	0	1
38	<i>Flattening the curve</i>	0	1	0	1
39	<i>Index case</i>	0	0	1	1
40	<i>Locktail</i>	0	1	0	1
41	<i>Pandemicene</i>	1	0	0	1
42	<i>Personal protective equipment</i>	0	1	0	1
43	<i>Quarantini</i>	0	1	0	1
44	<i>Scamdemic</i>	1	0	0	1
45	<i>Twindemic</i>	1	0	0	1
46	<i>Vaxanista</i>	1	0	0	1
47	<i>Vax-a-thon</i>	1	0	0	1
Общее число:		1449	1166	869	

Таблица 12. Лексические репрезентанты «Covid-19»

Следующие языковые репрезентанты, включенные в указанные выше списки, не были представлены в рассматриваемом материале: *anti-viral medicine, drive-thru testing, droplet transmission, fomite, hand hygiene, incubation period, martial law, preventing Covid-19, self-monitoring, self-quarantine, spread of disease, the medical response, N95 respirator.*

I.4. На четвертом этапе контент-анализа осуществляется подсчет и обработка полученных данных. Этап также позволяет интерпретировать количественные результаты, опираясь на различные подходы. В данной работе используется интерпретативный подход.

Первостепенной и наиболее очевидной трактовкой полученных результатов контент-анализа видится сравнение единиц глоссариев и частоты их использования в рассматриваемом корпусе. В результате сравнения данных были сделаны следующие выводы.

1) Список, составленный словарем «Merriam-Webster», включает 17 лексических единиц, 3 из которых (около 15%) не были представлены в материале статей. Таким образом, примерно 85% языковых репрезентантов из данного списка встречаются и активно используются в статьях о Covid-19.

Языковые репрезентанты, не представленные в текстах: *fomite, martial law, self-quarantine*.

Частота использования иных языковых репрезентантов: *Coronavirus – 358, Covid-19 – 360, epidemic – 34, pandemic – 411, outbreak – 101, community spread – 4, contact tracing – 6, index case – 1, isolation – 35, self-isolation – 9, contagious -3, infectious – 54, virus – 727.*

Таким образом, можно аргументировано утверждать, что список словаря «Merriam-Webster» обоснован и подтверждается практическим использованием лексических единиц в исследуемом корпусе.

2) Список Йельской школы медицины состоит из 31 лексической единицы. 10 единиц, или прим. 1/3, не встречаются в статьях.

Языковые репрезентанты, не обнаруженные в текстах: *anti-viral medicine, drive-thru testing, droplet transmission, hand hygiene, incubation period, preventing Covid-19, self-monitoring, spread of disease, the medical response, N95 respirator.*

Частота использования иных языковых репрезентантов: *Coronavirus – 358, SARS – 79, SARS-CoV-2 – 40, Covid-19 – 360, endemic – 12, epidemic – 34, outbreak – 101, pandemic – 411, cluster – 9, community spread – 4, transmission, asymptomatic – 9, super-spreader – 6, flattening the curve – 1, social distancing – 24, shelter-in-place order – 3, self-isolation – 9, isolation – 35, quarantine – 30, personal protective equipment (PPE) – 1, ventilator -2, vaccine – 507.*

Данные результаты наглядно демонстрируют, что 2/3 языковых репрезентантов из списка Йельской школы медицины активно используются в дискурсе, посвященном коронавирусной инфекции. Однако, 1/3 единиц не представлена в дискурсе, что может свидетельствовать о неполном или частичном раскрытии данной темы в СМИ.

3) Анализ третьей группы слов также привел к неожиданным выводам. Данную группу слов можно разделить на две подгруппы. В первую подгруппу включаются единицы, которые использованы в рассматриваемом

корпусе статей только 1 раз. Вторая подгруппа объединяет языковые единицы, которые встречаются гораздо чаще.

Подгруппа 1: *vaxanista*, *Covideoparty*, *locktail*, *vax-a-thon*, *quarantini*, *scamdemic*, *twindemic*, *pandemicene* (всего – 8 лексических единиц).

Подгруппа 2: *Covidiot* – 9, *Covidiocty* – 3, *anti-vaxxer* – 24, *plandemic* – 13, *pingdemic* – 7, *long-hauler* – 28, *brain fog* – 16, *long Covid* – 390, *booster* – 70, *jab* – 47 (всего – 10 лексических единиц).

Первую подгруппу, вероятно, составили окказиональные неологизмы. Вторая подгруппа языковых репрезентантов позволяет количественно подтвердить их активное использование различными авторами в анализируемом материале.

4) Особого внимания заслуживает количественный анализ первых 6 лексических единиц: *virus* – 727, *vaccine* – 507, *pandemic* – 411, *long Covid* – 390, *Covid-19* – 360, *coronavirus* – 358.

Результаты исследования показывают, что авторы статей о Covid-19 в 2 раза чаще употребляют лексему «*virus*», в сравнении с официальными обозначениями заболевания: «*Covid-19*», «*coronavirus*». Активно упоминаются также «*pandemic*», «*long Covid*». Исключительная актуальность темы вакцинации в период пандемии нашла свое логичное отражение в частотности слова «*vaccine*» – прим. 507 упоминаний.

5) Отдельное внимание стоит уделить языковым репрезентантам, которые не были использованы. Лексические единицы: *anti-viral medicine*, *droplet transmission*, *hand hygiene*, *incubation period*, *preventing Covid-19*, *self-monitoring*, *spread of disease*, *the medical response*, *N95 respirator* – относятся к теме предотвращения заболевания и самостоятельной защиты от вируса. Отсутствие их в анализируемом корпусе наводит на мысль, что авторы не стремились дать читателям практические рекомендации о необходимых средствах защиты.

6) Слова «*coronavirus*» и «*Covid-19*» использовались с одинаковой частотой, что свидетельствует о восприятии их как синонимов.

7) Тема «*long Covid*» встречается чаще, чем упоминание основной болезни. При этом, нет ни одного случая употребления лексемы «*long coronavirus*», что свидетельствует о лексической несочетаемости данных слов.

Таким образом, проведенный контент-анализ подтверждает применение следующих способов манипуляции:

1) «отбор материала»: некоторые темы, напр., персональные средства защиты от коронавирусной инфекции, обозначенные выше в выводе 5, не представлены в исследуемом корпусе;

2) «утверждение и повторение»: частота использования слов *virus*, *vaccine*, *pandemic*, *long Covid*, *Covid-19*, *coronavirus* свидетельствует о следующем:

а) тема «*vaccine*» (507 упоминаний) более широко освещена, чем альтернативные способы борьбы с заболеванием, напр., «*quarantine*» (30), «*isolation*» (35), «*self-isolation*» (9) «*personal protective equipment*» (1),

б) заболевание «*Long Covid*» (390) появилось значительно позже «*Covid-19*» (360), но упоминается чаще,

в) слово «*virus*» лидирует в рассматриваемом материале по количеству упоминаний (727), употребляется как синоним «*Covid-19*», что приводит к ложному восприятию всех вирусов как смертельно опасных и искажает действительность.

В ходе контент-анализа были выявлены приемы манипуляции:

1) «слова-амебы», напр., «*SARS*» (79), «*transmission*» (43), «*SARS-CoV-2*» (40), «*social distancing*» (24), будучи специальными терминами, они трудны для понимания и объективного восприятия,

2) «манипуляция критикой» выражается в использовании таких слов, как «*anti-vaxxer*» (24), «*covidiot*» (9), «*covidiocty*» (3),

3) «обращение к идентичности» прослеживается в словах «*anti-vaxxer*» (24), «*covidiot*» (9),

4) «контраст и обобщение» проявляется в активном употреблении слова «*virus*» (727).

Проведенный контент-анализ позволяет сделать несколько выводов о его эффективности в качестве инструмента для выявления манипулятивного воздействия. Во-первых, его применение является необходимым условием для объективной количественной оценки использования различных языковых репрезентантов. Как было отмечено выше, контент-анализ позволяет выявить, какие лексические единицы действительно являются неологизмами, какие носят лишь окказиональный или индивидуально-авторский характер. Во-вторых, контент-анализ показывает, насколько раскрывается та или иная тема, благодаря использованию ключевых слов. В-третьих, обращение к современным программам компьютерной лингвистики, напр., Python, обеспечивает анализ несравненно большего объема материала.

Однако, стоит отметить и недостатки контент-анализа. Тот факт, что единицей кодирования могут выступать лишь лексические единицы, значительно ограничивает возможность проверки частоты использования грамматических и синтаксических средств. Кроме того, интерпретация полученных данных должна проводиться с особенной осторожностью, так как результат напрямую зависит от закодированных значений, и упущение той или иной необходимой единицы кода может приводить к необъективной оценке результатов анализа.

Следующий этап изучения лексических единиц на микроуровне – компонентный анализ. Как описано в параграфе 2.2.2., компонентный анализ состоит из 4 этапов.

II.1. На первом этапе компонентного анализа составляется лексико-семантическая группа, объединяющая слова одного синонимического ряда. В работе использован метод сплошной выборки языковых единиц, входящих в

следующие лексико-семантические группы:
а) *epidemic, pandemic, plandemic, communitiy spread, transmission;*
б) *isolation, self-isolation, quarantine, lockdown, shelter-in-place;*
в) *vaccine, booster, jab.*

Данные группы играют ключевую роль в освещении темы коронавирусной инфекции, что отражено в статьях новостного портала The Guardian. Рассматриваемые лексические единицы обладают пересекающимися коннотативными значениями. Актуальность их рассмотрения обоснована количественными данными, полученными при проведении контент-анализа.

II.2. Второй этап – выделение значений языковых единиц. Источником служат данные словарей Cambridge Dictionary [Cambridge Dictionary, URL] и Urban Dictionary [Urban Dictionary, URL].

II.3. На третьем этапе выделяются семы, характерные для лексических единиц каждой подгруппы.

II.4. Составляются таблицы семного состава единиц рассматриваемых лексико-семантических групп. Знаками «+» и «-» обозначается наличие/отсутствие сем.

Ниже приведен анализ трех вышеуказанных лексико-семантических групп.

Группа 1: *epidemic, pandemic, plandemic, communitiy spread, transmission.*

Второй этап:

epidemic – the appearance of a particular disease in a large number of people at the same time [Cambridge Dictionary, URL];

pandemic – a disease that exists in almost all of an area or in almost all of a group of people, animals or plants [Cambridge Dictionary, URL];

plandemic – is the widespread idea of an epidemic spread by money and power to achieve a type of control or increased investment [Urban Dictionary, URL];

community spread – the spread of a contagious disease to individuals in a particular geographic location who have no known contact with other infected individuals or who have not recently traveled to an area where the disease has any documented cases [Cambridge Dictionary, URL];

transmission – an incident in which an infectious disease is transmitted [Cambridge Dictionary, URL].

Третий этап – выделение сем «*disease spread*», «*happening at the same time in different places*», «*spread by money*», «*an incident*», «*particular location*».

Четвертый этап:

	<i>disease spread</i>	<i>happening at the same time in different places</i>	<i>spread by money</i>	<i>an incident</i>	<i>particular location</i>
epidemic	+	–	–	–	–
pandemic	+	+	–	–	–
plandemic	+	–	+	–	–
community spread	+	–	–	–	+
transmission	+	–	–	+	–

Таблица 13. Семный анализ лексических единиц «*epidemic*», «*pandemic*», «*plandemic*», «*community spread*», «*transmission*»

Пристальное изучение данной лексико-семантической группы показывает, что сема «*incident*» (случайность) присутствует только в составе значения слова «*transmission*». Лексические единицы в этой группе отличаются друг от друга лишь присутствием одной дополнительной семы, которая и формирует уникальное значение слова или фразы.

Группа 2: *isolation, self-isolation, quarantine, lockdown, shelter-in-place*.

isolation – the condition of being alone, especially when this makes you feel unhappy; the condition of being separated from other people, towns, countries, etc. [Cambridge Dictionary, URL];

self-isolation – (of a person, an organization, a country, etc.) the practice of intentionally keeping yourself separate from other people, organizations, etc.; the practice of not leaving your house and of staying away from other people when

you have, or may have, an infectious disease, so that you do not infect anyone else [Cambridge Dictionary, URL];

lockdown – an emergency situation in which people are not allowed to freely enter, leave, or move around in a building or area because of danger; a period of time in which people are not allowed to leave their homes or travel freely, because of a dangerous disease [Cambridge Dictionary, URL];

quarantine – a specific period of time in which a person or animal that has a disease, or may have one, must stay or be kept away from others in order to prevent the spread of the disease; a general period of time in which people are not allowed to leave their homes or travel freely, so that they do not catch or spread a disease [Cambridge Dictionary, URL];

shelter-in-place – staying at home and only leaving when you have to, for example to buy food, especially during an epidemic (= the appearance of a disease in a large number of people at the same time) [Cambridge Dictionary, URL].

Третий этап – выделение сем «*being separated*», «*voluntary separation*», «*obligatory separation*», «*the danger of disease*».

Четвертый этап:

	<i>being separated</i>	<i>voluntary separation</i>	<i>obligatory separation</i>	<i>the danger of disease</i>
isolation	+	+	–	–
self-isolation	+	+	–	+
lockdown	+	–	+	+
quarantine	+	–	+	+
shelter-in-place	+	+	–	+

Таблица 14. Семный анализ лексических единиц «*isolation*», «*self-isolation*», «*lockdown*», «*quarantine*», «*shelter-in-place*»

Согласно проведенному компонентному анализу, лексемы «*self-isolation*», «*shelter-in-place*», «*lockdown*» и «*quarantine*» могут считаться полными синонимами.

Группа 3: *vaccine, booster, jab*

Второй этап:

vaccine – a preparation that is administered (as by injection) to stimulate the body's immune response against a specific infectious agent or disease [Cambridge Dictionary, URL];

booster – a substance or dose used to renew or increase the effect of a drug or immunizing agent [Cambridge Dictionary, URL];

jab – an injection of something (such as medicine) into one's body with a needle [Cambridge Dictionary, URL].

Третий этап – выделение сем «*injection*», «*immune*», «*against disease*».

Четвертый этап:

	<i>injection</i>	<i>immune</i>	<i>against disease</i>
vaccine	+	+	+
booster	–	+	–
jab	+	–	–

Таблица 15. Семный анализ лексических единиц «vaccine», «booster», «jab»

Анализ данной лексико-семантической группы показывает, что лишь в лексической единице «*vaccine*» содержатся все три выделенные семы. Это отражается на количественных показателях использования лексем: 507 случаев употребления «*vaccine*», 70 – «*booster*» и 47 – «*jab*».

Компонентный анализ находит широкое применение в лингвистике, так как позволяет исследовать как языковые, так и дискурсивные единицы. К недостаткам метода можно отнести лишь то, что компонентный анализ не предусматривает сегментацию значений слов, которые не отражены в терминологических словарях.

III. Третий этап изучения единиц на микроуровне предусматривает интерпретацию их использования непосредственно в контексте.

Первостепенное значение имеет вопрос о том, как и в каком контексте внедрялось слово «*pandemic*». 14 марта 2020 г. на сайте газеты The Guardian и в ее приложении была опубликована статья «What is a Pandemic and does it

Change the Approach to Coronavirus?» [Davey, URL], в которой дается объяснение понятию «пандемия» и описываются причины объявления всемирной пандемии:

«What is a pandemic? Declaring a pandemic has nothing to do with changes to the characteristics of a disease, but is instead associated with concerns over its geographic spread. According to the World Health Organization, a pandemic is declared when a new disease for which people do not have immunity spreads around the world beyond expectations» [Davey, URL].

Исходя из этого определения, основная опасность Covid-19 кроется в «обеспокоенности, связанной с его неожиданным распространением по всему миру». Опасность и серьезность самого заболевания автор отвергает, используя манипулятивный прием «обобщение и контраст»:

«If declaring a pandemic triggers global panic, this can defeat the purpose of trying to raise awareness. Much has been written about whether the declaration of H1N1, colloquially known as “swine flu”, as a pandemic in 2009, caused unnecessary panic, overwhelming emergency departments and causing governments to overspend on antiviral medications. Coronavirus symptoms are generally mild and most people recover within six days» [Там же].

Сравнение коронавируса со свиным гриппом и утверждение, что симптомы коронавируса «легкие», а «большинство выздоравливает за шесть дней», вводит реципиентов информации в заблуждение. В данном случае уместно говорить о способах манипуляции «фабрикация фактов» и «отбор материала». Ситуация в мире, сложившаяся уже в первые недели после публикации статьи, показала, что выздоровление занимает гораздо больше времени, а траты на «антивирусные лекарственные средства» были недостаточными.

Также необходимо рассмотреть следующую часть данной статьи:

«Once a pandemic is declared, it becomes more likely that community spread will eventually happen, and governments and health systems need to ensure they are prepared for that» [Там же].

Из этого абзаца следует, что вначале объявляется пандемия, а затем происходит «*community spread*» (распространение в обществе), что противоречит самой сути пандемии, наблюдается подмена понятий, нарушение причинно-следственных связей.

Наибольшая опасность такого рода подачи материала заключается не только в фабрикации фактов, но и в изменении восприятия терминов, которые превращаются в «слова-амебы», уменьшается их важность, скрывается серьезность ситуации, что приводит к манипуляции сознанием и некорректному восприятию происходящего.

Можно сделать вывод о том, что большое влияние на восприятие того или иного термина или понятия, связанного с коронавирусной инфекцией, оказала их контекстуальная интерпретация.

Алгоритм изучения манипулятивного потенциала лексических единиц на микроуровне позволяет выделить основные лексемы, связанные с данной тематикой, рассмотреть их значения, возможности использования, проследить, какие изменения происходили при освещении тем, связанных с Covid-19.

3.5. Анализ манипулятивных приемов на мезоуровне

Основным уровнем интерпретации дискурса на предмет наличия манипулятивной составляющей является мезоуровень. Наиболее эффективными лингвистическими методами выступают дискурс-анализ и метод критического мышления. Они позволяют не только описать лингвистические инструменты для достижения манипулятивного эффекта, но и оценить экстралингвистические компоненты и их влияние на смысловое

содержание дискурса в целом. Комбинированное применение методов на материале статей дает возможность увидеть, какие именно элементы выражают манипулятивные стратегии, способы и приемы на различных уровнях структурной и смысловой организации медиадискурса по данной тематике и какие из них являются доминирующими для всего рассматриваемого корпуса.

Алгоритм комбинированного лингвистического анализа англоязычного манипулятивного дискурса, включающий элементы дискурс-анализа и метода критического мышления, выглядит следующим образом.

Этап I: получение информации (или выборка) согласно заданным критериям.

Этап II: составление протокола анализа.

Этап III: составление сценарной составляющей.

Этап IV: постановка проблемы на логическом и эмоциональном уровнях.

Этап V: выстраивание системы рассуждений и принятие решений.

Данный алгоритм позволяет детально изучить содержание дискурса, составить план и выделить его структурные элементы, а также обосновать наличие манипулятивных элементов, фокусируясь на анализе содержания рассматриваемых статей.

I. Первый этап комбинированного анализа – получение информации. Это базовый шаг при использовании метода критического мышления. Для достижения объективности в оценке рассматриваемого материала применяются определенные критерии при отборе статей – важны дата публикации и рубрика, в которой размещена статья. Публикации должны охватывать весь рассматриваемый период, чтобы можно было оценить, как менялись взгляды, характер изложения материала на протяжении заявленного времени. Отбор статей из разных рубрик («The

News» и «Analysis») позволяет сравнить и оценить различные способы образования дискурса.

Обозначенным критериям соответствуют статья 1 «Jon Henley. Coronavirus: Nine Reasons to be Reassured» [Henley, URL] (см. Приложение 6), статья 2 «Covid Study Finds Millions have Long-term Smell or Taste Problems» [Gregory, URL] (см. Приложение 7).

II. На втором этапе составляется протокол анализа. Процедура показала себя как наиболее эффективный инструмент систематизации информации в ходе дискурс-анализа, так как позволяет выделить сходства и различия при использовании данного метода.

Параметры	Протокол анализа статей	
	Статья 1	Статья 2
Культурный контекст	Начальная стадия распространения коронавирусной инфекции. Несколько недель до объявления всемирной пандемии.	Значительное количество людей, перенесших Covid-19 и испытывающих его последствия.
Время	Статья написана 7 марта 2020 г., размещена в разделе «Analysis» в открытом доступе без ограничения по времени.	Статья написана 28 июля 2022 г., размещена в разделе «The News» в открытом доступе без ограничения по времени.
Место	Статьи размещены на сайте газеты The Guardian в подразделе Coronavirus.	
Состав участников	Автор статьи (коммуникатор): Jon Henley Читатели (реципиенты): жители стран, где есть доступ к газете The Guardian	Автор статьи (коммуникатор): Andrew Gregory (health editor)
Цель интеракции	Показать, что Covid-19 – это инфекция, о которой многое известно, и что ее не стоит опасаться.	Показать долгосрочное влияние Covid-19 и Long Covid на обоняние и вкусовые рецепторы людей, перенесших заболевание.

Форма	По каналу передачи: письменный – визуальный канал. По функциональному стилю – публицистический.
Тональность общения	Информационно-манипулятивная тональность.
Стиль дискурса	Массово-информационный, публицистический стиль.

Таблица 16. Сравнительный протокол дискурс-анализа статей «Coronavirus: Nine Reasons to be Reassured» и «Covid Study Finds Millions have Long-term Smell or Taste Problems»

Протокол анализа позволяет увидеть сходства в форме, тональности общения и стиле дискурса, а также подчеркнуть различия в культурном контексте и целях интеракции.

III. Составление сценарной составляющей позволяет описать основные шаги, используемые автором, или коммуникатором, при создании медиадискурса.

Статья 1: заглавие – признание Covid-19 серьезной проблемой – опровержение серьезности с помощью указания, что все зависит от «контекста» и риск смерти минимален – ссылка на ученого и подтверждение его мнения посредством перечисления 9 фактов – факт 1: описание сути заболевания и сравнение с вирусом СПИД – факт 2: наличие тестов на определение вируса – факт 3: распространение вируса можно сдержать – факт 4: вирусом трудно заразиться и его легко нейтрализовать – факт 5: симптомы коронавируса легкие, в основном он распространяется среди пожилых людей; подтверждение статистическими данными – факт 6: люди выздоравливают; ссылка на другой сайт – факт 7: о коронавирусе написано много научных статей – факт 8: существуют прототипы вакцины – факт 9: апробируются сотни вариантов лечения.

Более краткий шаблон сценарной составляющей может выглядеть таким образом: *заявление – подкрепление статистическими данными или ссылки на схожие, по мнению автора, заболевания/ ситуации – повторение паттерна.*

Статья 2: заглавие – заявление, дублирующее заглавие – рассуждение о том, сколько миллионов человек могут быть подвержены заболеванию – объяснение последствий и тяжелого эмоционального состояния людей – статистические данные и исследования по тематике – информация о том, что женщины больше подвержены последствиям заболевания, чем мужчины – пример женщины и рассказ о ее случае – признание учеными того факта, что исследование может быть неточным – ссылка на мнение ученого – цитаты ученого, подтверждающие важность последствий заболевания.

Краткий шаблон: *заявление – объяснение и подкрепление мнения – ссылка на статистические данные и исследования – мнение ученого по тематике.*

IV. «Постановка проблемы» позволяет разложить материал и мысли, возникшие после ознакомления с ним, на логическую и эмоциональную составляющие, что способствует более объективному восприятию полученной информации. Вопросы для данного анализа приведены в параграфе 2.2.4.

Статья 1:

<i>Логический уровень</i>	<i>Эмоциональный уровень</i>
1) Основная цель – ознакомить читателей с ситуацией, связанной с Covid-19.	1) Эмоции при прочтении статьи зависят от времени ознакомления с ней. В момент выхода статья «звучала» обнадеживающе. Спустя несколько месяцев могла вызвать негодование. В ретроспективе наивное представление о пандемии, описанное в статье, вызывает умиление.
2) Основная мысль автора: Covid-19 – относительно безопасное заболевание,	2) Желание вступить в полемику с автором также зависит от

которое легко выявляется и переносится, а также быстро купируется.	времени ознакомления с текстом.
3) Первичные выводы после прочтения: Covid-19 не представляет угрозы обществу, сотни исследований, десятки вариантов лечения и множество прототипов вакцин свидетельствуют о том, что заболевание легко поддается контролю.	4) Возникает желание более подробно узнать о том, как именно отображалась информация о Covid-19 в первые месяцы эпидемии.
4) Автор доказывает свою точку зрения, используя статистические данные, сравнения с др. заболеваниями, напр., малярией, Sars, эболой, СПИД, и ссылаясь на мнения и исследования ученых.	5) Возникает желание узнать, как именно менялось отношение автора к Covid-19 и как именно изменился его подход в освещении пандемии.
5) Точка зрения автора субъективна, так как автор сначала сообщает о распространении заболевания в 80 странах мира и более 100 000 инфицированных к 7 марта 2020 г., но затем подчеркивает, что, несмотря на панику в СМИ (« <i>social media hysteria</i> »), необходимо всмотреться в «контекст», и приводит 9 аргументов, опровергающих серьезность ситуации.	
6) Аргументы автора звучат достаточно убедительно, благодаря использованию большого числа слов-амеб, сравнений, статистики, ссылок на другие исследования.	

Таблица 17. Логический и эмоциональный уровни анализа статьи «Coronavirus: Nine Reasons to be Reassured»

Статья 2:

<i>Логический уровень</i>	<i>Эмоциональный уровень</i>
1) Основная цель автора – сообщить о долгосрочных последствиях Covid-19.	1) Эмоции при прочтении статьи зависят от времени

	ознакомления с материалом и личного опыта читателя: перенесли он/она Covid-19.
2)Основная мысль автора заключается в том, что миллионы людей могут страдать от отсутствия обоняния и нарушений в работе вкусовых рецепторов и не получать медицинской помощи.	2)Желание вступить в полемику с автором также зависит от времени ознакомления с текстом.
3)Первичные выводы после прочтения: миллионы людей по всему миру, прежде всего женщины, страдают от различных последствий Covid-19.	3)Возникает желание более подробно изучить информацию о последствиях Covid-19, научной обоснованности проводимых исследований и статистических данных, так как они могут не отражать реального положения дел.
4)Автор аргументирует свою точку зрения примером научного исследования, аргументами профессора медицины и личным опытом женщины в схожей ситуации.	4)Возникает желание узнать, есть ли еще статьи, которые автор написал по данной тематике.
5)Точка зрения автора субъективна, так как материал построен лишь на предположении о возможных последствиях и количестве заболевших.	
6)Автор приводит в качестве аргументов ссылки на научные исследования и мнение авторитетного ученого.	

Таблица 18. Логический и эмоциональный уровни анализа статьи «Covid Study Finds Millions have Long-term Smell or Taste Problems»

V. На финальном этапе анализа объединены два шага, составляющие метод критического мышления: «выстраивание системы рассуждений» и «принятие решений». Происходит оценка содержания на

предмет наличия манипулятивных элементов и приводятся подтверждающие или опровергающие аргументы.

Статья 1 носит манипулятивный характер, так как в ней применяется несколько манипулятивных приемов и способов и реализована манипулятивная стратегия.

Манипулятивные приемы.

1) Используется большое количество «слов-амеб»: *«containment measures»*, *«preventive vaccine prototypes»*, *«remdesivir»* и другие медицинские термины.

2) Используется прием «обобщение и контраст»: *«As López-Goñi wrote for the Conversation France, the virus causing cases of severe pneumonia in Wuhan was identified within seven days of the official announcement on 31 December, and, three days after that, the gene sequence was available. HIV, by contrast, took two years to identify after it first appeared in mid-1981, López-Goni noted»* [Henley, URL].

3) «Подмена понятий» выражается в утверждении о том, что известно достаточно много о заболевании в связи с большим количеством научных статей: *«Hundreds of scientific articles have already been written about it. Type Covid-19 or Sars-19 into the search engine of the US national library of medicine's PubMed website and you will find, barely five weeks after the emergence of the virus, 539 references to papers about it, dealing with vaccines, therapies, epidemiology, diagnosis and clinical practice»* [Там же].

Таким образом, возникает ощущение безопасности: Covid-19 кажется хорошо изученным, так как заболеванию посвящены сотни статей.

4) «Столкновение смыслов» находит свое отражение в описании потенциального лечения Covid-19: *«By mid-February, more than 80 clinical trials were under way for antiviral treatments, according to Nature magazine, and most have already been used successfully in treating other illnesses. Drugs such as remdesivir (Ebola, Sars), chloroquine (malaria), lopinavir and ritonavir (HIV),*

and baricitinib (rheumatoid polyarthritis) are all being trialled on patients who have contracted the coronavirus, some as a result of the application of artificial intelligence» [Там же].

В данном абзаце перечисляются лекарства против иных заболеваний, но автор приходит к выводу, что препараты были эффективными и в борьбе с вирусом, в качестве подкрепляющего аргумента приводится использование искусственного интеллекта.

Способы манипуляции, используемые автором:

- 1) «отбор материала»: автор делает акцент на фактах, которые отражают лишь ту точку зрения, что Covid-19 не представляет серьезной угрозы;
- 2) «фабрикация фактов» выражается во мнении автора, что Covid-19 сложно заразиться и зафиксирован практически единственный случай, когда человек оказывается в зоне риска заболевания, — это прямой физический контакт с инфицированным на протяжении более 15 минут: *«To be considered at high risk of catching the coronavirus you need to live with, or have direct physical contact with, someone infected, be coughed or sneezed on by them (or pick up a used tissue), or be in face-to-face contact, within two meters, for more than 15 minutes»* [Там же];
- 3) «упрощение и стереотипизация»: Covid-19 сравнивается с другими вирусами, и автор утверждает, что уровень смертности находится примерно на таких же показателях, что и при предыдущих эпидемиях: *«Calculating mortality rates during an ongoing epidemic is hard because it is not clear how many mild or asymptomatic cases have been tested for, but the best estimate we have for the coronavirus so far is 1.4% – somewhere between 1918 Spanish flu and 2009 swine flu»*.

Основная манипулятивная стратегия, реализуемая в статье, — «постепенное внедрение» идеи о необходимости вакцинации, так как в

финале текста приводятся следующие доводы с опорой на знание ситуации вокруг коронавируса:

«Vaccine prototypes exist. Commercial pharmaceutical and biotechnology labs such as Moderna, Inovio, Sanofi and Novavax, as well as academic groups such as one at the University of Queensland in Australia – many of which were already working on vaccines for similar Sars-related viruses – have preventive vaccine prototypes in development, some of which will soon be ready for human testing» [Там же].

На момент публикации статьи вакцинация еще не рассматривалась как главное средство борьбы с вирусом и пандемией, но идея о необходимости вакцинации начала появляться в подобных материалах.

Статья 2: В данной статье используются различные приемы и способы манипуляции.

Манипулятивные приемы:

1) «слова-амебы»: *olfactory dysfunction, long-lasting dysfunction;*

2) «контраст и обобщение» выражается в том, что исследование, основанное на 3699 случаях заболевания Covid-19, используется для формулирования выводов о возможном уровне проявленности долгосрочных симптомов Long Covid среди 500 000 000 человек: *«With more than 550m confirmed Covid-19 cases to date, it means there may be long-term smell deficiencies for 15 million people and taste problems for 12 million (with an unknown overlap of those suffering both) for at least six months after an infection....The study reviewed data from 18 studies involving 3,699 patients....They concluded that an estimated 5.6% of patients have smell dysfunction for at least six months and 4.4% have altered taste»* [Gregory, URL].

Способы манипуляции, применяемые автором:

1) «отбор материала»: автор рассматривает лишь случаи, когда инфицированным нужна помощь на протяжении длительного времени после основного заболевания, и не говорит о том, что в абсолютном большинстве

случаев заболевание и его симптомы ограничены несколькими неделями;

2) «черная информация»: с одной стороны, ученые признают ограниченность результатов исследования, а с другой – пишут о том, что *«the studies analysed varied in quality and relied on self-reporting, though they say this “may overestimate recovery, suggesting that the true burden of olfactory dysfunction is even greater”»* [Там же];

3) «утверждение и повторение»: многократное повторение одной мысли в первых 4 предложениях. Подробное рассмотрение данного способа манипуляции приведено в параграфе 2.1.3.

Основная манипулятивная стратегия автора выражается в том, чтобы «создать трудности, а затем предложить их решение»: текст статьи начинается с предположений о возможных долгосрочных последствиях заболевания, а заканчивается предложением пересмотреть отношение к заболеванию Long Covid.

Первое предложение после заголовка: *«Researchers say about 5% of infected adults may develop long-lasting changes to sense of smell or taste»* [Там же].

Предпоследнее предложение: *«This is part of a wider discussion about how we assess and address the persistent changes collectively termed long Covid»* [Там же].

Использование комбинированного лингвистического анализа, состоящего из дискурс-анализа и метода критического мышления, результирует в следующих выводах.

1) Описание сценарной составляющей позволяет отследить основные паттерны, используемые коммуникаторами при создании медиадискурса, и сформулировать подробный и краткий «скрипты» его содержания. Так, по результатам 2 представленных моделей анализа авторы используют схожую структуру: *основное заявление – аргументация точки зрения путем отсылки к научным трудам/ статистическим данным / мнениям ученых.*

Данная структура представляется достаточно логичной. При такой сценарной составляющей происходит «отбор материала», внедряется «черная информация», имеет место «фабрикация фактов», а использование «словамеб», «контраста и обобщения» усиливают манипулятивный эффект. Как итог, коммуникаторы, авторы статей, с легкостью реализуют манипулятивные стратегии.

2) Главное преимущество разделения анализа на логический и эмоциональный уровни заключается в том, что появляется возможность изолированно рассмотреть отношение к фактической информации и реакцию на нее. Возникает четкое понимание того, что эмоциональная реакция и восприятие медиадискурса в большей степени зависят от времени ознакомления с ним.

3) Эмоциональный уровень восприятия материала во многом зависит от культурного контекста, времени ознакомления с материалом, а также личного опыта реципиента сообщения.

3.6. Интерпретация результатов

Проведение лингвистического анализа корпуса медиадискурса с учетом трех уровней исследования обладает рядом преимуществ, которые позволяют выявить основные манипулятивные инструменты, применяемые авторами при его создании. Макро-, микро- и мезоуровни играют одинаково важную роль в медиадискурсе, и их анализ целесообразно проводить как применительно к языковому корпусу в целом, так и к отдельно взятым дискурсивным событиям.

В результате было установлено следующее.

I. *Размер статей* о Covid-19 варьируется от 607 слов (статья № 70) до 1831 слова (статья № 82). Медианное значение равно прим. 1200 словам.

II. **Темы**, которые раскрывают проблематику Covid-19:

- 1) экономическая ситуация (пример: *Larry Elliott. Blindsided: how coronavirus felled the global economy in 100 days* [Elliott, URL]);
- 2) дискриминация в доступе к услугам здравоохранения (пример: *Hannah Devlin. Facing the uncomfortable possibility that healthcare is discriminatory* [Devlin, URL]);
- 3) дети и влияние Covid-19 на школьное обучение во время пандемии (пример: *Rachel Hall. Pandemic still affecting UK students' mental health, says helpline* [Hall, URL]);
- 4) ситуация в разных странах мира, в особенности в Китае (пример: *Emma Graham-Harrison, Lily Kuo. China's coronavirus lockdown strategy: brutal but effective* [Graham-Harrison, Kuo, URL]);
- 5) влияние пандемии на политическую ситуацию (пример: *Peter Walker. Eating out and Partygate: Covid inquiry questions Sunak should prepare for* [Walker, URL]);
- 6) социальные проблемы (пример: *Owen Jones. Britain's excess death rate is at a disastrous high – and the causes go far beyond Covid* [Jones, URL]);
- 7) лечение Covid-19 (пример: *Hannah Devlin, Ian Sample. What are the prospects for a Covid-19 treatment?* [Devlin, Sample, URL]).

Каждая из данных тем рассматривает различные стороны общественной жизни граждан Великобритании и жителей других стран, так как представители The Guardian работают в разных уголках мира. Многочисленные статьи о Китае отмечены отдельно, интерес к ним объясняется тем, что эпидемия началась именно в этой стране.

По каждой теме можно выделить множество подтем. Например, «лечение Covid-19» включает в себя статьи о вакцинации, о попытках ученых создать лекарство против вируса, о групповом иммунитете и т.д.

III. Следует отметить *особенности структурной организации* статей в разделах «Analysis» и «Opinion», где освещаются темы, связанные с Covid-19.

Статьи с пометкой «Analysis» отличаются вопросно-ответной формой структурирования. В Приложении 5 приводится пример подобной статьи, содержащей 10 вопросов и ответов, которые поясняют и раскрывают заданную тематику. Ответы приблизительно равны по размеру и содержат мнения ученых и личные выводы автора. Количество вопросов и ответов не регламентировано и может отличаться от статьи к статье. Так, напр., статья «Coronavirus Antibody Tests: What They are and How They Work» [Davis, Sample, URL] разделена на 4 вопроса при общем числе слов, равном 701.

Другой вариант организационной структуры данного вида текстов представлен разделением текста статьи на подтемы. Статья «From Covid to Poverty: Why Pupil Absence in England is Rising» [Wealle, URL] включает подтемы: «Anxiety and mental health issues», «Poverty», «Housing», «Illness».

Подобная структура обеспечивает авторам более четкое формулирование мыслей, что в полной мере соответствует названию рубрики «Analysis». Однако, данный подход приводит к «дроблению» информации и акцентирует внимание на выделенных словах, вопросах или подзаголовках, что помогает реализовывать различные манипулятивные способы и приемы.

Отличительная черта статей в рубрике «Opinion» – использование рамочной конструкции, при которой первое и последнее предложения практически совпадают по содержанию. В приведенном ниже примере автор дублирует основную мысль и в названии статьи.

Название: «*A Million have Died of Covid-19 in America. How did This Happen?*» [Barkan, URL]

Первое предложение: «*A million have died of Covid-19 in America. One million people should never have to die from another pandemic. Not in America, a country built to do so much better*» [Там же].

Последнее предложение: «*One million have died from Covid-19 in the United States, a catastrophic milestone that was reached despite the wonders of modern science and the wealth that courses through this country*» [Там же].

Такой способ структурной организации текста типичен для статей в рубрике «Opinion», что подтверждается статьей «Covid Cases are Surging. We Need More from Government than ‘Keep Coughing and Carry on’» [Mahdawi, URL] и другими примерами.

Повторение одной мысли может встречаться и в двух следующих друг за другом предложениях, напр., в статье «Covid’s Back, You Say? As Disabled and Vulnerable People Know All too Well, It Never Went away» [Ryan, URL]:

«*We don’t really talk about this. We don’t really talk about coronavirus at all*» [Там же].

Также авторы используют параллельные конструкции внутри предложений. Примером может служить статья «England’s ‘Pingdemic’ is a Convenient Distraction from the Real Problem» [Reicher, URL]:

«*By burying its head in the sand and ignoring the cause of all the alerts, the government is creating a vicious spiral that makes things more dangerous: more exemptions lead to more infections, more infections lead to more pings, more pings lead to further exemptions – and further exemptions lead to a further increase in infections*» [Там же].

IV. Медиадискурс на тему Covid-19 характеризуется активным использованием **метафорических оборотов**, которые можно разделить по различным тематикам.

Военная тематика:

- 1) *to wage the war against Covid-19* (вести войну против Covid-19);
- 2) *neutralising antibodies* (нейтрализующие антитела);
- 3) *frontline jobs* (работа, связанная с медицинскими и социальными услугами, оказываемыми населению);

- 4) *frontline health and social care workers* (работа, связанная с медицинскими и социальными услугами, оказываемыми населению);
- 5) *to arm yourself with information* (вооружиться информацией (о Covid-19));
- 6) *to be on the frontline of the fight* (быть на передовой в борьбе (с Covid-19));
- 7) *the pro-death squad* (отряд смерти);
- 8) *to wargame* (разыгрывать сценарии (связанные с эпидемиями)).

Метафоры, связанные с явлениями природы:

- 1) *the tip of the iceberg* (вершина айсберга);
- 2) *the raging torrent* (бушующий поток);
- 3) *to water down the trust* (подорвать доверие).

Метафоры, связанные с огнем:

- 1) *anti-vaxx firebreather* (ярый противник вакцин);
- 2) *rhetorical fire* (риторический огонь);
- 3) *to catch fire* (зажечься);
- 4) *the fire brigade* (бригада пожарных).

Антропоцентрические метафоры:

- 1) *dunces' caps for all the Covididiots* (клоунские колпаки для всех идиотов-антипрививочныхников);
- 2) *What the sheeple cannot see* (что не может увидеть «стадо баранов»);
- 3) *social capital fuel tank* (топливный бак социального капитала).

Устойчивые идиоматические обороты:

- 1) *silver lining* (нет худа без добра);
- 2) *head in the sand* (зарыть голову в песок).

Примеры использования и функции метафор приведены в Приложении4.

Чаще всего метафора в анализируемом дискурсе используется для реализации следующих стратегий манипуляции:

а) «усиление чувства вины»: военная метафора создает образ людей, воюющих против пандемии, и тех, кто им противостоит. Противники вакцинации именуются «врагами», а отличная точка зрения на ситуацию рассматривается как недопустимая: «*The people placed at risk from Covid by overcrowded housing, obesity and **frontline jobs** in industries that do not allow the relative safety of home working are the people most likely to be fooled by lethal pseudo-science*» [Cohen, URL];

б) «смещение акцента с размышлений на эмоции»: реализация стратегии манипуляции возможна благодаря моделирующей функции метафоры: «*Wish you could stand the “Covidiot” in the corner and laugh at him? There are not enough dunces’ caps for all the Covidiotics out there*» [Moore, URL];

в) «создание трудностей и дальнейшее предложение их решения»: образная функция метафоры позволяет создать «картинку» в сознании реципиента, а затем подкрепить ее ассоциативным рядом с определенной информацией для достижения манипуляции сознанием: «*Although the government’s “**head in the sand**” approach employs the rhetoric of freedom, it actually makes future lockdowns more likely*» [Reicher, URL];

г) «постепенное внедрение»: метафора используется как промежуточный этап, который ведет к обязательной «кульминации» – передаче того мнения, которого придерживается коммуникатор: «*(WHO) said recent cases of coronavirus patients who had never visited China could be the “**tip of the iceberg**”. Prof Gabriel Leung, the chair of public health medicine at Hong Kong University, said the overriding question was to figure out the size and shape of the iceberg*» [Boseley, URL];

д) «обращение к населению как к детям»: создание примитивных образов, знакомых большей части реципиентов информации, позволяет упростить ее передачу и выйти на уровень общения, не требующего глубокого анализа и размышлений. Именно общедоступные модели-ассоциации облегчают восприятие информации и создают ложное ощущение

того, что человек разбирается в теме: «*Besides, Covid denialism offers the lure of all conspiracy theories: the promise of secret knowledge, the chance to see what the sheeple cannot see*» [Freedland, URL].

V. Рассматриваемый корпус статей о Covid-19 изобилует **неологизмами**, использование которых на постоянной основе может быть проверено только спустя определенный период времени. Примеры неологизмов были представлены выше при рассмотрении контент-анализа. Список можно дополнить следующими лексемами: *anti-maskers, anti-vaxx movement, anti-vaxx protest, brain fog, immunity passports, long flu, long-hauler, long-haul illness, post-Covid world, «zero Covid» policy*.

Можно обосновано говорить о том, что неологизмы по тематике Covid-19 имеют ярко выраженную коннотативную окраску, а их денотативное значение постоянно расширяется и углубляется параллельно с происходящими событиями.

Сочетание пассивного залога и модальных глаголов является отличительной чертой данных статей. Вот лишь несколько примеров:

1) «Even with vaccines, we still need treatments for Covid. So what works?» [Boseley, URL]: «*In July, Horby and others published a paper showing that 12,000 lives in the UK and 650,000 worldwide could be saved by January by the widespread use of dexamethasone*» [Там же];

2) «Covid in the UK: why is it so bad now and when will cases decline?» [Davis, URL]: «*Whether a rise in cases could have been avoided even with a lockdown is another matter. Caution should be taken in overinterpreting any small movements in the latest trend*» [Там же];

3) «China’s ‘zero Covid’ policy was a mass imprisonment campaign, The Guardian» [Xuecun, URL]: «*They may have been infected with Covid*» [Там же].

Данное сочетание комбинирует как минимум два способа выражения манипуляции: «отбор материала» и «фабрикация фактов», при этом

использование пассивного залога позволяет снять ответственность за «гипотетические предположения», которые выражаются указанным способом.

VI. Наиболее часто в рассматриваемом медиадискурсе употребляются **способы манипуляции**.

1) «Утверждение и повторение» реализуется через повторение одной мысли как на уровне предложений, так и на уровне параграфов.

Примером могут служить следующие части статьи «Are Official Figures Overstating England's Covid-19 Death Toll» [Davis, Duncan, URL]:

«Prof Sir David Spiegelhalter, chair of the Winton Centre for Risk and Evidence Communication at the University of Cambridge, said: “There would not have been a big impact until recently, when there has been time for people who have tested positive to recover and then die of something unrelated.”

Speaking at a meeting of the Independent Sage committee, Prof Christina Pagel, a professor of operational research at UCL, said: “If Someone [Got Covid-19] in Mid-March, Recovered Early April, the Chances of Them Then Dying from Something Completely Different in the Last Couple of Months is Quite Low. So I don’t Think It has Caused a Massive Distortion.”» [Там же].

Организация текста в этих параграфах идентична по форме и по содержанию. Вариациями данного способа выступают также следующие конструкции: повторение мысли в первом и последнем предложении статьи (рамочная конструкция), повторение мысли в заголовке и подзаголовке, создание иных параллельных конструкций (повторение мысли в 1 и 3, 2 и 4 предложениях или в следующих друг за другом предложениях).

2) «Черная информация» реализуется путем прямых оскорблений той или иной группы людей или посредством заголовков в «минорной» тональности, напр., «Are You a Complete Covidiot? It’s What the Government Wants of All of Us» [Moore, URL] и «The Data is Clear: Long Covid is Devastating People’s Lives and Livelihoods» [Ghebreyesus, URL]. Большое

количество подобных заголовков настраивает реципиентов информации на минорный тон в ее подаче и формирует соответствующее отношение еще до того, как реципиент столкнется с фактическими данными, подтверждающими ту или иную точку зрения.

3) «Отбор материала» предполагает выбор тех фактов, примеров или данных, которые подтверждают лишь одну точку зрения. Так, в статье с провокационным названием «Britain's Excess Death Rate is at a Disastrous High – and the Causes Go far beyond Covid» [Jones, URL] рассматривается только часть причин высокой смертности в Соединенном Королевстве и делается акцент на тех фактах, которые позволяют автору донести мысль, скрытую за избирательно представленной статистикой, а именно выразить критическое отношение к действиям правительства.

VII. Наиболее распространены в анализируемом медиадискурсе следующие *приемы манипуляции*:

1) «Обращение к идентичности» можно разделить на два вида: «we/ I»-сообщение и «you»-сообщение либо их сочетание:

а) пример «we»-сообщений в статье «Fake News in the Time of Coronavirus: How Big is The Threat?» [Mercier, URL]:

«Humans are by nature careful about the messages they receive. When evaluating information, we first compare what we're told (or have read) with our existing beliefs: if it fits, we tend to accept the information» [Там же].

Пример «I»-сообщения в статье «When should I do a Covid Test in England and do I Still have to Isolate if Positive?» [Devlin, URL], которая состоит из 6 частей с подзаголовками, 4 из которых содержат вопросы с местоимением «I»:

«When should I do a test – if at all?... When should I wear a mask?... What should I do if I have symptoms?... Do I need to self-isolate and, if so, how long for?» [Там же].

В рассматриваемом примере автор с помощью местоимений «*we*», «*our*» не только обращается к идентичности читателей, но и реализует прием «обобщения и контраста».

б) Пример «*you*»-сообщений в статье «England's 'Pingdemic' is a Convenient Distraction from the Real Problem» [Reicher, URL]:

«So, every time you sit on a bus, go to a supermarket or enter a bar, the odds are that someone around you will be carrying the virus» [Там же].

Данный пример показывает, что автор, обращаясь к читателям, одновременно добивается усиления чувства тревоги и беспокойства, т.е. апеллирует к базовым эмоциям.

в) Пример сочетания «*we*»-сообщений и «*you*»-сообщений в статье «Are You a Complete Covidiot? It's What the Government Wants of All of Us»:

«Wish you could stand the "Covidiot" in the corner and laugh at him? There are not enough dunces' caps for all the Covidiotics out there. What do we do with such people beyond denouncing them?» [Там же].

Пример наглядно демонстрирует, как прием «обращения к идентичности» может сочетаться с «манипуляцией критикой», реализуемой с помощью неологизма «*Covidiot*» и метафоры «*dunces' caps*», что усиливает манипулятивный эффект.

2) «Манипуляция критикой» распространяется на систему здравоохранения, правительство, население в большинстве стран мира. Показательны статьи с такими названиями, как «Blindsided: how Coronavirus Felled the Global Economy in 100 days» или «Coronavirus 'could Infect 60% of Global Population if Unchecked"» [Elliott, URL]. Большинство из них подкреплено статистическими данными, которые призваны убедить реципиента информации в достоверности заданной точки зрения.

3) «Контраст и обобщение» тесно связан с рассмотренным выше приемом манипуляции. Примером выступает статья «Fake News in the Time of Coronavirus: How Big is the Threat?» [Mercier, URL], в которой автор

утрировано утверждает, что фейковые новости практически полностью формируют общественное мнение.

4) «Слова-амебы» – наиболее простой и доступный прием манипуляции, при котором коммуникатор наделяет абстрактные концепты, неологизмы и специальные термины тем значением, которое видится ему соответствующим авторским манипулятивным задачам. Отсутствие четкого понимания того или иного концепта в сознании реципиента позволяет легко достичь заданной цели.

Указанные четыре приема манипуляции являются самыми распространенными и оказывают наибольшее манипулятивное воздействие.

VIII. К наиболее востребованным *стратегиям манипуляции* в рассматриваемом медиадискурсе относятся «усиление чувства вины», «смещение акцента с размышлений на эмоции», «постепенное внедрение», «создание трудностей и дальнейшее предложение их решения».

Стратегии манипуляции являются как отправной точкой, так и результатом использования способов и приемов манипуляции, их сочетанием. Также стоит отметить, что часть стратегий манипуляции возможно распознать только спустя время. Например, «постепенное внедрение» идеи можно обнаружить на уровне анализа целостного языкового корпуса. В то же время, стратегия «смещения акцента с размышлений на эмоции» легко распознается при анализе эмоционального восприятия материала. «Усиление чувства вины» чаще всего отражается в критике тех, кто не согласен с официальным отношением к Covid-19, и базируется на заявлении, что безответственное отношение антирививочников к проблеме привело к распространению заболевания.

IX. Основными экстралингвистическими способами выражения манипуляции выступают:

а) использование увеличенного шрифта в заголовках, подзаголовках и выделение ключевых мыслей, а также их повторное написание в левой части

статьи, что позволяет сделать акцент на тех мыслях и идеях, которые хочет подчеркнуть автор,

б) использование слов с гиперссылками, целью которых выступает создание своего рода «алгоритма» идеи, подкрепленной схожим материалом из суммы статей похожей тематике,

в) использование референтных статей в конце основного материала, которые также «подкрепляют» основные мысли и идеи, представленные в основном тексте,

г) к дополнительным средствам можно отнести использование фотографий, инфографиков и иных визуальных эффектов.

X. Статьи в разделах «News», «Analysis», «Opinion» новостного портала The Guardian обладают разной степенью манипулятивности. В первую очередь, это связано с тем, что каждый из разделов имеет разную ключевую цель передачи информации. Так, манипулятивные стратегии, способы и приемы в наименьшей степени используются в статьях с пометкой «News», так как основной целью авторов является констатация событий, предоставление фактов. Однако, в статьях данного раздела применяются такие способы манипуляции, как «отбор материала», «черная информация» и «сенсационность». Перечисленные способы представляют собой достаточно сложные элементы для выявления, так как факт самого манипулятивного акта может быть идентифицирован только спустя какое-то время или после проведения всестороннего исследования с использованием метода дискурс-анализа или метода критического мышления.

Целью статей из раздела «Analysis» выступает интерпретация событий. Степень манипулятивности материала данного раздела гораздо выше, чем в «News», что объясняется выбором тех аспектов, событий или явлений, на которых автор делает основной акцент. В разделе «Analysis» по тематике Covid-19 наиболее частыми приемами манипуляции выступали «обращение к идентичности», «слова-амебы», «манипуляция критикой». Преимуществом

при исследовании данного дискурсивного материала выступает относительная простота в выявлении приемов манипуляции, так как каждый из них выражается вербально с помощью лексических и грамматических средств.

Рубрика «Opinion» функционирует как пространство экспликации субъективных позиций, отобранных на основании конгруэнтности с редакционной линией The Guardian. Таким образом, данные тексты изначально представляют собой не нейтральную репрезентацию, а целенаправленно сконструированную интерпретацию событий. Соответственно, авторы данного типа статей используют максимальное количество как метафорических оборотов, так и других стилистических средств при реализации различных стратегий, способов и приемов манипуляции. Преимуществом при анализе статей этого раздела выступает то обстоятельство, что контент-анализ, компонентный анализ и дискурс-анализ, а также их комбинированное применение позволяют максимально точно установить лингвистические и экстралингвистические способы выражения манипуляции.

Выводы по главе 3

1. Использование контент-анализа и машинного способа обработки данных позволяет выделить основные подтемы, которые раскрывают проблематику Covid-19, и обозначить вопросы, которые не затрагиваются в рассматриваемом корпусе статей. Контент-анализ выявляет частоту употребления лексических инструментов манипуляции. Грамматические (морфологические) и лексико-стилистические средства кодированию не поддаются.

2. Компонентный анализ обеспечивает тщательное изучение всех возможных значений языковых единиц, что позволяет обосновать их употребление в той или иной дискурсивной ситуации. Анализ грамматических (морфологических) и лексико-стилистических инструментов также возможен в рамках компонентного анализа. Кроме того, его применение эффективно для выявления манипулятивного воздействия. Например, определение денотативных значений метафоры или неологизмов может подтвердить перенос смыслового акцента или использование выгодных аналогий в качестве приемов манипуляции.

3. Дискурс-анализ предполагает максимально подробное описание дискурса, которое включает составление протокола, описание участников общения, содержательной и сценарной составляющей, микро- и макроструктур. Рассмотрение лингвистических и экстралингвистических особенностей дискурса обеспечивает глубокий анализ инструментов, используемых при создании англоязычного манипулятивного дискурса. Отдельно стоит отметить роль редакторов как третьего участника общения в дискурсивных ситуациях, связанных с медиа-дискурсом. Описание параметров в ходе дискурс-анализа позволило точно охарактеризовать их роль в создании и публикации статей.

4. Критическое мышление как метод исследования находится на стадии формирования и выработки единого подхода и методологической базы. Однако, уже сейчас можно отметить такие его преимущества, как возможность комбинирования подходов, применяемых в традиционном дискурс-анализе, расширение анализа содержательной базы за счет дополнительного этапа сравнения информации, что способствует более глубокому осмыслинию контекста. Метод критического мышления разграничивает логические и эмоциональные выводы, что способствует развитию аналитических навыков. Более того, необходимость в аргументировании своей точки зрения поддерживается количественным и

качественным анализом текстов, что объединяет метод критического мышления с методами контент-анализа и компонентного анализа.

К недостаткам данного метода можно отнести то обстоятельство, что в настоящее время метод не применим для анализа объемного корпуса данных, так как требует детальной проработки каждого этапа его проведения.

5. Комбинированное использование дискурс-анализа и метода критического мышления позволило выделить смысловой и эмоциональный уровни восприятия статей и оценить их манипулятивный потенциал с точки зрения смыслового содержания и реакции на его восприятие в зависимости от времени ознакомления и культурного контекста.

6. Для рассматриваемого корпуса статей характерна структурная организация, реализующая в форме параллельных рамочных конструкций способ манипуляции «утверждение и повторение».

7. Актуальными грамматическими (морфологическими) средствами выражения манипуляции можно назвать пассивный залог, модальные глаголы и их сочетание.

8. Лексические единицы, прежде всего неологизмы, используются для реализации приема «манипуляция критикой». Они имеют большее влияние на восприятие реципиента в отдельно взятых статьях, чем в рассматриваемом корпусе в целом.

9. Для реализации манипулятивных стратегий используются метафорические обороты, так как именно метафора формирует образное мышление и влияет на сознание реципиентов информации.

10. Наиболее распространенные способы манипуляции в рассматриваемом дискурсе – «утверждение и повторение», «отбор материала», «черная информация».

11. К наиболее часто используемым манипулятивным приемам относятся «слова-амебы», «контраст и обобщение», «манипуляция критикой», «обращение к идентичности».

Основные манипулятивные стратегии, реализуемые в газете The Guardian в статьях о Covid-19, – «усиление чувства вины», «смещение акцента с размышлений на эмоции», «постепенное внедрение», «создание трудностей и дальнейшее предложение их решения».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование направлено на выявление и комплексный анализ лингвистических и экстралингвистических характеристик манипулятивного медиадискурса на материале публикаций о COVID-19 в британском издании *The Guardian*. В ходе работы была подтверждена исходная гипотеза и получены доказательства в поддержку вынесенных на защиту положений.

Теоретико-методологической основой исследования послужил синтез теории медиадискурса, манипулятивного дискурса, дискурса СМИ, а также методов дискурс-анализа, критического мышления, контент-анализа и компонентного анализа. Это позволило разработать многоуровневую модель исследования (включающую макро-, микро- и мезоуровни), апробация которой на значительном эмпирическом материале доказала свою эффективность для системного описания манипулятивных механизмов, реализуемых через стратегии, способы и приемы манипуляции.

Содержательное наполнение работы определяется последовательной реализацией исследовательских задач.

В первой главе диссертационной работы систематизирован категориальный аппарат исследования («манипулятивный дискурс», «медиадискурс», «стратегия», «способ» и «прием» манипуляции), результатом чего стала конкретизация значения ключевых понятий и определение набора диагностических признаков манипулятивного воздействия в медиадискурсе.

Во второй главе фокус исследовательского интереса смещается на вербальную составляющую реализации манипуляции. Анализу подвергаются языковые средства лексического, грамматического (морфологического) и лексико-стилистического уровней, а также дается критический обзор существующих методик лингвистического анализа дискурса с последующим

сопоставлением с точки зрения их продуктивности для решения исследовательских задач.

Третья глава диссертационной работы содержит эмпирическую часть проведенного исследования. В ней представлен авторский алгоритм анализа, основанный на многоуровневой модели (включающей макро-, микро- и мезоуровни), наглядно демонстрируется его практическое применение для раскрытия специфики манипулятивного дискурса на материале корпуса текстов о COVID-19.

В результате проведенного анализа нашли свое подтверждение выдвинутые на защиту положения:

Положение 1 о том, что англоязычный медиадискурс о COVID-19 представляет собой многоуровневую модель актуализации манипуляции, доказано путем последовательного выявления вербальных и невербальных средств на всех уровнях организации текста. Установлено, что манипулятивное воздействие осуществляется не изолированно, а через сложное взаимодействие лексических, грамматических (морфологических), лексико-стилистических средств и композиционно-графического оформления.

Положение 2, касающееся композиционно-структурных и языковых особенностей, получило конкретизацию в ходе детального анализа. На лексико-стилистическом уровне идентифицированы такие приемы, как использование параллельных конструкций (по моделям «АВАВ» / «АВВА») и «обрамляющих» повторов, реализующих стратегию «утверждение и повторение». На грамматическом (морфологическом) уровне доказана манипулятивная функция пассивного залога и модальных глаголов, позволяющих дистанцироваться от ответственности, а также местоименных оппозиций («we» vs. «they»), конструирующих идентичность.

На лексическом уровне каталогизированы ключевые средства воздействия: неологизмы, софистицизмы и метафорические обороты, с

выделением пяти тематических групп метафор (военные, природные, метафоры огня, антропоцентрические, идиоматические).

Положение 3 о продуктивности дискурс-анализа для выявления манипуляции на макроуровне подтверждено апробацией специализированного протокола анализа. Этот инструмент позволил выявить типичные макроструктуры (тематические блоки, рубрикаторы), проследить общую тональность и стиль публикаций, а также зафиксировать роль экстралингвистических факторов (дата публикации, культурный контекст) и графических средств (шрифтовые выделения, гиперссылки) в усилении манипулятивного эффекта.

Положение 4 о методике исследования микроуровня реализовано через комбинирование контент- и компонентного анализа. Это дало возможность не только выявить ключевые лексические репрезентанты темы COVID-19, но и количественно оценить частотность использования концептуальных переменных, что объективировало выводы о доминирующих нарративах и манипулятивных акцентах.

Положение 5, посвященное мезоуровню, доказано в ходе осуществления сценарного анализа, сочетающего элементы дискурс-анализа и метода критического мышления. Разработанный алгоритм позволил реконструировать сценарии развертывания аргументации, дифференцировать логические и эмоциональные компоненты сообщений и, как следствие, вскрыть имплицитные манипулятивные стратегии, такие как «усиление чувства вины», «смещение акцента на эмоции» и «создание проблемы и предложение решения».

Таким образом, гипотеза исследования о наличии специфических структурообразующих характеристик англоязычного манипулятивного медиадискурса и возможности их полного раскрытия с помощью предложенной многоуровневой модели получила комплексное и всестороннее подтверждение. Апробированная авторская методика показала

высокую эффективность в идентификации и систематизации широкого спектра манипулятивных стратегий и приемов.

Настоящее исследование открывает ряд перспективных направлений для дальнейшей разработки проблемы.

Во-первых, продуктивным представляется сравнительно-сопоставительный анализ, который позволил бы выявить зависимость манипулятивных стратегий от типа информационного ресурса (новостные порталы, социальные платформы) и тематической специфики контента.

Во-вторых, значимым видится дальнейшее развитие методов автоматической обработки текста с целью создания алгоритмов для массового скрининга и количественной оценки манипулятивных техник на различных структурных уровнях.

В-третьих, перспективным предстает микроуровневое исследование авторского стиля – выявление индивидуальных и ситуативных (оккциональных) манипулятивных тактик, используемых конкретными авторами в пределах одного медийного источника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Е.А. Дискурсные особенности текстов СМИ: публичность и достоверность / Е.А. Алексеева // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – № 6 – С. 124-129.
2. Анисимова Т.В. Манипуляция как объект лингвистического исследования / Т.В. Анисимова // Вестник МГОУ. – 2012. – № 2 – С. 5-8.
3. Анчугова О.В. Метафора как средство манипулирования в злободневном политическом дискурсе СМИ / О.В. Анчугова, О.В. Обвинцева // Иностранные языки и литература в международном образовательном пространстве: сборник материалов V международной научно-практической конференции. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ. – 2015. – С. 264-268.
4. Аристотель. Риторика. Сб. Античные риторики / Аристотель. – Москва: Издательство Московского университета, 1978. – 352 с.
5. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие / И.В. Арнольд. – Москва: Высшая школа, 1991 – 140 с.
6. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей / Науч. ред. П.Е. Бухаркин. – СПб., 1999 – 449 с.
7. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Сборник: общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. – Москва: Прогресс, 1990. – 512 с.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
9. Атрощенко И.Г. Анализ определений понятия «дискурс» в современной лингвистике / И.Г. Атрощенко// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12 (54) – С. 26-31.
10. Ахметова Г.Д. Тайны художественного текста: каким может быть лингвистический анализ / Г.Д. Ахметова. – Москва: Магистр, 1997. – 216 с.

11. Ашрапова А.Х., Йылмаз Э.Р., Мавляютдинов И.С., Манькова Л.И. Языковая манипуляция в трудах отечественных и зарубежных ученых / А.Х. Ашрапова, Э.Р. Йылмаз, И.С. Мавляютдинов, Л.И. Манькова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 9 – С. 2771-2778.
12. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – Москва: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.
13. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
14. Белова Ю.А. Смысл газетного заголовка: трудности интерпретации / Ю.А. Белова // Вестник Башкирского университета. – 2013. – № 3 – С. 794-796.
15. Беляева И.В., Куликова И.Г. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов / И.В. Беляева, И.Г. Куликова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 22 (160) – С. 15-20.
16. Беляева И.В. Грамматика манипулятивной коммуникации / И.В. Беляева // Культурная жизнь юга России. – 2009. – № 1 (30) – С. 117-120.
17. Бессонов А.П. Газетный заголовок / А.П. Бессонов. – Ленинград: Лениздат, 1958. – 62 с.
18. Бобылев Б.Г. Стилистический анализ художественного и публицистического текста / Б.Г. Бобылев. – Алма-Ата: Мектеп, 1987. – 102 с.
19. Бове К., Арнес У. Современная реклама / К. Бове, У. Арнес. – Тольятти: Довгань, 1995. – 661 с.
20. Боева-Омелечко Н.Б., Постерняк К.С. Трансформация образ-концепта России в британском политическом медиа-дискурсе: диахронический аспект / Н.Б. Боева-Омелечко, К.С. Постерняк // Имагология и компаративистика – 2021. – № 16 – С. 148-173.

21. Бордунова С.С. Современные стратегии британской политической коммуникации / С.С. Бордунова. – Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2010. – 424 с.
22. Бортников В.И. Лингвистический анализ текста: учебно-методическое пособие / В.И. Бортников. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. – 112 с.
23. Бочарникова Е.А. О соотношении понятий «текст» и «дискурс» в лингвистике / Е.А. Бочарникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1 (5) – С. 50-52.
24. Брюшинкин В.Н. Критическое мышление и аргументация. Критическое мышление, логика, аргументация: сборник / В.Н. Брюшинкин. – Калининград: КГУ, 2003. – 175 с.
25. Валиева Д.Р. Особенности использования лексических средств с целью манипулирования на материале статей о Covid-19 в газете The Guardian / Д.Р. Валиева // Новый мир. Новый язык. Новое мышление: сборник материалов IV международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация). – 2023. – С. 7-12.
26. Виноградова С.А. Инструменты речевой манипуляции в политическом медиадискурсе / С.А. Виноградова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 2. – С. 95-101.
27. Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации) / М.Н. Володина. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 127 с.
28. Воевода Е.В. Критическое мышление как культурный феномен // Язык и коммуникация в контексте культуры: Сборник статей по материалам 7-й Международной научно-практической конференции – Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2012. – С. 120.
29. Выготский Л.С. Мысление и речь / Л.С. Выготский. – Москва: Лабиринт, 1999. – 350 с.

30. Гаврилова Е.С. Лингвистическое выражение противопоставления / Е.С. Гаврилова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 3 – С. 141-144.
31. Гак В.Г. Слово и лексическая группа слов / В.Г. Гак // Сопоставительная лексикология. – М., 1977. – С. 50-80.
32. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – Москва: КомКнига, 2007. – 144 с.
33. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – Москва: Высш. шк., 1987. – 103 с.
34. Головин Б.Н. Язык и статистика / Б.Н. Головин. – Москва: Просвещение, 1971. – 189 с.
35. Голубева Т.М. Языковая манипуляция в предвыборном дискурсе: на материале американского варианта английского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2009. – 174 с.
36. Горбунова М.В. К истории возникновения термина «дискурс» в лингвистической науке / М.В. Горбунова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского: Гуманитарные науки. – 2012. – № 27 – С. 244-247.
37. Горелов В. Анализ дискурса в социальной теории: Мишель Фуко и Тьюен А. ван Дейк [Электронный ресурс] / В. Горелов. – Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/746/693/1219/glava_6/pdf (дата обращения: 20.04.2024).
38. Горина Е.В. Коммуникативные технологии манипуляции в СМИ и вопросы информационной безопасности: учебно-методическое пособие / Е.В. Горина. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016. – 67 с.
39. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью. Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г.В. Грачев, И.К. Мельник. – Москва: RUGRAM, 2003. – 153 с.

40. Гудкова С.А., Дайнеко М.В. Аналитический обзор современных методов лингвистического анализа текстов: тенденции и перспективы / С.А. Гудкова, М.В. Дайнеко // Научен ветор на Балканите. – Т. 4. – 2020. – № 3 (9). – С. 57-60.
41. Гурочкина А.Г. Манипулирование в лингвистике / А.Г. Гурочкина // Известия Российского педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2003. – № 5. – С. 136-141.
42. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации / А.А. Данилова. – Москва: Добросвет, 2011. – 234 с.
43. Данилова С.А. Типология дискурса / С.А. Данилова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 345-349.
44. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация. Сб. работ / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
45. Долженко Н.Г., Котова Н.С. Языковые приемы манипулирования мезо- и макроуровней в политическом газетном дискурсе (на примере региональной общественно-политической газеты «Новости Югры») [Электронный ресурс] / Н.Г. Долженко, Н.С. Котова // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 6 (42). – Режим доступа: <https://rulb.org/archive/6-42-2023-june/10.18454/RULB.2023.42.38> (дата обращения: 20.04.2024).
46. Доценко Е.Л. Механизмы межличностной манипуляции / Е.Л. Доценко // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1993. – № 4. – С. 132–138.
47. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е.Л. Доценко. – Москва: «ЧеРо» совм. с изд-вом «Юрайт», 2000. – 344 с.
48. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т.М. Дридзе. – Москва: Наука, 1984. – 270 с.

49. Дроздова Д.Р. Синтаксические средства языкового манипулирования в академическом дискурсе / Д.Р. Дроздова // Вестник АГУ. – 2015. – № 2 (153). – С. 30-35.
50. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления / Д. Дьюи. – Москва: Совершенство, 1997. – 208 с.
51. Ермакова Н.В. Речевые приемы доказательства в монологической речи: дис. ... д-ра фил. наук: 11.12.01 / Н.В. Ермакова. – Н. Новгород, 2001. – 206 с.
52. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/302638.html> (дата обращения: 20.04.2024).
53. Желтухина М.Р. Медиадискурс языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <file:///C:/Users/user/Downloads/mediadiskurs.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).
54. Жданько А.П. Особенности функционирования неологизмов в современном массмедиийном англоязычном дискурсе (на примере интернет-журналов) [Электронный ресурс] / А.П. Жданько // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2019. – № 3. – Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/08FLSK319.pdf> (дата обращения: 13.04.2024).
55. Журбенко М.А. Повышение лингвистической компетенции учащихся через использование стратегий технологии критического мышления [Электронный ресурс] / М.А. Журбенко // Мир современной науки. – 2016. – № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-lingvisticheskoy-kompetentsii-uchaschihsya-cherez-ispolzovanie-strategiy-tehnologii-kriticheskogo-myshleniya> (дата обращения: 20.04.2024).
56. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка / В.И. Заботкина. – Москва: Высшая школа, 1997. – 318 с.

57. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов / Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комарова, И.В. Нечаева. – М.: Азбуковник, 2008. – 784 с.
58. Захаров В.П. Корпусная лингвистика: учебно-методическое пособие / В.П. Захаров. – СПб., 2005. – 48 с.
59. Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования/ В.В. Знаков // Психологический журнал. – 2000. – № 5. – С. 16-23.
60. Знаков В.В. Методика исследования макиавеллизма личности/ В.В. Знаков // Сибирский психологический журнал. – 2001. – № 14-15. – С. 122-128.
61. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие / О.С. Иссерс. – Москва: Наука, 2009. – 301 с.
62. Иссерс О.С. Что говорят политики своему народу, чтобы понравиться / О.С. Иссерс // Вестник Омского университета. – 1996. – № 1.– С. 71-74.
63. Казаков А.А. Способы языкового манипулирования в политическом медиадискурсе: попытка систематизации / А.А. Казаков // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3 (45). – С. 87–90.
64. Казаков А.А. Технологии воздействия на аудиторию в политических медиа-текстах / А.А. Казаков // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. – 2012. – С. 14-20.
65. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – 653 с.
66. Кара-Мурза С.Г. Краткий курс манипуляции сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – Москва: Родина, 2022. – 464 с.
67. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-20.

68. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
69. Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик – Москва: Гнозис, 2009. – 406 с.
70. Квасков В.Д. Общение и деятельность / В.Д. Квасков. – Москва: Воскресение, 1997. – 218 с.
71. Кибрик А.Е. Моделирование языковой действительности в интеллектуальных системах / А.Е. Кибрик. – Москва: Наука: Главная редакция физико-математической литературы, 1987. – 280 с.
72. Клустер Д. Что такое критическое мышление? // Критическое мышление и новые виды грамотности / Д. Клустер. – Москва: ЦГЛ, 2005. – С. 5-13.
73. Ковешникова М.Н. Речевая манипуляция и приемы речевого манипулирования [Электронный ресурс] / М.Н. Ковешникова // Царскосельские чтения. – 2014. – № XVIII. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-manipulyatsiya-i-priemy-rechevogo-manipulirovaniya> (дата обращения: 20.04.2024).
74. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: методология исследования / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости. Сер. «Гуманитарные науки». – 2010. – № 12 (83). – Вып. 6. – С. 13-21.
75. Копнина Г.А. Речевая манипуляция в массмедиийном тексте / дискурсе: проблема распознавания / Г.А. Копнина // Филология и человек. – 2021. – № 3. – С. 30-47.
76. Коржнева Е.А. Деятельность лингвиста-экспериментатора при исследовании структуры текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Коржнева Елена Арнольдовна. – Кемерово, 2003. – 187 с.
77. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно. К вопросу о психолингвистике текста / В.В. Красных // Вестник Московского университета. – Сер. 9: Филология. – 1998. – № 1. – С. 53-70.

78. Кривошлыкова Л.В. К определению понятия «дискурс» / Л.В. Кривошлыкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2010. – № 3. – С. 42-47.
79. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения / Е.С. Кубрякова // Текст. Структура и семантика. – 2001. – С. 72-81.
80. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А.М. Кузнецов. – Москва: Наука, 1986. – 125 с.
81. Кукуев А.И., Шевченко В.А. Современные подходы в образовании / А.И. Кукуев, В.А. Шевченко // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 3. – С. 10-12.
82. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пособие / А.В. Кунин. – М.: Высш. шк., 1986. – 381 с.
83. Лазарева Э.А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия / Э.А. Лазарева // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 40. – С. 158-166.
84. Лазарева Э.А. Системно-стилистические характеристики газеты / Э.А. Лазарева. – Екатеринбург: УрГУ, 1993. – 166 с.
85. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – Москва: Прогресс, 1990. – 512 с.
86. Ларионова Т.В. Принципы организации речевых манипулятивных практик общения / Т.В. Ларионова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – № 5. – С. 261-265.
87. Леонтович О.А. Метод дискурс-анализа / О.А. Леонтович // Дискурс Пи. – 2015. – № 2 (19). – С. 185-187.
88. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований / О.А. Леонтович. – Москва: Гнозис, 2011. – 224 с.
89. Леонтович О.А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы [Электронный ресурс] / О.А. Леонтович // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 1. – Режим

доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivnaya-kommunikatsiya-postanovka-problemy> (дата обращения: 20.04.2024).

90. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: учебник для студ. высш. учеб. заведений / А.А. Леонтьев. – Москва: Смысл; Академия, 2008. – 288 с.

91. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: избр. психол. тр. / А.А. Леонтьев. – Москва: Моск. психолого-социальный ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2001. – 448 с.

92. Лимнатис Н.Г. Манипулирование: сущность, проявления, пути снятия / Н.Г. Лимнатис. – Москва: Экон. демократия, 2000. – 206 с.

93. Лозовский Б.Н. Кто и как манипулирует журналистами. Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации / Б.Н. Лозовский. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011. – 213 с.

94. Лубский А.В. Специфика социологического дискурса в России [Электронный ресурс] / Лубский А.В. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifikasi-sotsiologicheskogo-diskursa-v-rossii/viewer> (дата обращения: 20.04.2024).

95. Лысакова И.П. Тип газеты и стиль публикации: Опыт социолингвистического исследования / И.П. Лысакова. – Ленинград: ЛГУ, 1989. – 181 с.

96. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 416 с.

97. Любимова А.А. Языковое манипулирование в СМИ как способ разрушения традиционной системы ценностей и языковой картины мира / А.А. Любимова // Современные вопросы общественно-речевой практики. – М.: Макс-Пресс, 2005. – С. 25-46.

98. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – Москва: ИТДК «Гнозис», 2003. – 280 с.

99. Макиавелли Н. Государь: Сочинения / Н. Макиавелли. – Москва: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. – 390 с.
100. Мандель Б. Политическая психология / Б. Мандель. – Москва: Флинта, 2013. – 322 с.
101. Мельников П.И. Филологический (лингвистический) анализ художественного текста: учеб. пособие / П.И. Мельников. – Тараз: Тараз. гос. ун-т, 1999. – 215 с.
102. Мельничук М.В., Калугина О.А. Эффективность обучения иностранному языку в вузе: компоненты эмоционального и интеллектуального / М.В. Мельничук, О.А. Калугина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 14 (8). – С. 627-632.
103. Миронова Н.И. Манипулятивный дискурс в повседневной жизни: структура, прагматические и лингвистические особенности / Н.И. Миронова // Мир лингвистики и коммуникации. – 2019. – № 1. – С. 29-43.
104. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук: 06.09.2004 / Михалева Ольга Леонидовна. – Иркутск, 2004. – 289 с.
105. Михалева О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – Москва: Книжный Дом «ЛИБРИКОМ», 2009. – 256 с.
106. Муковский О.Л. Дейксис и анафора в русском, английском и испанском языках: дис. ... канд. филол. наук: 16.07.2015 / Муковский Олег Леонидович. – Санкт-Петербург, 2015. – 185 с.
107. Мухортов Д.С., Краснова А.В. Дискурсивные маркеры манипуляции как реализация субъективно-оценочного акта говорящего / Д.С. Мухортов, А.В. Краснова // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6. – С. 120-125.
108. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности / В.В. Наумов. – Москва: КомКнига, 2007. – 240 с.

109. Найдина Д.С. Функционирование метафоры в процессах манипулирования в нефтегазовом субдискурсе / Д.С. Найдина // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 397. – С. 33-37 .
110. Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи / С.Е. Никитина, Н.В. Васильева; Рос. акад. наук, Ин-т языкоznания. – Москва, 1996. – 171 с.
111. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пос. для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н.А. Николина. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
112. Нургалиева Н.Х. Кластерный подход в лингвистическом анализе (на материале корпуснолингвистического анализа заимствований из английского языка (англицизмов) в немецком языке) / Н.Х. Нургалиева / Вестник Башкирского университета. – 2013. – № 2 – С. 454-460.
113. Окунева И.О. Приемы речевого воздействия в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады / И.О. Окунева // Политическая лингвистика. – 2017.– № 4 (38). – С. 65-80.
114. Олешкова А.М. Критический дискурс: теоретические основы метода / А.М. Олешкова // Кант. – 2018. – № 3 (28). – С. 127-131.
115. Ольшанский Д.В. Психология масс / Д.В. Ольшанский. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 363 с.
116. Парасуцкая М.И. Манипуляция и «манипулятивный дискурс» в лингвистике: принципы исследования / М.И. Парасуцкая // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – № 2. – С. 124-129.
117. Паршин П.Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности / П.Б. Паршин // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – Москва: Изд. Дом Гребенникова, 2000. – 270 с.

118. Пескова Е.Н. Медиакоммуникация и медиадискурс: подходы к определению понятий, структура и функции / Е.Н. Пескова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2015. – № 3. – С. 26-31.
119. Платон. Диалоги. Книга вторая / Платон. – Москва: Эксмо, 2008. – 1360 с.
120. Подгорецкая Н.А. Изучение приемов логического мышления у взрослых / Н.А. Подгорецкая. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 150 с.
121. Попова Е.С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте / Е.С. Попова // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 24. – С. 276-288.
122. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – Москва: Рефлбук, 2001. – 656 с.
123. Пую В.Ю. Истоки и генезис феномена манипулирования / В.Ю. Пую //Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 72. – С. 15-25.
124. Рацибульская Л.В. Словообразовательные неологизмы в современных СМИ как смысловая доминанта эпохи / Л.В. Рацибульская // Русское словообразование. – 2005. – № 4. – С. 233-234.
125. Ракитянский Н.М. Феномен догматического мышления в политической психологии: опыт теоретического анализа / Н.М. Ракитянский // Вестник Московского университета. – 2020.– № 5. – С. 36-54.
126. Рижинашвили И.У. Лингвистические механизмы тенденциозного представления событий в англо-американской периодике: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 07.04.1998 / Рижинашвили Инга Ушанговна. – СПб., 1994. – 17 с.
127. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. – Москва: Высшая школа, 1991. – 560 с.

128. Русских Г.А. Технология развития критического мышления / Г.А. Русских // Биология в школе. – 2004. – № 2. – С. 28-33.
129. Рыбальченко О.И. Филологический анализ художественного текста: учеб.-метод. пособие / О.И. Рыбальченко. – Миасс: МГПИ, 2003. – 112 с.
130. Самигуллина А.С., Валиева Д.Р. Исследование манипулятивного дискурса на примере статей о Covid-19 в газете The Guardian / А.С. Самигуллина, Д.Р. Валиева / Казанская наука. – 2022. – № 5. – С. 105-108.
131. Сафина А.В. Способы выражения языковой манипуляции на синтаксическом уровне / А.В. Сафина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6. – С. 146-149.
132. Сафина А.В. Коммуникативные средства выражения манипуляции в межличностном общении немцев (на материале синематографа XXI века): дисс. ... канд. филол. наук: 11.04.2018 / Сафина Арина Валерьевна. – Уфа, 2018. – 213 с.
133. Селиверстова О.Н. Труды по семантике / О.Н. Селиверстова. – Москва: Языки славянской культуры. – 2004. – 960 с.
134. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию / В.В. Семенова. – Москва: Добросвет, 1998. – 292 с.
135. Семенова А.В. Контент-анализ в социологии: методологические новации / А.В. Семенова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 3 (1). – С. 11-15.
136. Сидешова З.Г. Роль компонентного анализа в раскрытии лексико-семантического поля «степь» / З.Г. Сидешова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9 (75). – С. 169-171.
137. Сиразетдинова М.Ф. Многообразие подходов к возможности манипуляции сознанием: возможности систематизации [Электронный ресурс]

/ М.Ф. Сиразетдинова. – Режим доступа: <https://e-koncept.ru/2015/85809.htm> (дата обращения: 20.04.2024).

138. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 152 с.

139. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе / А.П. Сковородников, Г.А. Копнина // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3 (41). – С. 36-42.

140. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове / А.И. Смирницкий // Вопросы грамматического строя. – М.: АН СССР, 1955. – С. 11-53.

141. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ: сборник / гл. науч. ред. О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. – 209 с.

142. Солганик Г.Я. Язык современной публицистики / Г.Я. Солганик. – Москва: Наука, 2007. – 232 с.

143. Сорина Г.В. Критическое мышление: история и современный статус / Г.В. Сорина // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2003. – № 6. – С. 97-110.

144. Сорокин Ю.А. Психолингвистические проблемы восприятия и оценки текста / Ю.А. Сорокин // Психолингвистические аспекты изучения текста. – М., 1985. – С. 5-34.

145. Стадульская Н.А. Компонентный анализ значения слова как способ выявления содержания концепта / Н.А. Стадульская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 32 (286). – С. 112-117

146. Стародубцева Е.А. Использование модели Р. Пола в обучении критическому мышлению на занятиях по английскому языку в вузе / Е.А. Стародубцева // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – № 13. – С.118-121.

147. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 252 с.
148. Стернин И.А. Язык и мышление: учебно-методическое пособие / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – 23 с.
149. Стернин И.А. Методика исследования концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 58-65.
150. Сухотин Б.В. Исследование грамматики числовыми методами / Б.В. Сухотин. – Москва: Наука, 1990. – 176 с.
151. Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики / Е.Ф. Тарасов. – Москва: Наука, 1987. – 167 с.
152. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – Москва: Наука, 1986. – 141 с.
153. Телия В.Н. Метафора в языке и тексте / В.Н. Телия. – Москва: Наука, 1988. – 176 с.
154. Трошина Н.Н. Стилистические параметры текстов массовой коммуникации и реализация коммуникативной стратегии субъекта речевого воздействия / Н.Н. Трошина // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – Москва: Наука, 1990. – С. 62-68.
155. Тузова В.А., Тузова А.А. Теоретико-методологические подходы к исследованию манипуляции / В.А. Тузова, А.А. Тузова // Философские дескрипты. – 2019. – № 20. – С. 6.
156. Тухватуллина М.А. Исследование социально-экономических и политических процессов / М.А. Тухватуллина. – Нижнекамск: Нижнекамский химико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «КНИТУ», 2015. – 141 с.
157. Успенский Б.А. Язык и коммуникативное пространство / Б.А. Успенский. – М.: Изд-во Московского государственного гуманитарного университета, 2007. – 320 с.

158. Фатеева Н.А. Лингвистический анализ художественного текста: материалы к лекциям / Н.А. Фатеева. – Москва: ГАСК, 2007. – 146 с.
159. Федоров А.В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза / А.В. Федоров. – Москва: Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. – 616 с.
160. Фрумкина Р.М. Психолингвистика / Р.М. Фрумкина. – Москва: Академия, 2001. – 320 с.
161. Фрумкина Р.М. Статистические методы изучения лексики / Р.М. Фрумкина. – Москва: Наука, 1964. – 115 с.
162. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
163. Халперн Д. Психология критического мышления / Д. Халперн. – Санкт-Петербург: Питер, 2000. – 512 с.
164. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций: секреты воздействия управляющего сознания / Р. Харрис. – СПб.: Олма-Пресс, 2001. – 442 с.
165. Харченко В.К. Функции метафоры / В.К. Харченко. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 88 с.
166. Ходос Е.А., Бутенко А.В. Критическое мышление: метод, теория, практика / Е.А. Ходос, А.В. Бутенко. – Красноярск, 2002. – 175 с.
167. Чайковский Д.В. Манипулятивный дискурс как способ воспроизведения власти / Д.В. Чайковский // Грамота. – 2011. – № 6 (12). – С. 185-188.
168. Чернобровкина Е.П. Контент-анализ в лингвистических исследованиях / Е.П. Чернобровкина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 11. – С. 125-129.
169. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В.Е. Чернявская. – Москва: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

170. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – Москва: КомКнига, 2005. – 128 с.
171. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современном политической коммуникации / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
172. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): учеб. пособие / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гуман. ин-т, 2003. – 194 с.
173. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. – Москва: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
174. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
175. Шагбанова Х.С. Языковые средства речевого манипулирования / Х.С. Шагбанова // Теории и проблемы политических исследований. – 2020. – № 5А. – С. 72-80.
176. Шапочкин Д.В. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике / Д.В. Шапочкин // Вестник Челябинского университета. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 10 (301). – С. 101-107.
177. Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его языковых единиц / С.Г. Шафиков. – Уфа, БГУ, 1999. – 88 с.
178. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – Москва: ИТДГК Гнозис, 2004. – 326 с.
179. Шейгал Е.И. Семиотическое пространство политического дискурса / Е.И. Шейгал // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. – 1999. – С. 114-123.
180. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком: психология манипулирования / В.П. Шейнов. – Москва: АСТ, 2001. – 814 с.

181. Шейнов В.П. Психология влияния: скрытое управление, манипулирование и защита от них / В.П. Шейнов. – Москва: Ось-89, 2002. – 720 с.
182. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – Москва: Издательство «Мысль», 1980. – 325 с.
183. Шиукаева Л.В. Интерпретация научного филологического текста: учеб. пособие для студентов филол. фак. ун-тов / Л.В. Шиукаева. – Пермь, 1999. – 107 с.
184. Юренков В.В. Манипуляция как социально-философское явление / В.В. Юренков // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 4. – С. 21-23.
185. Юрков Е.Е. Метафора семантической сферы «Природа» в аспекте антропоцентризма / Е.Е. Юрков // Мир русского слова. – 2012. – № 1. – С. 17-21.
186. Ahuvia A. Traditional, Interpretive, and Reception Based Content Analyses: Improving the Ability of Content Analyses to Address Issues of Pragmatic and Theoretical Concern / A. Ahuvia // Social Indicators Research. – 2001. – #54 (2). – P. 139-172.
187. Allan, K., Burridge, K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon/ K. Allan, K. Burridge. – N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1991. – 263 p.
188. Armes M. Kidd A.H. Machiavellianism and women's grade point averages/ M. Armes, A.H. Kidd // Psychological reports. – 1979. – Vol. 44. No 1. – P. 223-228.
189. Bach, K. On Communicative intentions: a reply to Recanati/ K. Bach // Mind and Language. – 1987. – № 2. – P. 141-154.
190. Barnhurst K. The New «Media Affect» and the Crisis of Representation for Political Communication [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.academia.edu/3668286/The_New_Media_Affect_and_the_Crisis_of_Representation_for_Political_Communication (дата обращения: 10.12.2024).

191. Berger E. “How Covid shook the US: eight charts that capture the last two years”, The Guardian. – Retrieved from: <https://www.theguardian.com/us-news/2022/mar/13/how-Covid-shook-the-us-charts-graphs> (accessed: 20.04.2024).

192. Blakar R.M. Language as a means of social power / R.M. Blakar // Pragmalinguistics. J. Mey (ed.). – The Hague; Paris: Mouton, 1979. – 455 p.

193. Brookes S. Contemporary Political Communications: Audiences, Politicians and the Media in International Research [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/1531280/Contemporary_Political_Communications_Audiences_Politicians_and_the_Media_in_International_Research (дата обращения: 15.03.2024).

194. Chomsky N. Silent weapons for quiet wars [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/SILENTWEAPONSForQUIETWARS_201702/page/n1/mode/2up (дата обращения: 20.04.2024).

195. Dijk, T.A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach/ T.A. van Dijk. – London: Sage, 1998. – 384 p.

196. Dijk T.A. van, Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension/ T.A. van Dijk, W. Kintsch. – N. Y., 1983. – 418 p.

197. Dijk T.A. van. Discourse and Racism/ T.A. van Dijk // The Blackwell Companion to Racial and Ethnic Studies. – Oxford: Blackwell, 1999. – 16 p.

198. Disler E.A. Talking in the Ranks: Gender and Military Discourse/ E.A. Disler. – Georgetown University, 2005. – 256 p.

199. Foucault M. The archeology of knowledge. / M. Fauct. – London: Routledge, 1972. – 285 p.

200. Fauconnier G. Mental Spaces/ G. Fauconnier. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 190 p.

201. Geddes L. Will Covid-19 become less dangerous as it evolves? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/jan/11/will-Covid-19-become-less-dangerous-as-it-evolves> (дата обращения: 20.04.2024)
202. Graber, D. Political Languages Text. / D. Graber // Handbook of Political Communication. – Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. – P. 195-224.
203. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: chrome-extension://efaidnbmnnibpcajpcglclefindmkaj/<https://eclass.uowm.gr/modules/document/file.php/NURED425/Lakoff%20%26%20Johnson%20metaphors%20we%20live%20by%202003%20book.pdf> (дата обращения: 15.03.2024).
204. Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar/ R.W. Langacker. – New York: Walter de Gruyter, 2002. – 395 p.
205. Lapadat M. Interpreting Manipulation in the Process of Political Communication [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/143117613/Interpreting_Manipulation_in_the_Process_of_Political_Communication (дата обращения: 18.03.2024).
206. McCawley, J.D. Semantic Representation/ J.D. McCawley // Cognition. A Multiple View. – New York, 1970. – P. 227-247.
207. Osterholm M., Olshaker M. We are thinking about Covid-19 the wrong way. It's not a "wave" – it's a "wildfire" // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/aug/04/coronavirus-pandemic-wave-wildfire> (дата обращения: 20.04.2024).
208. Oswald S. It is easy to miss something you are not looking for: A pragmatic account of covert communicative influence for (critical) discourse analysis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/3826414/_It_is_easy_to_miss_something_you_are_not

_looking_for_A_pragmatic_account_of_covert_communicative_influence_for_critical_discourse_analysis_ (дата обращения: 18.03.2024).

209. Paul R., Elder L. Critical thinking: The nature of critical and creative thought / R. Paul, E. Elder // Journal of Developmental Education. – 2001. – № 27 (2). – P. 36-37.

210. Paul R.W. Critical Thinking: What Every Person Needs to Survive in a Rapidly Changing World / R.W. Paul. – Rohnert Park, CA: Center for Critical Thinking and Moral Critique, Sonoma State Univ., 1990. – 571 p.

211. Porter, J.A. Pragmatics for criticism: Two generations of speech act theory/ J.A. Porter // Poetics. – 1986. – Vol. 15, № 3. – P. 243-257.

212. Riker W. Liberalism against populism: a confrontation between the theory of democracy and the theory of social choice / W. Riker. – San Francisco: W. H. Freeman, 1982. – 311 p.

213. Reboul A. Truthfully Misleading: Truth, Informativity, and Manipulation in Linguistic Communication [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.researchgate.net/publication/350860292_Truthfully_Misleading_Truth_Informativity_and_Manipulation_in_Linguistic_Communication (дата обращения: 10.10.2023).

214. Salam E. Majority of Covid misinformation came from 12 people, report finds // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/jul/17/Covid-misinformation-conspiracy-theories-ccdh-report> (дата обращения: 20.04.2024).

215. Scriven M., Paul R. Defining critical thinking / M. Scriven, R. Paul // The Journal of Speculative Philosophy. – 2004. – № 18 (2). – P. 10-24.

216. Sperber, D., Wilson D. Relevance in Theories of Comprehension/ D. Sperber, D. Wilson // Mutual knowledge. – London, 1982. – P. 61-131.

217. Sperber, D. Understanding Verbal Understanding/ D. Sperber // What is Intelligence? – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 179-198.

218. Taillard, M.O. Beyond communicative intention/ M.O. Taillard // UCL Working Papers in Linguistics. – 2001.– № 14.– P. 189-207.
219. Traum, D.R., Hinkelmann E.A. Conversation acts in task-oriented spoken dialogue Text. / D.R. Traum, E.A. Hinkelmann // Computational Intelligence. Special issue on non-literal language. – 1992. – Vol. 8 (3). – P. 575-599.
220. The Guardian. Vaccination as the price for taking part in society [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2022/jan/05/vaccination-as-the-price-for-taking-part-in-society> (дата обращения: 20.04.2024).
221. Voltmer K. Introduction: Mediatization and De-centralization of Political Communication [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/28933816/Introduction_Mediatization_and_De_centralization_of_Political_Communication (дата обращения: 17.02.2024).
222. Williams Z. Your niece is suddenly vegan. How to survive 12 disasters of Christmas // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2021/dec/14/how-survive-12-disasters-of-christmas-vegan-guest-antivaxxer-allergic-turkey-raw-festive> (дата обращения: 20.04.2024).
223. Wiseman E. Anti-vaxxers using pro-choice slogans make me angry // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2021/aug/15/anti-vaxxers-using-prochoice-slogans-makes-me-so-angry> (дата обращения: 20.04.2024).
224. Yale Medicine: Our New Covid-19 Vocabulary – What does it all mean? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yalemedicine.org/news/Covid-19-glossary> (дата обращения: 20.04.2024).

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 21.01.2025).
2. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/grammar/coronavirus-words-guide> (дата обращения: 25.01.2025).
3. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 15.02.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Aaron Walawalkar. What you can and can't do in England's new Covid lockdown // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/01/what-you-can-and-cant-do-in-the-new-england-Covid-lockdown> (дата обращения: 20.11.2021).
2. Adrian Esterman. Long Covid is the elephant in the room, but it seems invisible to Australian politicians // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/dec/30/long-Covid-is-the-elephant-in-the-room-but-it-seems-invisible-to-our-politicians> (дата обращения: 21.05.2022).
3. Alex Hern. Vaccine passports: what are they and do they pose a danger to privacy? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2021/jan/15/Covid-vaccine-passports-what-are-they-and-do-they-pose-a-danger-to-privacy> (дата обращения: 18.03.2021).
4. Alexandra Topping. Swelling ranks of stay-at-home dads could be pandemic's silver lining // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2022/dec/25/stay-at-home-dads-attitude-shift-pandemic> (дата обращения: 20.04.2023).
5. Alison Young. How did the Covid pandemic begin We need to investigate all credible hypotheses // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/mar/02/Covid-19-pandemic-origin-answers-political-feud> (дата обращения: 17.05.2024).
6. Andrew Gregory. Half of Covid-hospitalised still symptomatic two years on, study finds // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/11/Covid-hospitalised-long-symptomatic-two-years-on-wuhan-study> (дата обращения: 02.06.2022).
7. Andrew Gregory. Covid study finds millions have long-term smell or taste problems // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.theguardian.com/world/2022/jul/27/Covid-study-finds-millions-have-long-term-smell-or-taste-problems> (дата обращения: 27.07.2024).

8. Andrew Gregory. Covid linked to longer-term elevated risk of brain fog and dementia // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/aug/17/Covid-longer-term-elevated-risk-brain-fog-dementia>

study#:~:text=Millions%20of%20people%20who%20have,largest%20study%20of%20its%20kind. (дата обращения: 24.04.2023).

9. Andrew Gregory. Covid booster vaccine to be offered to millions in England next week // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2023/apr/01/Covid-booster-vaccine-offered-millions-england-spring-care-home-residents-infections> (дата обращения: 10.05.2023).

10. Andrew Gregory. NHS England to investigate why dead people invited for Covid and flu jabs // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2023/oct/24/nhs-investigate-dead-people-invited-Covid-flu-jabs> (дата обращения: 15.02.2024).

11. Arwa Mahdawi. From Covidiot to doomscrolling: how coronavirus is changing our language // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/15/from-Covidiot-to-doomscrolling-how-coronavirus-is-changing-our-language> (дата обращения: 17.06.2024).

12. Arwa Mahdawi. Covid cases are surging. We need more from government than ‘Keep coughing and carry on’ // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/aug/29/Covid-cases-are-surging-we-need-more-from-government-than-keep-coughing-and-carry-on> (дата обращения: 09.09.2024).

13. Associated press in Beijing. Mystery illness in Chinese city not Sars, say authorities // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.theguardian.com/world/2020/jan/05/mystery-illness-to-strike-chinese-city-is-not-sars-say-authorities-wuhan> (дата обращения: 20.04.2024).

14. Associated press in Wellington. Covid ‘vaxathon’: over 2.5% of New Zealanders get jabbed in one day // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/oct/16/Covid-vaxathon-new-zealanders-jabbed-in-one-day> (дата обращения: 18.04.2024).

15. Ben Quinn. England’s Covid unlocking is threat to world, say 1,200 scientists // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/jul/16/englands-Covid-unlocking-a-threat-to-the-world-experts-say> (дата обращения: 18.05.2024).

16. Bianca Nogrady. How will long Covid play out over the coming years? Eight experts weigh in // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2022/oct/15/long-Covid-future-solutions-experts> (дата обращения: 23.06.2024).

17. Caroline Davies, Archie Bland, Damien Gayle. UK coronavirus live: daily cases jump to 1,522; Switzerland, Czech Republic and Jamaica added to quarantine list - as it happened // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/live/2020/aug/27/uk-coronavirus-live-people-on-low-pay-to-get-Covid-isolation-payment> (дата обращения: 24.07.2024).

18. Christine Grant. The UK is the work-from-home capital of Europe. Now let’s work on getting it right // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/jul/31/uk-work-from-home-capital-europe-make-sure-do-it-right> (дата обращения: 14.09.2024).

19. Craig Wallace. The end to mandatory Covid isolation is a gut punch for medically vulnerable Australians // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/oct/06/the-end-to-mandatory-Covid-isolation-is-a-gut-punch-for-medically-vulnerable-australians> (дата обращения: 24.04.2024).

20. Dan Sabagh. Which countries and hackers are targeting Covid vaccine developers? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/22/which-countries-and-hackers-are-targeting-Covid-vaccine-developers> (дата обращения: 23.04.2024).
21. Danny Altmann. Why the UK can't rely on boosters to get through each new wave of Covid // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/mar/28/uk-cant-rely-on-boosters-new-wave-Covid> (дата обращения: 25.06.2024).
22. Danny Altmann. Vaccines are no match for long Covid. Treating it is science's next great challenge // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/apr/16/vaccines-long-Covid-science> (дата обращения: 12.07.2024).
23. Danny Altmann. Where's the herd immunity? Our research shows why Covid is still wreaking havoc // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/jul/01/herd-immunity-Covid-virus-vaccine> (дата обращения: 15.07.2024).
24. Danny Altmann. There's some good news in the battle against long Covid // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/aug/31/good-news-long-Covid-uk-cases-scientists> (дата обращения: 21.06.2023).
25. Danny Altmann. There are new scientific insights into long Covid – but political will is waning // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/nov/07/boris-johnson-may-not-believe-in-it-but-long-Covid-is-real-and-underfunded> (дата обращения: 11.03.2024).
26. David Cox. Is Delta the last Covid 'super variant'? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/nov/21/is-delta-the-last-Covid-super-variant> (дата обращения: 17.12.2023).

27. David Salisbury. If you're pinning your hopes on a Covid vaccine, here's a dose of realism // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/oct/21/Covid-vaccine-immunisation-protection> (дата обращения: 20.04.2024).
28. David Spiegelhalter, Anthony Masters. The difficulties of estimating long Covid // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/theobserver/commentisfree/2021/sep/26/the-difficulties-of-estimating-long-Covid> (дата обращения: 18.04.2024).
29. David Spiegelhalter, Anthony Masters. On Covid, we need to be careful when we talk about numbers // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/theobserver/commentisfree/2021/nov/14/on-Covid-we-need-to-be-careful-when-we-talk-about-numbers> (дата обращения: 20.04.2024).
30. Debbie Bogaert. The coronavirus 'long-haulers' show how little we still know // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/jun/28/coronavirus-long-haulers-infectious-disease-testing> (дата обращения: 19.04.2024).
31. Deborah Mattison. Handling of Covid-19 increases 'red wall' voters' complaints of government // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2020/oct/18/handling-of-Covid-19-increases-red-wall-voters-complaints-of-government> (дата обращения: 21.04.2024).
32. Devi Sridhar. Covid won't be the last pandemic. Will we be better prepared for the next one // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/mar/24/Covid-pandemic-prepared-investment-science> (дата обращения: 22.04.2024).
33. Devi Sridhar. Now that science has defanged Covid, it's time to get on with our lives // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/jan/19/science-Covid-ineradicable-disease-prevention> (дата обращения: 23.04.2024).

34. Editorial. The Guardian view on the new coronavirus be alert, not afraid // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/jan/21/the-guardian-view-on-the-new-coronavirus-be-alert-not-afraid> (дата обращения: 24.04.2024).

35. Emma Graham-Harrison. Is UK overreacting to coronavirus crisis by telling citizens to leave China // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/04/is-uk-overreacting-to-coronavirus-crisis-by-telling-citizens-to-leave-china> (дата обращения: 26.05.2024).

36. Emma Graham-Harrison, Lily Kuo. China's coronavirus lockdown strategy: brutal but effective // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/19/chinas-coronavirus-lockdown-strategy-brutal-but-effective> (дата обращения: 20.05.2024).

37. Fiona Lowenstein, Ryan Prior. Long Covid is keeping millions out of work – and worsening labor shortage in the US // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/sep/15/long-Covid-is-keeping-millions-out-of-work-and-worsening-our-labor-shortage> (дата обращения: 20.06.2024).

38. Frances Ryan. If you're clinically vulnerable in England, Johnson's 'new normal' is a kick in the teeth // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/23/if-youre-shielding-in-england-johnsons-new-normal-is-a-kick-in-the-teeth> (дата обращения: 20.07.2024).

39. Frances Ryan. Covid's back, you say? As disabled and vulnerable people know all too well, it never went away // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/sep/10/Covid-coronavirus-disabled-vulnerable-people> (дата обращения: 20.12.2023).

40. Francine Prose. How did America become a pariah nation of super-spreaders? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/jun/26/america-european-union-travel-coronavirus> (дата обращения: 25.04.2021).
41. George Monbiot. Apparently just by talking about it, I'm super-spreading long Covid // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/apr/14/super-spreading-long-Covid-professor-press-coverage> (дата обращения: 28.04.2024).
42. Hannah Devlin. Can a face mask protect me from coronavirus? Covid-19 myths busted // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/11/can-a-face-mask-protect-me-from-coronavirus-Covid-19-myths-busted> (дата обращения: 25.04.2024).
43. Hannah Devlin. Omicron: everything you need to know about new Covid variant // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/nov/26/vaccine-resistant-what-scientists-know-new-Covid-variant> (дата обращения: 20.04.2023).
44. Hannah Devlin. Covid rules are to be axed in England, but is pandemic's end really in sight? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/09/Covid-rules-axed-england-is-pandemic-end-really-in-sight> (дата обращения: 20.04.2023).
45. Hannah Devlin. When should I do a Covid test in England and do I still have to isolate if positive? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/05/when-should-i-do-a-Covid-test-do-i-still-have-to-isolate-england> (дата обращения: 20.04.2023).
46. Hannah Devlin. Facing the uncomfortable possibility that healthcare is discriminatory // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2022/aug/28/facing-the-uncomfortable-possibility-that-healthcare-is-discriminatory> (дата обращения: 12.04.2024).

47. Hannah Devlin. Latest Covid variant spreading in UK, health data suggests // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2023/sep/08/pirola-latest-Covid-variant-spreading-in-uk-health-data-suggests> (дата обращения: 12.04.2024).
48. Hannah Devlin, Ian Sample. What are the prospects for a Covid-19 treatment? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/science/2020/mar/19/prospects-treatment-coronavirus-drugs-vaccines> (дата обращения: 12.05.2024).
49. Heather Stewart, Jessica Elgot. Follow new Covid restrictions or risk a second lockdown, Johnson warns // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/sep/22/johnson-refuses-to-rule-out-second-Covid-19-lockdown-amid-new-restrictions> (дата обращения: 12.05.2024).
50. Hugo Mercier. Fake news in the time of coronavirus: how big is the threat? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/30/fake-news-coronavirus-false-information> (дата обращения: 13.05.2024).
51. Ian Sample. Why herd immunity strategy is regarded as fringe viewpoint // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/oct/07/why-herd-immunity-strategy-is-regarded-as-fringe-viewpoint> (дата обращения: 20.05.2023).
52. Ian Sample. How ‘living with Covid’ is helping keep England’s infections stubbornly high // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/jul/19/how-living-with-Covid-is-helping-keep-englands-infections-stubbornly-high> (дата обращения: 20.04.2023).
53. Ian Sample. Distress in England’s young adults has risen sharply since Covid, study shows // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2023/jul/06/distress-england-young-adults-risen-sharply-since-Covid-study>

shows#:~:text=For%20those%20aged%2018%20to,from%2013.6%25%20to%202
0.2%25. (дата обращения: 20.04.2024).

54. Ian Sample. ‘No one is talking about it’: the cruelty of long Covid in the global south // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2023/jul/06/distress-england-young-adults-risen-sharply-since-Covid-study>

shows#:~:text=For%20those%20aged%2018%20to,from%2013.6%25%20to%202
0.2%25. (дата обращения: 12.04.2024).

55. Ian Sample, Nicola Davis. Study finds link between poor mental health and long Covid // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2022/sep/07/study-finds-link-between-poor-mental-health-and-long-Covid> (дата обращения: 12.04.2024).

56. James Tapper and Michael Savage. Public health measures are key to curbing Covid in UK, say scientists // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/20/public-health-measures-are-key-to-curbing-Covid-in-uk-say-scientists> (дата обращения: 12.04.2024).

57. Jessica Glenza. Coronavirus how wealthy nations are creating a ‘vaccine apartheid’ // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/mar/30/coronavirus-vaccine-distribution-global-disparity> (дата обращения: 15.04.2024).

58. Joanna Herman. I'm a consultant in infectious diseases. 'Long Covid' is anything but a mild illness // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/dec/27/consultant-infectious-diseases-long-Covid-not-mild-illness-seriously-debilitated-new-clinics> (дата обращения: 17.04.2024).

59. Joanna Herman. More than a million of us are suffering with long Covid – yet still it's not taken seriously // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/dec/22/long-Covid-pandemic-support-funding> (дата обращения: 19.04.2024).

60. Joanna Herman. Why those of us with long Covid finally have reason to feel hopeful // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/dec/27/why-those-of-us-with-long-Covid-finally-have-reason-to-feel-hopeful> (дата обращения: 21.04.2024).

61. Joanna Herman. Long Covid left people like me in the shadows – now we're on a West End stage // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/may/01/long-Covid-west-end-stage-singing-opera-britain> (дата обращения: 23.04.2024).

62. John Harris. Powerless, rudderless and adrift Covid-19 has crystallised how England feels // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/jul/05/Covid-19-england-exclusion-brexit-leicester> (дата обращения: 22.04.2024).

63. John Harris. They said we would ‘build back better’ after Covid. What breathtaking deceit // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/nov/20/build-back-better-after-Covid-deceit-more-hardship> (дата обращения: 23.04.2023).

64. John Naughton. How the 'Plandemic' conspiracy theory took hold // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/may/23/how-the-plandemic-conspiracy-theory-took-hold> (дата обращения: 20.08.2022).

65. Jon Hensley. Coronavirus: nine reasons to be reassured // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/07/coronavirus-reasons-to-be-reassured> (дата обращения: 20.08.2022).

66. Jonathan Bouquet. May I have a word about... why I'm not a dedicated follower of fashion // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/theobserver/commentisfree/2021/nov/07/may-i->

have-a-word-about-why-im-not-a-dedicated-follower-of-fashion (дата обращения: 20.04.2022).

67. Jonathan Freedland. Are you in denial? Because it's not just anti-vaxxers and climate sceptics // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/aug/13/denial-anti-vaxxers-climate-sceptics> (дата обращения: 20.04.2023).

68. Larry Elliott. Blindsided: how coronavirus felled the global economy in 100 days // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/09/blindsided-how-coronavirus-felled-the-global-economy-in-100-days> (дата обращения: 20.04.2023).

69. Linda Geddes. Why has it taken so long to add more Covid symptoms to NHS list? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/04/why-has-the-uk-taken-so-long-to-add-Covid-symptoms> (дата обращения: 20.04.2023).

70. Linda Geddes. ‘Long flu’ study finds flu patients at higher risk of longer-term illness // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2023/dec/14/long-flu-study-finds-flu-patients-at-higher-risk-of-longer-term-illness> (дата обращения: 20.12.2023).

71. Luke Harding. ‘Weird as hell’: the Covid-19 patients who have symptoms for months // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/15/weird-hell-professor-advent-calendar-Covid-19-symptoms-paul-garner> (дата обращения: 20.12.2022).

72. Martin Belam. Social distancing tips the rules of safe shopping under coronavirus // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/01/social-distancing-tips-the-rules-of-safe-shopping-under-coronavirus> (дата обращения: 20.12.2022).

73. Matt Hancock. Yes, the number of Covid cases in the UK is rising – but that is no cause for alarm // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/jun/30/Covid-uk-cases-vaccines-matt-hancock> (дата обращения: 20.04.2023).

74. Melissa Davey. What is a pandemic and does it change the approach to coronavirus // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/14/what-is-a-pandemic-coronavirus-Covid-19> (дата обращения: 20.07.2022).

75. Melissa Davey. WHO warns Covid-19 pandemic is 'not necessarily the big one' // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/29/who-warns-Covid-19-pandemic-is-not-necessarily-the-big-one> (дата обращения: 20.07.2023).

76. Melody Schreiber. The only logical choice': anti-vaxxers who changed their minds on Covid vaccines // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/us-news/2022/feb/14/covid-anti-vaxxers-changed-minds> (дата обращения: 20.07.2023).

77. Melody Schreiber. ‘People aren’t taking this seriously’: experts say US Covid surge is big risk // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2023/jan/15/Covid-19-coronavirus-us-surge-complacency> (дата обращения: 20.03.2024).

78. Michael Marmot. Who lives and who dies in the world’s next pandemic should not depend on where they live // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/sep/17/who-lives-and-who-dies-in-the-worlds-next-pandemic-should-not-depend-on-where-they-live> (дата обращения: 20.03.2024).

79. Michael Savage. Nurseries in England feeling the pressure as ‘pingdemic’ hits children and staff // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/aug/01/nurseries-in-england-feeling-the-pressure-as-pingdemic-hits-children-and-staff> (дата обращения: 20.04.2024).

80. Miranda Bryant. November on track to be worst month of pandemic so far in US as cases surge // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.theguardian.com/world/2020/nov/12/us-coronavirus-cases-deaths-november> (дата обращения: 20.05.2023).

81. Miranda Bryant. Omicron could be ‘first ray of light’ towards living with Covid // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/jan/08/omicron-shows-Covid-may-become-more-like-common-cold-says-uk-expert> (дата обращения: 20.12.2023).

82. Murong Xuecun. China’s ‘zero Covid’ policy was a mass imprisonment campaign // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/apr/18/china-zero-Covid-policy-xi-jinping> (дата обращения: 20.04.2024).

83. Myke Barlett. How do you argue with anti-vaxxers who believe they’re on a noble mission? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/nov/20/how-do-you-argue-with-anti-vaxxers-who-believe-theyre-on-a-noble-mission> (дата обращения: 12.04.2024).

84. Natalie Grover. Not accounting for sex differences in Covid research could be deadly // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/science/2020/sep/25/not-accounting-for-sex-differences-in-Covid-research-can-be-deadly> (дата обращения: 15.04.2024).

85. Natalie Grover. Covid linked to risk of mental illness and brain disorder, study suggests // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/jan/25/Covid-linked-to-risk-of-mental-illness-and-brain-disorder-study-suggests> (дата обращения: 22.04.2023).

86. Nick Hohen. Anti-vaxxers posing as victims has a history. Look at Andrew Wakefield // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jan/30/why-would-big-tech-police-anti-vaxxers-when-they-are-so-good-for-business> (дата обращения: 12.03.2024).

87. Nicola Davis. What is the coronavirus R number and is it rising in the UK? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/07/what-is-coronavirus-r-number-and-is-it-rising-in-uk> (дата обращения: 15.03.2023).
88. Nicola Davis. How has a Covid vaccine been developed so quickly? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2020/dec/08/how-has-a-Covid-vaccine-been-developed-so-quickly> (дата обращения: 20.09.2023).
89. Nicola Davis. How does Covid immunity work and what does it mean for vaccines? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/science/2020/dec/18/how-does-Covid-immunity-work-and-what-does-it-mean-for-vaccines> (дата обращения: 20.09.2023).
90. Nicola Davis. Covid in the UK: why is it so bad now and when will cases decline? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/jan/08/Covid-uk-why-so-bad-now-and-when-will-cases-decline-experts-answer-key-questions> (дата обращения: 16.04.2023).
91. Nicola Davis. Cases of Covid Delta variant in UK rise over 75,000 – PHE data // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/jun/18/cases-of-Covid-delta-variant-in-uk-rise-over-75000-phe-data> (дата обращения: 16.04.2024).
92. Nicola Davis. What are the new Covid rules for English care homes and are they safe? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2022/jan/27/what-are-the-new-Covid-rules-for-english-care-homes-and-are-they-safe> (дата обращения: 16.04.2024).
93. Nicola Davis. What is the Deltacron variant of Covid and where has it been found? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/11/what-is-deltacron-Covid-variant-uk> (дата обращения: 20.04.2024).

94. Nicola Davis. Two million people in UK living with long Covid, find studies // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/jun/01/two-million-people-in-uk-living-with-long-Covid-say-studies#:~:text=Figures%20from%20the%20Office%20for,their%20first%20suspected%20coronavirus%20infection>. (дата обращения: 12.08.2024).
95. Nicola Davis. WHO declares ‘Eris’ Covid strain a variant of interest as cases rise globally // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2023/aug/09/who-declares-eris-Covid-strain-a-variant-of-interest-as-uk-cases-rise> (дата обращения: 25.04.2024).
96. Nicola Davis, Ian Sample. Coronavirus antibody tests: what they are and how they work // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/06/coronavirus-antibody-tests-what-they-are-and-how-they-work> (дата обращения: 28.04.2024).
97. Nicola Davis, Pamela Duncan and Carmen Aguilar García. More than 1m people report long Covid in UK a year after infection // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2022/oct/06/more-than-1m-people-report-long-Covid-in-uk-a-year-after-infection> (дата обращения: 18.04.2024).
98. Nicola Davis, Pamela Duncan and Niamh McIntyre. Are official figures overstating England's Covid-19 death toll? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/jul/21/analysis-why-englands-Covid-19-death-toll-is-wrong-but-not-by-much> (дата обращения: 23.04.2024).
99. Oved Amitay and Anthony L Komaroff. We know too little about Covid-19 'long-haulers.' We need a comprehensive study // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/aug/19/we-know-too-little->

about-Covid-19-long-haulers-we-need-a-comprehensive-study (дата обращения: 22.04.2024).

100. Owen Jones. Workers sacrificed plenty due to Covid, so let's reward them with new rights // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/aug/25/workers-sacrificed-Covid-new-rights-workplace-democracy> (дата обращения: 26.04.2024).

101. Owen Jones. Britain's excess death rate is at a disastrous high – and the causes go far beyond Covid // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/jan/15/britain-excess-death-rate-Covid-nhs-cost-of-living> (дата обращения: 29.04.2024).

102. Pamela Duncan. 430,000 Britons have long Covid two years after infection, says ONS // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2022/sep/01/430000-britons-have-long-Covid-two-years-after-infection-says-ons> (дата обращения: 25.04.2024).

103. Peter Beaumont. Russia's coronavirus vaccine will it work, and is it safe // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/aug/11/russia-coronavirus-vaccine-will-it-work-is-it-safe-sputnik-v> (дата обращения: 28.04.2024).

104. Peter Beaumont. Global report cities worldwide reimpose lockdowns as Covid-19 cases surge // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/jul/14/global-wrap-cities-worldwide-reimpose-lockdowns-as-Covid-19-cases-surge> (дата обращения: 23.04.2024).

105. Peter Beaumont. Newly released Chinese Covid data points to infected animals in Wuhan // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2023/mar/21/newly-released-chinese-Covid-data-infected-animals-wuhan> (дата обращения: 20.08.2024).

106. Peter Walker. UK children aged 12 to 15 to be offered Covid jab // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.theguardian.com/world/2021/sep/13/uk-children-aged-12-to-15-to-be-offered-Covid-jab> (дата обращения: 12.04.2024).

107. Peter Walker. Eating out and Partygate: Covid inquiry questions Sunak should prepare for // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/uk-news/2023/dec/09/what-questions-rishi-sunak-face-Covid-inquiry> (дата обращения: 12.04.2024).

108. Rachel Hall. Pandemic still affecting UK students' mental health, says helpline // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/education/2022/nov/14/pandemic-still-affecting-uk-students-mental-health-says-helpline-Covid> (дата обращения: 15.04.2024).

109. Rachel Hall. Long Covid can impair quality of life more than advanced cancers, study says // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2023/jun/08/long-Covid-impact-quality-of-life-cancer-study> (дата обращения: 18.04.2024).

110. Rhi Storer. What are the new Covid rules in England from 12 April? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/apr/11/what-new-Covid-rules-england-12-april> (дата обращения: 15.04.2024).

111. Richard Adams. Good news is Omicron may be less severe, bad news is it's surging faster // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/dec/23/good-news-is-omicron-may-be-less-severe-bad-news-its-surging-faster> (дата обращения: 10.04.2024).

112. Richard Adams. School leaders in England feel lockdown 'broke spell' of bond with parents // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/education/2023/nov/23/school-leaders-england-feel-lockdown-broke-spell-bond-with-parents> (дата обращения: 18.04.2024).

113. Richard Partington and Caroline Davies. 'Pingdemic' effect: how different sectors in England have been hit // The Guardian [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/jul/22/pingdemic-effect-how-different-sectors-england-hit-Covid> (дата обращения: 12.04.2024).

114. Robert Reich. Workers matter and government works eight lessons from the Covid pandemic // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/may/23/workers-government-Covid-pandemic-lessons-biden-trump-vaccines> (дата обращения: 15.04.2024).

115. Robin McKie. Omicron what do we know about the new Covid variant // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/dec/05/omicron-what-do-we-know-about-the-new-Covid-variant> (дата обращения: 21.04.2024).

116. Robin McKie. Is Covid really over? WHO's announcement sounds more like surrender than victory // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2023/may/07/is-Covid-really-over-whos-announcement-sounds-more-like-surrender-than-victory> (дата обращения: 20.04.2024).

117. Robin McKie. As a new variant emerges, is Covid coming back to the UK? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2023/sep/03/as-a-new-variant-emerges-is-Covid-coming-back> (дата обращения: 17.04.2024).

118. Ross Barkan. A million have died of Covid-19 in America. How did this happen? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/may/18/a-million-have-died-of-Covid-19-in-america-how-did-this-happen> (дата обращения: 20.04.2024).

119. Rupert Neate. Over £5.5bn of Covid support funds lost to fraud or error // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/nov/04/over-55bn-of-Covid-support-funds-lost-to-or-error> (дата обращения: 16.04.2023).

120. Sally Davies. The next pandemic is on its way. Coronavirus must help us prepare for it // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/26/next-pandemic-coronavirus-prepare> (дата обращения: 10.10.2022).

121. Sally Weale. Almost half of UK teachers had Covid last term, survey suggests // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/education/2022/apr/17/almost-half-of-uk-teachers-had-Covid-last-term-survey-suggests> (дата обращения: 20.11.2022).
122. Sally Weale. From Covid to poverty: why pupil absence in England is rising // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/education/2023/jun/28/Covid-poverty-pupil-absence-england-schools-social-economic-pandemic-families#:~:text=Absences%20may%20have%20also%20increased,to%20keep%20them%20at%20home>. (дата обращения: 18.05.2023).
123. Sarah Boseley. China's Sars-like illness worries health experts // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/jan/09/chinas-sars-like-illness-worries-health-experts> (дата обращения: 11.03.2022).
124. Sarah Boseley. WHO declares coronavirus pandemic // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/11/who-declares-coronavirus-pandemic> (дата обращения: 20.10.2022).
125. Sarah Boseley. Coronavirus 'could infect 60% of global population if unchecked' // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/11/coronavirus-expert-warns-infection-could-reach-60-of-worlds-population> (дата обращения: 16.07.2022).
126. Sarah Boseley. Obesity and coronavirus: how can a higher BMI increase your risk? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/03/obesity-and-coronavirus-how-can-a-higher-bmi-increase-your-risk> (дата обращения: 11.12.2023).

127. Sarah Boseley. How were medical journals and WHO caught out over hydroxychloroquine // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/03/how-were-medical-journals-and-who-caught-out-over-hydroxychloroquine> (дата обращения: 11.11.2022).
128. Sarah Boseley. The Covid-19 vaccine gamble: where bets have been placed and why // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/sep/11/the-Covid-19-vaccine-gamble-where-bets-have-been-placed-and-why> (дата обращения: 11.12.2023).
129. Sarah Boseley. Even with vaccines, we still need treatments for Covid. So what works? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/feb/02/even-with-vaccines-we-still-need-treatments-for-Covid-so-what-works> (дата обращения: 07.09.2022).
130. Sarah Boseley. Origin story what do we know now about where coronavirus came from // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/dec/12/where-did-coronavirus-come-from-Covid> (дата обращения: 07.09.2022).
131. Sarah Boseley. Covid pandemic was preventable, says WHO-commissioned report // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/may/12/Covid-pandemic-was-preventable-says-who-commissioned-report> (дата обращения: 11.12.2023).
132. Sarah Marsh and Amelia Hill. Figures lay bare toll of pandemic on UK children's mental health // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2020/oct/21/figures-lay-bare-toll-of-pandemic-on-uk-childrens-mental-health> (дата обращения: 18.04.2022).
133. Shanti Das. 'No no no. Avoid them all': anti-vaccine conspiracies spread as UK cases of measles increase // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2023/nov/25/no-no-no-avoid-them-all-anti-vaccine-conspiracies-spread-as-uk-cases-of-measles-increase> (дата обращения: 11.12.2023).

134. Sonia Sodha. Question Time showed that you can't counter anti-vax myths with cold reason alone // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/06/instead-of-debunking-anti-vax-myths-question-time-gave-them-platform> (дата обращения: 18.04.2022).
135. Sonia Sodha. Empty classroom seats reveal ‘long shadow’ of Covid chaos on Britain’s children // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/oct/22/empty-classroom-seats-reveal-long-shadow-of-Covid-chaos-on-children> (дата обращения: 20.04.2024).
136. Stephanie Longuet. I’m a Covid researcher – and I have long Covid. That’s why I have to be part of the fight against it // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/feb/20/long-Covid-treatment-symptoms-research-uk> (дата обращения: 07.05.2023).
137. Stephen Reicher. Psychology is a powerful tool, but Britain’s Covid response has given it a bad name // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jun/24/psychology-uk-Covid-response> (дата обращения: 18.04.2022).
138. Stephen Reicher. England’s ‘pingdemic’ is a convenient distraction from the real problem // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jul/26/government-pandemic-pingdemic-Covid-infections> (дата обращения: 07.05.2023).
139. Stephen Reicher. Most of us are sticking to the lockdown rules, so why do we blame one another? // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jan/15/lockdown-rules-blaming-Covididiots-compliance> (дата обращения: 28.08.2023).
140. Steven Morris. Covid ‘shaming’ shifted focus from UK government failures, study says // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2023/feb/07/Covid-shaming-shifted-focus-from-uk-government-failures-study-says> (дата обращения: 07.05.2023).

141. Suzanne Moore. Are you a complete Covidiot? It's what the government wants of all of us // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/sep/07/are-you-a-complete-Covidiot-its-what-the-government-wants-of-all-of-us-coronavirus> (дата обращения: 28.08.2023).
142. Tedros Adhanom Ghebreyesus. The data is clear: long Covid is devastating people's lives and livelihoods // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2022/oct/12/long-Covid-who-director-general-oped-tedros-adhanom-ghebreyesus> (дата обращения: 15.10.2022).
143. The Observer. Immunologist Akiko Iwasaki: 'We are not done with Covid, not even close' // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2023/may/27/immunologist-akiko-iwasaki-we-are-not-done-with-Covid-not-even-close> (дата обращения: 20.04.2024).
144. Tik Root. Long Covid is said to affect white middle-aged women more – but data suggests otherwise // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2022/oct/14/long-Covid-care-access> (дата обращения: 28.08.2023).
145. Tory Shepherd. It's psychologically easier': how anti-vaxxers capitalised on coronavirus fears to spread misinformation // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/society/2020/jun/06/its-psychologically-easier-how-anti-vaxxers-capitalised-on-coronavirus-fears-to-spread-misinformation> (дата обращения: 15.10.2022).
146. Verna Yu. China changes definition of Covid deaths as cases surge // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2022/dec/21/china-Covid-infection-surge-puts-end-of-global-emergency-in-doubt-who> (дата обращения: 20.04.2023).
147. Vivian Ho. What does 'shelter in place' mean? California's coronavirus order, explained // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.theguardian.com/us-news/2020/mar/16/shelter-in-place-california-coronavirus-bay-area-explained> (дата обращения: 18.09.2022).

148. Warren Murray. Tuesday briefing Two-thirds of people might catch coronavirus – expert // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/11/tuesday-briefing-two-thirds-of-people-might-catch-coronavirus-expert> (дата обращения: 16.09.2022).

149. Ziyad Al-Aly. The WHO is letting down long Covid patients // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/oct/17/who-long-Covid-patients> (дата обращения: 21.04.2023).

150. Zoe Williams. I have tested positive for Covid – and I feel really guilty // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/feb/28/i-have-tested-positive-for-Covid-and-i-feel-really-guilty> (дата обращения: 18.08.2022).

151. Zoe Williams. I thought new year predictions would be more fun than resolutions. Big mistake // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/jan/10/i-thought-new-year-predictions-would-be-more-fun-than-resolutions-big-mistake> (дата обращения: 10.02.2023).

152. Zoe Williams. Forget culture wars the Covid inquiry is a stark reminder of what government is really about // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/jun/17/culture-wars-Covid-inquiry-government-reality-decisions> (дата обращения: 18.08.2023).

153. Zoe Williams. Is it a cold, a super cold or Covid And should I carry on regardless // The Guardian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/dec/12/a-cold-a-super-cold-or-Covid-should-i-carry-on-regardless> (дата обращения: 20.03.2024).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Статья «Can we now treat Covid like a cold and is UK still tracking numbers?»

This article is more than 6 months old

How worried should we be about Covid these days, and what should we do if we develop symptoms?

Hannah Devlin *Science correspondent*

Fri 20 Oct 2023 12.00 BST

Share

As we head into another winter, Covid numbers have been ticking up. But how worried should we be about Covid these days – can we treat it like a cold, or have we become blasé about an illness that could still pose a threat to elderly and clinically vulnerable people?

How does Covid compare to a cold or seasonal flu?

Seasonal flu has been a benchmark for Covid since early in the pandemic, and for some time Covid has had a lower mortality rate. Last winter Covid caused fewer deaths than flu – 10,000 versus just over 14,000, according to the UK Health Security Agency. However, Covid remains a more serious illness than a typical cold, with one study showing that for people who become ill enough to be hospitalised, Covid still has a higher risk of death. “The problem is a lot of people say they’ve got flu when they haven’t,” said Prof Paul Hunter, an expert in infectious diseases at the University of East Anglia. “Flu is not nothing – it is a nasty infection that typically kills 20,000 people in a winter.”

In terms of the overall impact on the health service, Covid is still likely to add to pressures this winter. “We’re not in 2020 or 2021 and that’s a good thing,” said Prof Christina Pagel, of University College London. “But we’re also not in 2019. We’ve still got a new disease that’s killing thousands of people each year and we’ve got long Covid.”

Do we still keep track of how many people are infected with Covid?

Since the Office for National Statistics infection survey wrapped up in March, it has been hard to know how many people are infected in the UK. However, official UKHSA figures, which show infections in hospital, indicate whether infection rates are rising or falling. This week's figures suggest that infections, which had been steadily increasing since August, are now going down again across all age groups.

Has Covid become a seasonal illness?

Last year, as new variants arrived in quick succession, there were multiple large waves of infection, including during the summer months. This hasn't been the case in 2023, which some say indicates Covid is settling into a seasonal pattern, with indoor mixing and lower temperatures allowing the virus to spread more readily in winter. "In pandemics with relatively short durations of immunity you always get a series of gradually dampening waves as you move towards the endemic equilibrium," Hunter said. "Seasonality will ultimately start playing a role. The other human coronaviruses generally follow a seasonal pattern where they peak between November and February."

Is the possibility of new variants still a threat?

The so-called Pirola variant (official name BA.2.86) prompted unease after being detected in Denmark in July and steadily spreading to other countries. The strain has a large number of mutations, raising the risk that it could evade existing immunity or could have changed in a way that makes it more virulent or more infectious. This has not transpired to be the case with this particular strain. "There was a lot of hype but that's been a bit of a damp squib," said Hunter. "It's still gradually increasing as a proportion of all infections but not dramatically so."

The prospect of a new variant causing a dramatic resurgence may be receding but scientists remain alert to this possibility and continue to monitor the emergence of new strains – although England has dropped its wastewater surveillance programme. "It's a confusing time," said Prof Danny Altmann, an immunologist at Imperial College London. "If you live in my world, where you're still looking at

sequences of viruses, we've still got our guard up. But nobody has the stomach for that fight any more."

If you have symptoms, should you stay off work, isolate, and do you need to test?

It is still advisable to stay at home and avoid social contact if you have Covid symptoms. However, views vary on testing. Shropshire community NHS trust apologised last week after issuing an email warning staff not to test for Covid because it could result in them "having to remain at home for longer than their symptoms persist". Pagel said: "I think that's just ridiculous. If there's one place where you really don't want to give people Covid, it's in hospital. We have a staffing crisis in the NHS but this is such a bad way to deal with it. If you're giving Covid to older people and those with other health conditions, they end up in hospital for longer, so you're making bed issues worse and you end up with more people off work."

Pagel says testing can still be valuable because returning to exercise too quickly after Covid can lead to a slower recovery – so if you know you've had Covid you can take it easy. And if you develop long Covid, knowing that you've had an infection can be useful for diagnosis.

Who is being offered a booster this time around?

This autumn, boosters are being offered to everyone over 65 years old and those who are clinically vulnerable. About 35% of over-65s have taken up this offer since 1 September. For those outside the eligible groups, it is not possible to pay privately for a Covid booster injection at a pharmacy, but this could change next year. There has been little demand for private vaccinations until recently because previously all over-50s were eligible for NHS vaccination. However, several companies, including Moderna, have recently submitted applications to the Medicines and Healthcare products Regulatory Agency to update their licences to allow them to supply vaccines in individual pre-filled syringes, which would make it easier for pharmacies to offer one-off doses.

Is long Covid still a problem?

As immunity builds up in the population, the chances of Covid turning into long Covid has reduced substantially, although the total number has become harder to track. In March, when the ONS recorded its last survey, an estimated 1.9 million people in the UK (2.9% of the population) said they believed they had long Covid (symptoms continuing for more than four weeks), with 381,000 of these (20%) reporting that their ability to undertake their day-to-day activities had been “limited a lot”. Last month, the ONS reported that record numbers in the UK – 2.5 million – were not working due to long-term ill health, with evidence that long Covid could be having an impact.

“We’re still seeing people every week coming to our clinic,” Altmann said. “It’s still a thing – still an enormous thing.”

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Статья «‘A horrible winter lies ahead’: next PM will inherit an NHS on its knees»

Andrew Gregory *Health editor*

Mon 29 Aug 2022 12.00 BST

In a television studio in Stoke-on-Trent last month, Liz Truss and Rishi Sunak traded blows over everything from credit card economics to Channel migrants to the accessories chain Claire's. The list of issues the pair clashed over was dizzyingly long.

There was one glaring omission, however. In the hour-long debate there was not a single mention of the NHS – despite being engulfed in its biggest ever crisis. The NHS now shares the same traits as many of those relying upon it to keep them alive and well: it is elderly, has multiple comorbidities, and is in dire need of emergency care. Summer has left it on its knees. Worse is expected this winter.

“The new prime minister will inherit an NHS in its worst state in living memory,” says Matthew Taylor, the chief executive of the NHS Confederation, which represents the healthcare system in England, Wales and Northern Ireland. “There is no escaping that the NHS is in a state of crisis.”

The facts, he says, speak for themselves. “There are 105,000 vacancies. A&Es are overcrowded. Around one in seven hospital beds are occupied by patients who can’t be discharged. Some patients have had to wait over 40 hours for an ambulance. Care is being put at risk by neglected buildings due to underinvestment. And then there’s the waiting lists, which stretch into the millions across elective care, mental health and community care.”

Jeremy Hunt, the chair of the health and social care committee, is equally concerned. “The new PM will inherit an NHS facing the most serious crisis in its history,” he warns. “A&Es, ambulances, general practice and social care are in serious peril across the country.”

The overriding problem for the new Downing Street incumbent is that, while in previous years problems in the NHS centred on specific areas, today the entire house is on fire.

“The NHS has never been as challenged as it is now,” says Alastair McLellan, the editor of Health Service Journal. “There is not one area of NHS provision that isn’t really struggling … There is literally nowhere where it isn’t bad, and in some cases really bad.”

Ambulances outside a hospital in London. A record 29,317 people had to wait over 12 hours in English A&E departments in July. Photograph: Andy Rain/EPA

In the short term, says Robert Ede, the head of health and social care at the Policy Exchange thinktank, the key task will be to prioritise. “Almost every light on the dashboard is flashing. The singular priority for this winter should be to ensure that patients can get access to core services.”

One light that flashed all summer was urgent and emergency care. A record 29,317 people had to wait over 12 hours in English A&E departments in July from a decision to admit to actually being admitted. That was up 33% from 22,034 the previous month and is the highest for any month in records going back to August 2010.

“Patients face extremely long waiting times,” says Dr Adrian Boyle, the vice president of the Royal College of Emergency Medicine, who says many are in a serious condition or have severe injuries. “We know long waiting times for patients can cause harm or worsen conditions or injuries. The huge number of patients waiting for care is alarming.”

Ambulances in England took an average of 59 minutes and seven seconds last month to respond to emergency calls such as strokes, up from 51 minutes and 38 seconds in June – well above the target of 18 minutes. “If you call an ambulance in the south-west … there’s a reasonable chance you will die before it turns up,” says McLellan. “However bad the NHS has got in the past, that has tended not to be the case.”

Richard Murray, the chief executive of the King's Fund thinktank, concurs. "While the waiting list having crossed the 6.7 million point may seem eye-watering enough, the depth of the challenge in emergency care – seen in ambulance and A&E waiting times – is worse. NHS plans for recovery have been hampered by repeated waves of the Omicron variant and more fundamentally, deep workforce shortages that have been long in the making."

General practice has been hit particularly badly by the failure to recruit and retain enough staff. "Too many patients say it is difficult to get a GP appointment even though colleagues in primary care are working flat out," the chief executive of NHS England, Amanda Pritchard, admitted in a memo to staff this month.

In 2015, the government pledged to hire 5,000 more GPs within five years but the number went down instead of up. In 2019, the government promised 6,000 more GPs by 2024 but progress has been glacially slow.

"The new prime minister must make general practice a top priority if he or she is serious about ensuring the NHS remains sustainable to deliver care to patients now and in the future," says Prof Martin Marshall, the chair of the Royal College of GPs. "We are making more consultations every month than before the pandemic and the care we are delivering is becoming more complex, but numbers of fully qualified, full-time GPs are falling."

Christina Pagel, a professor of operational research at University College London, says Covid-19 "considerably worsened" the NHS crisis but did not cause it. "Essentially, we went into the pandemic with a health service that was already cut to the bone, with serious staff shortages, morale problems and underfunding."

Nigel Edwards, the chief executive of the Nuffield Trust thinktank, agrees. "The pandemic has added fuel to the fire but the root of these problems has been decades in the making."

Dr Subramanian Narayanan, the president of HCSA, the hospital doctors' union, says the NHS is in a worse position to face a pandemic now than it was in 2020.

“Staffing shortages are more severe than at the beginning of the pandemic and there is no evidence that the drivers of this are being addressed.”

The workforce crisis is the main problem. “Warnings on a lack of a plan for healthcare staffing have been there for years,” says Pagel. “Brexit made it much worse, particularly in cities as we lost so many EU staff who chose to go home.”

skip past newsletter promotion

Pat Cullen, the general secretary of the Royal College of Nursing, which will ballot its members on industrial action next month, says the key to solving the NHS crisis is through “recruitment and retention – and this starts by paying staff fairly”.

In 2019, the government promised 6,000 more GPs by 2024 but progress has been glacially slow. Photograph: Hugh Hastings/Getty Images

With renewed focus on ambulance delays and the care backlog, other areas of the NHS are slipping. Mental health is an alarming example. “Mental health had, over the past few years, clawed its way up the agenda,” says McLellan. “And the mental health investment standard, although not perfect, did actually see more money spent on mental health. Mental health was getting there … my feeling now is [it’s] actually going backwards.”

Saffron Cordery, the chief executive of NHS Providers, says mental health services have become overstretched. The Royal College of Psychiatrists warns waiting lists are at record levels and care is at “crisis point”. The charity YoungMinds says thousands of young people are attempting suicide as a result of long waits for treatment.

“The NHS has never faced such a deep crisis and there seems to be no political will whatsoever to face up to the reality and get to grips with it,” says Boyle. “It is deeply concerning that neither the prime minister nor the leadership candidates have grasped the severity of this crisis, the scale of patient harm occurring, and how much worse this could get in the winter.”

Since its absence from the Stoke-on-Trent debate, the NHS has barely featured in the leadership race. It only recently did so when Truss said she would divert £13bn of funding earmarked for the NHS to social care.

In theory, it is a good idea, McLellan says, but it should have happened years ago. The problem is now is a “dangerous time to do it”. “Does social care need money more than the NHS? Yes. But we’re now in a situation where they’ve let the NHS get into crisis as well as social care. So both need money.”

Hard decisions must be made, says Edwards. “The new prime minister will need to rapidly face up to and make tough choices to address the interconnected challenges across health and care if they hope to turn around declining performance, falling public satisfaction, and growing access inequalities.”

That means urgent action, stresses Murray. “What can be done? Winter is always by far the toughest time for the NHS, and time is running desperately short to do anything, but whatever can be done, should be.

“This includes getting behind the Covid and flu vaccination campaigns; producing a quick fix to the pensions issue driving senior staff out of the service; and being ready for emergency support to social care that can also help the NHS by getting patients out of hospital quickly when they are ready. Beyond that sustainable recovery can only come from confronting the workforce crisis.”

Hunt says: “A horrible winter lies ahead of us, and a serious, funded NHS workforce plan is the only way to prevent avoidable deaths mounting up in the months ahead.” Ede argues that urgent investment in NHS capital such as new kit and facilities “has the potential to deliver much bigger return: solving problems like delayed diagnosis”.

Meanwhile, the NHS crisis and choices facing the new prime minister come at the worst possible time, says Edwards. “These decisions will be made even more difficult against a backdrop of austerity from the 90s, a lack of vision reminiscent of the 80s and the industrial relations and inflation of the 1970s. There will be no easy route through.”

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Статья «Long Covid is the elephant in the room, but it seems invisible to Australian politicians»

Opinion Coronavirus

This article is more than 3 years old

Long Covid is the elephant in the room, but it seems invisible to Australian politicians

This article is more than 2 years old

Adrian Esterman

As Australia tries to live with the virus, an increasing number of people may have to live with its potential long-term effects

Thu 30 Dec 2021 03.21 GMT

Share

‘Although most people infected with Covid-19 return to normal health after their infection, more than a third may still have health problems months after recovery.’ Photograph: Lisa Maree Williams/Getty Images

- 1) In August, the prime minister, Scott Morrison, wrote: “This is what living with Covid is all about. The case numbers will likely rise when we soon begin to open up. That is inevitable. But our focus needs to be on the rate of people being hospitalised”.
- 2) Well, he was spot on with respect to case numbers rising. The trouble is, that they have risen much faster than expected.

‘Complete collapse of leadership’: Australia’s recent Covid response amounts to world-class bungling

Stephen Duckett

Read more

- 3) The University of New South Wales recently reported modelling showing that 25,000 cases a day for NSW were possible by the end of January. With 12,226 cases for the state on Thursday, it not only looks very realistic, but is most likely an underestimate.
- 4) Even if Omicron is milder than Delta, with thousands of cases a day, hospitalisations and ICU admissions will inevitably rise. We are already seeing this in NSW.
- 5) And when he wrote about living with Covid, Morrison failed to mention that many infected people end up with long-term health problems, a condition we call long Covid (or post-Covid-19 condition).

“Unfortunately, the Australian government rarely learns from other countries”

- 6) Although most people infected with Covid-19 return to normal health after their infection, more than a third may still have health problems three to six months after recovery. Those most at risk of long Covid include people aged over

50, females, and those with chronic health conditions and obesity. Having a psychiatric or an immunosuppressive condition also increases your risk. There is some evidence that the severity of the initial Covid-19 infection doesn't seem to affect the chance of you getting long Covid, although there are mixed findings on this.

7) If you are unfortunate to end up with long Covid, common symptoms include abnormal breathing, constant fatigue, malaise, sore chest, sore throat, heart abnormalities, headache, muscle pain, abdominal problems, nerve pain, insomnia, dizziness, brain fog, anxiety and depression. In fact, just about any organ in your body can be damaged by the virus. On a more cheerful note, at least one study has found that children are less likely to get long Covid.

8) We are still learning about long Covid and all of the studies referenced above have been on previous variants. Unfortunately, because Omicron has only been around a few weeks, it is too early to know whether the new variant will be just as bad for long Covid. The Australian Medical Research Future Fund is about to fund one or more major studies of long Covid in Australia, so more information will become available in the next two to three years.

9) Like Australia, many European countries have gone through the same route of reopening and trying to live with Covid-19. But Prof Martin McKee, a European public health expert at the London School of Hygiene & Tropical Medicine, is critical of the French and UK governments' responses and disbanding of public health measures. He wants to return the focus to cases, and on bringing cases down to as low a level as possible, rather than simply trying to live with the virus.

The difficulties of estimating long Covid

David Spiegelhalter and Anthony Masters

Read more

- 10) This doesn't necessarily mean lockdowns, although McKee points out that these have been very effective in Austria and the Netherlands, albeit for the Delta variant. He argues that the focus now should be on public health measures like improved air filtration and ventilation.
- 11) What a sensible idea. Unfortunately, the Australian government rarely learns from other countries.
- 12) Meanwhile, the elephant in the room called long Covid is still there, but quite invisible to our politicians.
- 13) Prof Adrian Esterman is chair of biostatistics and epidemiology at the University of South Australia. He previously worked for the World Health Organization in Geneva and Copenhagen
- 14) This article was amended on 31 December 2021 to remove a sentence that incorrectly stated that Scott Morrison said modelling of 25,000 cases a day for NSW by the end of January was not realistic. His quote in fact referred to modelling earlier in 2021 that warned of 25,000 deaths if restrictions were lifted.

Explore more on these topics

Coronavirus

Opinion

Health

Infectious diseases

Long Covid *comment*

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Список примеров использования метафорических оборотов как средства выражения манипулятивных стратегий

<i>№</i>	<i>Предложения с метафорическими оборотами</i>	<i>Функция</i>
Статья №68	Governments say they are <i>waging war against Covid-19</i> but the metaphor is not quite right.	Стратегия «Усиление чувства вины»
Статья №96	“Everything suggests that you can get <i>neutralising antibodies</i> . Those are antibodies which protect against the disease,” said Vallance.	Стратегии «Создание трудностей и дальнейшее предложение их решения», «Обращение к населению как к детям»
Статья №86	The people placed at risk from Covid by overcrowded housing, obesity and <i>frontline jobs</i> in industries that do not allow the relative safety of home working are the people most likely to be fooled by lethal pseudo-science.	Стратегия «Усиление чувства вины»
Статья №12	How many people will actually get that jab, however, is unclear. In the UK, it will be available only to those over 65, select vulnerable groups and <i>frontline health and social care workers</i> .	Стратегия «Смещение акцента с размышлений на эмоции»
Статья №133	“ <i>Arm yourself with information</i> to decline because they will pressure you.” Dr Selvaseelan Selvarajah, a GP in east London, <i>is on the frontline of the fight</i> to reverse this trend.	Стратегия «Смещение акцента с размышлений на эмоции»
Статья №117	From 11 September, the vaccine will be offered to residents in care homes; all adults aged 65 years and over; people in clinical risk groups; and <i>frontline health and social care workers</i> .	Стратегия «Усиление чувства вины»
Статья №107	Johnson was recorded referring to Sunak’s Treasury as “ <i>the pro-death squad</i> ”, while Dominic Cummings, Johnson’s former	Стратегия «Смещение акцента с размышлений на эмоции»

	senior aide, summarised Sunak's general view at the time as "just let people die and that's OK".	
Статья №125	(WHO) said recent cases of coronavirus patients who had never visited China could be the " <i>tip of the iceberg</i> ". Prof Gabriel Leung, the chair of public health medicine at Hong Kong University, said the overriding question was to figure out the size and shape of the iceberg.	Стратегия «Постепенное внедрение»
Статья №125	You need extra trust, extra sense of solidarity, extra sense of goodwill, all of which have been completely used up – every last drop in that <i>social capital fuel tank</i> has been exhausted after now eight months of social unrest, so it couldn't have come at a worse time," he said.	Стратегии «Смещение акцента с размышлений на эмоции», «Создание трудностей и дальнейшее предложение их решения»
Статья №70	Conceptualising these diseases as acute illnesses is really just looking at <i>the tip of the iceberg</i> , and eclipses the much higher toll of adverse health outcomes that are happening in the post-acute phase.	Стратегия «Обращение к населению как к детям»
Статья №42	The evidence did not suggest that we were only seeing <i>the tip of the iceberg</i> . If borne out by further testing, this could mean that current estimates of a roughly 1% fatality rate are accurate.	Стратегия «Обращение к населению как к детям»
Статья №141	Wish you could stand the "Covidiot" in the corner and laugh at him? There are not enough <i>dunces' caps</i> for all the Covidiotics out there.	Стратегии «Усиление чувства вины», «Смещение акцента с размышлений на эмоции»
Статья №90	Are there any <i>silver linings</i> ? The arrival of vaccines means a growing number of people, particularly those most vulnerable to Covid, will gain protection against the disease, with the first dose offering some protection within about 12	Стратегии «Создание трудностей и дальнейшее предложение их решения», «Усиление чувства вины»

	days.	
Статья №67	Anti-vax <i>firebreather</i> Piers Corbyn was there, of course, unabashed by the recent undercover sting that showed him happy to take £10,000 in cash from what he thought was an AstraZeneca shareholder, while agreeing that he would exempt their product from his <i>rhetorical fire</i> .	Стратегия «Смещение акцента с размышлений на эмоции»
Статья №67	Besides, Covid denialism offers the lure of all conspiracy theories: the promise of secret knowledge, the chance to see what the <i>sheeple</i> cannot see.	Стратегии «Усиление чувства вины», «Обращение к населению как к детям»
Статья №138	Although the government's “ <i>head in the sand</i> ” approach employs the rhetoric of freedom, it actually makes future lockdowns more likely.	Стратегии «Смещение акцента с размышлений на эмоции», «Создание трудностей и дальнейшее предложение их решения»
Статья №129	Prof Martin Landray, co-chair of Recovery, said both vaccines and treatments are vitally important. Setting one above the other is a bit like saying “if you don't want your house <i>to catch fire</i> or burn down, that because you've got all flame-retardant materials you don't need <i>the fire brigade</i> ”, he said.	Стратегия «Создание трудностей и дальнейшее предложение их решения», «Постепенное внедрение»
Статья №82	Chinese government assiduously controlled the mortality figures in the same way an unfaithful husband under interrogation by his wife at first denies everything. It was like a flood control officer opening the floodgates and standing on high ground to coldly watch <i>the raging torrent</i> surge towards cities and villages.	Стратегия «Смещение акцента с размышлений на эмоции»
Статья	This is the resilience and preparedness	Стратегии «Отвлечение

№152	module of the Covid inquiry, tracking back to 2018, when Public Health England called attention to a “gap in strategy focusing on infectious diseases”; to 2016, when Exercise Alice wargamed what would happen had Middle East respiratory syndrome (Mers) taken on pandemic dimensions; to 2002, when the strategy void was first identified.	внимания», «Смещение акцента с размышлений на эмоции»
Статья №152	When it was centralised during the pandemic, that trust was watered down .	Стратегии «Отвлечение внимания», «Смещение акцента с размышлений на эмоции»

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Статья «As a new variant emerges, is Covid coming back to the UK?»

Robin McKie

Vaccines, available only to high-risk groups, have been brought forward as cases begin to rise and the British winter looms

Sun 3 Sep 2023 06.00 BST

The vaccine campaign against Covid-19 has just been brought forward by a month in the face of changes in the disease's behaviour. The decision was made as the UK heads into autumn and has raised concerns that the nation faces a new wave of a disease that triggered a national lockdown three years ago. Here we look at the issues involved and scientists' responses to the threats that lie ahead.

1 Are cases on the rise?

Scientists say that the daily number of new positive tests and the proportion of tests coming back positive have been increasing since the end of June. In addition to waning immunity to Covid-19, poor summer weather and the screening of blockbuster films such as Barbie and Oppenheimer may have caused increased indoor mixing, setting off rises in infections.

2 Will it get worse as winter approaches?

As weather worsens and days get shorter, that social mixing will intensify and numbers of cases are likely to continue to rise, although scientists also point out that current levels are still very low compared with case numbers last year. Nor has Covid-19 become a seasonal disease as expected. "It was thought that Covid-19 would end up being a seasonal illness like flu but this has not yet happened," added Professor Adam Finn, of Bristol University. "The virus is still evolving quickly and new waves are appearing throughout the year."

3 What's happening in hospitals?

New hospital admissions and numbers of beds occupied by Covid patients have also been rising, but again doctors stress they are increasing slowly from a very low baseline.

Covid tests are no longer free but can be bought at pharmacies. Photograph: Oliver Helbig/Getty Images

4 How dangerous is the latest variant?

The new variant, BA.2.86, is characterised by a large number of mutations, many of which might be expected to help the virus evade existing immune responses. “However, our genomic surveillance suggests that BA.2.86 is still at low prevalence, and although this strain has been identified in a number of different countries, it is not yet clear whether it is replacing existing strains in any of these settings,” said Professor John Edmunds, of the London School of Hygiene & Tropical Medicine.

5 How do I get a test these days?

Covid tests are no longer available free of charge. Lateral flow tests can be purchased for a couple of pounds from pharmacies, while PCR tests – which give a more definitive indication of a person’s infection status – cost about £50.

6 Can I get a vaccine?

From 11 September, the vaccine will be offered to residents in care homes; all adults aged 65 years and over; people in clinical risk groups; and frontline health and social care workers. Those outside these groups will not be given a jab and – unlike those seeking immunisation against flu – will not be able to buy one. The government has said recently that in future it will not oppose the sale of Covid vaccines to those who want to buy one. However, manufacturers have yet to offer their products for sale in the UK.

7 Has the Covid-19 vaccine been tweaked?

An updated version of the vaccine that targets two coronavirus variants has been approved for adult booster doses by the Medicines and Healthcare products Regulatory Agency. This will be available to those getting the vaccine from 11 September and targets the original virus strain that appeared in 2020 as well one of the more recent Omicron variants. A new vaccine specifically tailored to target another Omicron variant will become available by the end of the year.

8 Why don't they create a combined Covid-flu vaccine?

Scientists are working on creating such a joint vaccine. In the meantime, doctors have urged patients to try to arrange to have the two separate vaccines at the same time. “It is easier for patients to have both vaccines at the same time at only one visit: one in each arm,” said epidemiologist Professor Keith Neal at Nottingham University. In the longer term, scientists anticipate that a single vaccine will eventually be developed to protect against Covid and flu and also RSV (respiratory syncytial virus), which also causes illness in winter.

9 Do we know enough about how widespread Covid is?

It is not clear how prevalent Covid has become in the UK. Detailed tracking of the disease has been cut back. “In a sense that is a pity but, on the other hand, we need to be clear about our priorities,” added Finn. “The disease is not the threat it was three years ago and we need to put our resources into the really pressing medical problems that we are facing.”

10 What's the situation like elsewhere in the world?

The global picture of Covid's spread is extremely mixed. In developing nations, the disease spread through populations who were not provided with vaccines. By contrast, in countries such as the US, the vaccine take-up rate has been striking and there continues to be strong pressure for all ages to be immunised, including children who rarely suffer ill effects from Covid infections. Uptake rates remain low among young people, however.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6. Статья «Coronavirus: nine reasons to be reassured»

This article is more than 4 years old

Jon Henley

Yes, Covid-19 is serious, but context is key and the world is well placed to deal with it

Share your experiences

Sat 7 Mar 2020 05.00 GMT

Share

The coronavirus epidemic plainly poses an exceptionally serious global problem: in a few short weeks, it has spread from China to more than 80 countries, infecting more than 100,000 people so far and causing more than 3,400 deaths.

But as we are hit with minute-by-minute updates from around the world, experiencing the advance of Covid-19 in real time – news alerts, huge headlines, social media hysteria – there's a risk that we might lose some essential context.

Yes, this virus is obviously a massive challenge: medical, political and – perhaps most strikingly at present – social and economic. But it is worth remembering the world has never had better tools to fight it, and that if we are infected, we are unlikely to die from it.

Here, courtesy of a number of scientists but mainly Ignacio López-Goñi, a professor of microbiology and virology at the University of Navarra in Spain, are what might hopefully prove a few reassuring facts about the new coronavirus:

We know what it is. As López-Goñi wrote for the Conversation France, the virus causing cases of severe pneumonia in Wuhan was identified within seven days of the official announcement on 31 December, and, three days after that, the gene sequence was available. HIV, by contrast, took two years to identify after it first appeared in mid-1981, López-Goni noted. We also know the virus is natural, that it is related to a virus found in bats, and that it can mutate, but does not appear to do so very often.

We can test for it. By 13 January – three days after the gene sequence was published – a reliable test was available, developed by scientists at the department

of virology at Berlin's Charité university hospital with help from experts in Rotterdam, London and Hong Kong.

We know it can be contained (albeit at considerable cost). China's draconian quarantine and containment measures appear to be working. On Thursday 120 new cases were reported in Wuhan, the lowest figure for six weeks, and, for the first time since the start of the outbreak, none at all in the rest of Hubei province. Several Chinese provinces have had no new cases for a fortnight and more are reopening their schools. In many countries, infections are in defined clusters, which should allow them to be more readily contained.

Catching it is not that easy (if we are careful) and we can kill it quite easily (provided we try). Frequent, careful hand washing, as we now all know, is the most effective way to stop the virus being transmitted, while a solution of ethanol, a solution of hydrogen peroxide or a solution of bleach will disinfect surfaces. To be considered at high risk of catching the coronavirus you need to live with, or have direct physical contact with, someone infected, be coughed or sneezed on by them (or pick up a used tissue), or be in face-to-face contact, within two metres, for more than 15 minutes. We're not talking about passing someone in the street.

In most cases, symptoms are mild, and young people are at very low risk. According to a study of 45,000 confirmed infections in China, 81% of cases caused only minor illness, 14% of patients had symptoms described as "severe", and just 5% were considered "critical", with about half of those resulting in death. Only 3% of cases concern people under 20, children seem barely affected by the virus at all, and the mortality rate for the under-40s is about 0.2%. The rate rises in the over-65s, reaching nearly 15% in the over-80s, especially those with pre-existing heart or lung conditions. Calculating mortality rates during an ongoing epidemic is hard because it is not clear how many mild or asymptomatic cases have been tested for, but the best estimate we have for the coronavirus so far is 1.4% – somewhere between 1918 Spanish flu and 2009 swine flu.

People are recovering from it. As the daily count maintained by the Johns Hopkins CSSE shows, thousands of people around the world are making confirmed recoveries from the coronavirus every day.

Hundreds of scientific articles have already been written about it. Type Covid-19 or Sars-19 into the search engine of the US national library of medicine's PubMed website and you will find, barely five weeks after the emergence of the virus, 539

references to papers about it, dealing with vaccines, therapies, epidemiology, diagnosis and clinical practice. That's an exponentially faster publication rate than during the Sars epidemic, López-Goñi notes – and most publications' coronavirus articles are free to access.

Vaccine prototypes exist. Commercial pharmaceutical and biotechnology labs such as Moderna, Inovio, Sanofi and Novavax, as well as academic groups such as one at the University of Queensland in Australia – many of which were already working on vaccines for similar Sars-related viruses – have preventive vaccine prototypes in development, some of which will soon be ready for human testing (although their efficacy and safety will of course take time to establish).

Dozens of treatments are already being tested. By mid-February, more than 80 clinical trials were under way for antiviral treatments, according to Nature magazine, and most have already been used successfully in treating other illnesses. Drugs such as remdesivir (Ebola, Sars), chloroquine (malaria), lopinavir and ritonavir (HIV), and baricitinib (rheumatoid polyarthritis) are all being trialled on patients who have contracted the coronavirus, some as a result of the application of artificial intelligence.

This article was amended on 7 March 2020. An earlier version wrongly stated that “a solution of ethanol, hydrogen peroxide and bleach will disinfect surfaces”. It is dangerous to combine such substances. It now states correctly that “a solution of ethanol, a solution of hydrogen peroxide or a solution of bleach” will disinfect surfaces.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7. Статья «Covid study finds millions have longterm smell or taste problems»

Researchers say about 5% of infected adults may develop long-lasting changes to sense of smell or taste

Andrew Gregory *Health editor*

Published:

03:30 Thu 28 July 2022

Follow Andrew Gregory

Millions of people worldwide may have long-term smell or taste problems as a result of Covid-19, with women more likely to be affected, a study suggests.

About 5% of adults infected with the coronavirus may develop long-lasting changes to their sense of smell or taste, according to the research published in the BMJ.

With more than 550m confirmed Covid-19 cases to date, it means there may be long-term smell deficiencies for 15 million people and taste problems for 12 million (with an unknown overlap of those suffering both) for at least six months after an infection.

Given the devastating effect that loss of smell and taste can have on quality of life and wellbeing, this will have a huge impact on global health, the team of international researchers say.

Loss or change of sense of smell or taste can lead to “severe distress”, they say, and they call for health systems to be better prepared to support people who often feel “isolated” when dismissed by clinicians.

Daily activities such as smelling coffee and testing the flavour of food can become “disgusting and emotionally distressing”, experts say.

The study reviewed data from 18 studies involving 3,699 patients. The researchers used modelling to estimate how many people go on to suffer from altered taste or smell for at least six months after a Covid-19 infection.

They concluded that an estimated 5.6% of patients have smell dysfunction for at least six months and 4.4% have altered taste.

Women were less likely to recover their sense of smell and taste than men, and patients with greater initial severity of smell loss and those with nasal congestion were less likely to recover their sense of smell.

One female patient told researchers that she had yet to recover her sense of smell 27 months after her initial infection.

The researchers acknowledge several limitations to the research. The studies analysed varied in quality and relied on self-reporting, though they say this “may overestimate recovery, suggesting that the true burden of olfactory dysfunction is even greater.”

Sign up to First Edition, our free daily newsletter – every weekday morning at 7am BST

They say that while most patients are expected to recover their sense of smell or taste within the first three months, “a major group of patients might develop long-lasting dysfunction that requires timely identification, personalised treatment and long-term follow-up.”

Prof Danny Altmann, a professor of immunology at Imperial College London, who was not involved with the research, said: “This is a strong and important study, alerting us once again to the difficulties inherent in charting the scale of long-term damage caused by Covid-19.

“The authors conducted a rather rigorous meta-analysis across several cohorts, modelling the time to recovery of taste and smell. It goes without saying that problems with taste and smell are non-trivial for quality of life.

“This is part of a wider discussion about how we assess and address the persistent changes collectively termed long Covid. Studies such as this alert us to the hidden

burden out there of people suffering with persistent symptoms but perhaps not having thought it worth contacting the GP on the assumption there wouldn't be much to be done.”